

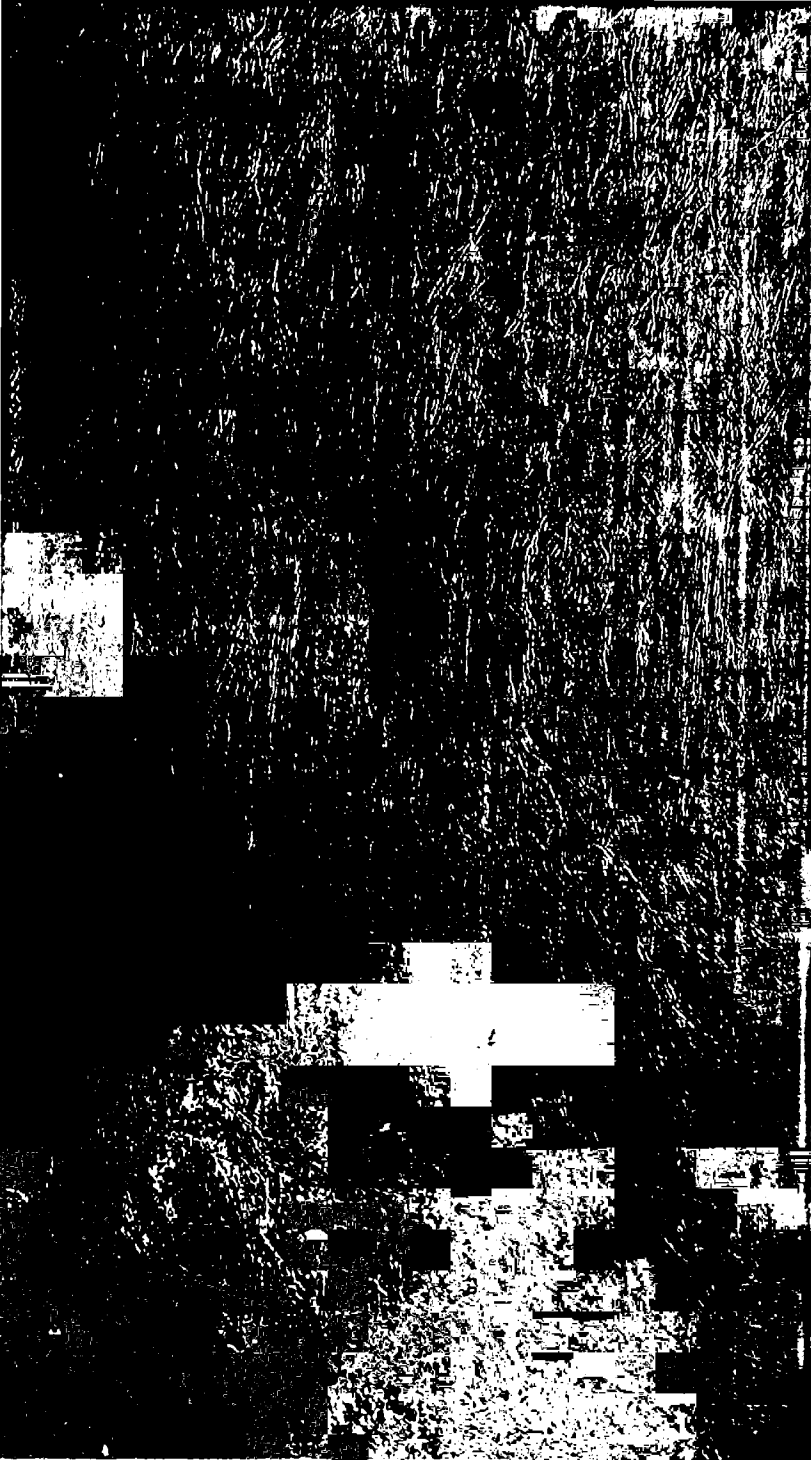
02.В 6205

ГОЛОСА ИНДИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УРСС

82

ГОЛОСА ИНДИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГОЛОСА ИНДИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ответственные редакторы:
И.Д.Серебряков, Е.Ю.Ванина

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства республики Индия в Российской Федерации*

Рецензенты:

д-р филос. наук М. Л. Рейснер,
канд. филол. наук Л. А. Васильева

Голоса индийского средневековья / Отв. ред. И. Д. Серебряков,
Е. Ю. Ванина. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 272 с.

ISBN 5-8360-0362-9

В книге собраны переведенные с оригиналов и снабженные подробными комментариями произведения средневековых индийских авторов, творивших в разные исторические периоды (от первых веков н. э. до XVII в.). Создания поэтов отражают многообразие религиозных направлений, жанров и литературно-языковых традиций Индии (санскритская, тамильская, маратхская и хинди). Тематика их творений столь же разнообразна: философская и социальная лирика, гимны богам, любовная поэзия, сочинения мистиков, семейная хроника, сатира. Все вместе они создают яркую картину жизни средневекового индийского общества, позволяют услышать живые голоса его поэтов, мыслителей, духовных учителей.

Антология рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся индийской культурой, особенно ее подлинными источниками.

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11.
Лицензия ИД № 03216 от 10.11.2000 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 13.12.2001 г.
Формат 60×90/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 17. Заказ 348

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»,
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

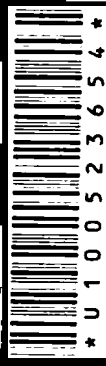
ISBN 5-8360-0362-9

2435508

Эдиториал УРСС, 2002

Всероссийская
государственная библиотека
иностранной литературы
им. М. И. Рудомино

1012247A

Оглавление

Несколько слов к читателям	4
Превратности судьбы	
Избранная лирика Бхартрихари.	
<i>Предисловие и перевод с санскрита</i> И. Д. Серебрякова	9
Властители	
Из раннесредневековых тамильских антологий.	
<i>Предисловие и перевод с тамильского</i> А. Ш. Ибрагимова	19
Занедужило сердце мое, хоть кричи...	
Из раннесредневековых тамильских антологий.	
<i>Предисловие и перевод с тамильского</i> А. Ш. Ибрагимова	29
Венок шуток	
Поэма Кшемендры.	
<i>Предисловие и перевод с санскрита</i> И. Д. Серебрякова	59
Кто, коль не глуп...	
Из «Океана сказаний» Сомашедев.	
<i>Предисловие и перевод с санскрита</i> И. Д. Серебрякова	105
Душа — моя мера, язык — мои ножницы	
Гимны Намдева, вошедшие в «Ади Грантх».	
<i>Предисловие и перевод с хинди</i> Г. В. Стрелковой	113
Отправимся в страну, где милый...	
Из лирики Миры Бан.	
<i>Предисловие и перевод с хинди</i> Н. М. Сазановой	141
Берите бога задаром!	
Поэтическая автобиография Тукарама.	
<i>Перевод с маратхи</i> И. П. Глушковой	165
Половина рассказа	
Банараси Дас. Семейная хроника XVI–XVII вв.	
<i>Предисловие и перевод с хинди</i> Е. Ю. Ваниной	197
Комментарии и примечания	241

Несколько слов к читателям

В эту книгу включены переводы произведений средневековой индийской литературы, большей частью впервые представленные на русском языке. Средневековые так окончательно и не ушло из жизни Индии, этой современной, бурно и динамично развивающейся страны, справедливо гордящейся многочисленными достижениями промышленности, науки, образования, демократии. Оно живет не только в литературных и архитектурных памятниках или музейных залах, но и в повседневной жизни, различных пластах мировосприятия, культуры, ценностей и вкусов, не говоря уже, разумеется, о религиях. Охотно воспринимая все новое, Индия не спешит избавиться от вековых традиций, не воюет со своим прошлым, не пересматривает своего отношения к нему с каждым изменением политической конъюнктуры: такие попытки если и предпринимаются, то носят обычно верхушечный характер и не затрагивают мировоззрения большинства. Слишком многим обязана Индия своей истории, и в том числе — средневековой: религиями и философскими течениями, богатейшей литературой всевозможных жанров, искусством, праздниками, славными именами героев, ученых и духовных наставников, наконец — этическими и эстетическими ценностями, моральными установками, в общем — значительной частью своего духовного мира, который умеет впитывать опыт других народов, отвечать на требования времени и одновременно сохранять неразрывную связь с историческими корнями.

Произведения, с которыми вам предстоит познакомиться, относятся к разным периодам индийского средневековья (от первых веков н. э. до середины XVII в.), принадлежат к различным языковым традициям Индии (санскритской, тамильской, махараштрской и диалектов, составивших впоследствии основу современного хинди). Они отражают то единство в многообразии, которое было и остается важнейшей характеристикой индийской культуры, а культура эта столь же пестра, ярка, противоречива и многообразна, как сама жизнь этой страны с ее множеством религий, языков, этносов и традиций. Таким образом, читателям будут представлены самые разные стороны средневекового бытия, самые разные пласты индийской культуры.

Нередко индийскую мысль представляют далекой от мирских проблем. Считается, что взгляд мудрецов и поэтов Индии был обращен либо ввысь, в божественные дали, либо внутрь себя, но не в окружающую жизнь. Такая картина, однако, имеет мало сходства с действительностью. В этой книге читатель обнаружит, что реальное человеческое бытие с его радостями и печалью находило прямое отражение в произведениях средневековой литературы, как чисто религиозной, так и светской. Впрочем, для индийской культуры четкое разграничение между религиозным

и светским зачастую мало характерно. Любовно-авантюрная поэма или городская новелла могут быть пронизаны религиозной символикой или даже служить аллегориями для изложения постулатов того или иного вероучения. В то же время произведения, имеющие сугубо духовную направленность, рисуют богов и богинь как соседей автора по деревне, да и отношения верующего с ними приобретают чисто земной характер. Боги и люди, возвышенное и приземленное живут в литературе индийского средневековья бок о бок, и читатель сможет найти в ней то, что отвечает потребностям его души.

Первым в книге представлен Бхартрихари, гениальный поэт-лирик VII в., отразивший в своих «собраниях ста строф» всю сложность и противоречивость духовной и физической жизни человека, все его взлеты и падения. Философская, гражданская и любовная лирика Бхартрихари — одна из вершин мировой поэзии. Западная Европа познакомилась с творчеством Бхартрихари еще в середине XVII в.; им восхищались Гете и Гердер, а Гейне сделал поэтическое переложение одной из особо полюбившихся ему строф индийского поэта.

На юге Индии, между побережьем Бенгальского залива и горными цепями Западных Гхат, от холмов Тирупати к северу от современного Ченнаи (Мадраса) до крайней южной точки Индостана — мыса Каньякумари, расположена Тамилнаду — страна тамиллов. Этот народ создал одну из наиболее древних и богатых литератур Индии. На земле тамиллов, хорошо известной еще древнегреческим и римским торговцам, путешественникам и историкам, жили поэты, оставившие нам удивительно тонкую и проникновенную лирику, отразившую и всю гамму интимных переживаний человека, и разнообразные общественные проблемы. Эти стихи были собраны в антологии, датируемые обычно в пределах первого тысячелетия н. э. Из всего богатства тамилских поэтических антологий мы выбрали произведения двух жанров: любовную лирику и стихотворения на вечную тему «поэт и царь».

На севере Индии, среди заснеженных гималайских пиков, лежит Кашмирская долина, которую индийцы справедливо называют земным раем. Прохладная, цветущая земля Кашмира с ее волшебными пейзажами и благодатным климатом всегда была священной, местом паломничества и очищения от грехов. Но вот Кшемендра, один из крупнейших поэтов Кашмира, живший примерно в 990–1070 г., связал свое творчество с реальной жизнью современников и показал, что даже этому райскому уголку не чужды земные страсти и противоречия. «Венок шуток» — самое известное из произведений Кшемендры, в котором панорама средневекового общества воссоздана талантом блестящего сатирика, не уступающего по мастерству и силе безжалостного смеха Боккаччо и Рабле. Младший современник и земляк Кшемендры Сомадева прославлен как автор грандиозной эпопеи «Океан сказаний», вместившей в себя и героические повествования, и любовные истории, и плутовские новеллы, и религиозно-философские размышления. «Океан сказаний» — сочинение прозаическое, но, как это было принято в литературе древней и средневековой

Индии, автор включил в него множество стихотворных фрагментов, представляющих и любовную поэзию, и религиозные гимны, и размышления о различных сторонах обыденной жизни.

Окружавший средневекового индийца (и не только его!) мир с непрекращающимися войнами, голодом и нищетой, деспотизмом царей и произволом феодалов, эпидемиями и природными катаклизмами, был зачастую жесток и враждебен человеку. Благо было тому, кто оказывался способен отринуть обыденную суету и встать выше земных бед, уйти от них в мир духовный. Такое, однако, было доступно лишь избранным. Даже найти утешение в религии было непросто: священные тексты индуизма, доступ во многие храмы и сам путь спасения были монополизированы жрецами-брахманами и представителями иных высших каст. И тогда те, кто был социально принижен, обездолен, лишен права постигать бога и искать спасения, создали свой тип индусской религиозности, а точнее — комплекс религиозно-реформаторских учений средневекового индуизма, известных под собирательным названием «бхакти».

Само это слово на санскрите означает «сопричастность», «преданность» и осмысливается как мистическая любовь к богу — главный и наиболее верный путь к спасению. Проповедники бхакти считали, что ни формальная обрядность, ни аскетическое умерщвление плоти или монашество, ни философские размышления не могут привести человека к богу. Единственное, что действительно необходимо для подлинного богопостижения — это искренняя и самозабвенная любовь к богу, обретение его в мистическом наитии, отказ от гордыни, насилия и алчности, скромная трудовая жизнь и помощь ближнему. Эта дорога любви и добродетели, говорили они, открыта для всех, без различия пола, состояния, касты и даже вероисповедания, ибо неважно, как человек именует бога и в какой храм ходит, главное, чтобы он был искренне предан богу, жил честно и праведно.

Бог, которому учили поклоняться проповедники бхакти, обитал не в храме или в мечети, а повсюду, и прежде всего — в сердце искренне верующего — бхакта. Он не нуждался в молитвах на малопонятном санскрите или арабском, понимал любой язык, лишь бы молитва шла от чистого сердца, всегда защищал своих бхактов, посещал их запросто и предпочитал бедную еду в доме неприкасаемого роскошному пиру в царских палатах. Сами поэты-мистики обращались к людям и к Всевышнему на простом, разговорном языке, излагали свое учение в виде лирики малых форм, притч, песен, сказаний. Все это приобретало огромную популярность в народе и привлекало все новых и новых учеников, тем более, что сами проповедники бхакти не отвергали никого. С течением времени вокруг них создавались общины последователей, многие из которых существуют и в наши дни.

Одним из интереснейших региональных направлений бхакти является «варкари пантх», распространенное на западе Индии, в Махараштре, и связанное с почитанием местного бога Витхобы или Виттхала, который

ассоциировался с Кришной¹⁾. В книгу включены произведения двух крупнейших поэтов этого направления: Намдева (ок. 1270–1350) и Тукарама (1608–1649 или 1650). Оба эти поэта были выходцами из простонародья, оба несли богу Витхобе мысли и чаяния бедного человека, так нуждающегося в защите и утешении. Если Тукарам принадлежит, главным образом, махараштрской литературе и лишь через нее — общеиндийской, то слава Намдева перешагнула границы Махараштры; его знали и почитали многие поэты и проповедники бхакти на севере Индии, часть литературного наследия Намдева вошла в «Али Грантх» — «Изначальную книгу», священное писание сикхов.

Среди направлений бхакти, оказавших наиболее сильное влияние на развитие литературы и искусства индийского средневековья и последующих эпох, особая роль принадлежит кришнаитскому. Кришна, один из наиболее популярных богов индуистского пантеона, был словно создан для любви. Легенды о его детстве, проведенном среди пастухов в селении Гокул, о его детских проделках и юношеских любовных похождениях с красавицами-пастушками вдохновляли многих поэтов и художников средневековья. «У меня есть только Гиридхар Гопал (Кришна) и нет ничего более» — это изречение знаменитой поэтессы начала XVI в. Миры Баи и поныне употребляется всякий раз, когда говорят о беззаветной преданности, всепоглощающей страсти. Мира Баи, вдова одного из феодальных властителей, была женщиной незаурядной и отважной, смело бросившей вызов семейным традициям и кастовым устоям. Вместе с тем, ее поэзия, с которой читатель познакомится в этой книге, раскрывает нежную, любящую и ранимую душу безмерно одинокой женщины, воплощавшейся в своем мистическом наитии в одну из пастушек, возлюбленных бога Кришны.

Средневековые хроники и эпические поэмы описывали, как правило, подвиги, интриги и завоевания сильных мира сего. Тем интереснее прочитать семейную хронику, повествующую о жизни обыкновенной купеческой семьи среднего достатка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Автор этой безыскусственной семейной истории, 55-летний ювелир Банараси Дас, дал ей забавное название «Половина рассказа», надеясь, видимо, что жизнь продолжится, и можно будет написать вторую половину. «Половина рассказа» интересна своим проникновением в жизнь простых людей, особенно в торговый мир средневекового города, и одновременно — как свидетельство напряженных духовных исканий автора, поэта и мыслителя, последователя одной из древних и мало изученных религий Индии — джайнизма.

Созданные в разное время и на разных языках, людьми несхожих характеров и воззрений, произведения средневековой литературы, представленные в антологии, раскрывают важнейшие пласты индийской культуры. Это голоса индийского средневековья, его поэтов и мудрецов,

¹⁾ Подробнее об этом направлении бхакти см. главу И. П. Глушковой. «Махараштра: Витхал» в книге «Древо индуизма». М., 1999.

святых и грешников. Они принадлежат не только своему времени: без литературы, религиозных исканий и общественной мысли средневековья Индия не дала бы миру Рамакришну и Вивекананду, Ганди и Тагора. Европейская мысль смогла по-настоящему познакомиться с индийской культурой в XVIII в., оценила ее не сразу, пройдя и через поверхностный интерес к «экзотике», и через презрительную жалость к «бедным туземцам, не знающим истинной цивилизации», и через экзальтированное преклонение перед тайнами «пещер и дебрей Индостана». В настоящее время интерес к индийской духовности продолжает расти, и мы, переводчики-индологи, надеемся, что эта книга поможет читателям услышать живые голоса индийской традиции.

За то долгое время, которое потребовалось для работы над этой книгой, ушли из жизни два автора переводов — И. Д. Серебряков и А. Ш. Ибрагимов. Игорь Дмитриевич Серебряков, один из двух редакторов и составителей книги, был выдающимся индологом, в переводах которого русскоязычный читатель смог познакомиться со многими шедеврами санскритской литературы. Алев Шакирович Ибрагимов был знатоком тамильского языка, переводчиком на русский язык как произведений раннесредневековой тамильской классики, так и сочинений современных писателей Тамилнаду. Надеемся, что читатель вместе с нами воздаст долг благодарной памяти нашим ушедшим коллегам.

Превратности судьбы
Избранная лирика Бхартрихари
Предисловие и перевод с санскрита
И. Д. Серебрякова

Предисловие

Год 1651-й... Он был отмечен необычайным для культуры европейских народов событием — на голландском языке была издана в городе Лейдене книга кальвинистского миссионера Абрагама Рогера «Открытая дверь в скрытое язычество, доподлинно представляющая жизнь, а также религию и богослужение браминское на Коромандельском побережье и других примыкающих землях (с присовокуплением шатак Бартухери, повествующих о пути на небо)». Автор, правда, не увидел своей книги — проведя более 12 лет миссионером в Индии в Паликате, около Мадраса, а также в Батавии (о. Ява), он вернулся в 1647 г. на родину и в 1649 г. умер.

Книга, вероятно, была бы похоронена в архивах, если бы не вдова Рогера, разделившая с мужем все трудности его миссионерского служения. Это она издала в 1651 г. его труд в городе, где он учился в «Семинариум Индикум» и окончил учение в 1633 г. В 1663 г. труд Рогера издается на немецком языке в Нюрнберге, в 1670 г. — в Амстердаме на французском. В сокращенном варианте книга издавалась еще несколько раз. Однако особый интерес представляет упомянутое в скобках произведение индийского поэта Бхартрихари — его «шатаки» — что, конечно, не умаляет значения самой книги в целом. Она была подлинным открытием духовной культуры народов Индии в Европе. О литературном значении книги А. Рогера для современников судить трудно. Известно, однако, что впоследствии ею пользовались Пьер Бейль и Бенедикт Спиноза, Гердер и Гете, А. Шлегель и Ф. Рюккерт, Г. Гейне и многие другие. Г. Гейне сделал поэтический перевод одной из понравившихся ему строф Бхартрихари:

Девушку юноша любит,
А ей по сердцу другой.
Другой полюбил другую.
И та ему стала женой...

(Перевод М. Л. Михайлова)

Собственно произведение Бхартрихари называется «Шатака-траям», то есть «Три шатаки» или «Триста строф» — «шатаки» означает «собрание ста строф» и в сущности является названием жанра, организованного либо тематически, либо персонально. Так, строфы Бхартрихари называются: «Сто строф о любви» («Шрингарашатака»), «Сто строф о мудрости житейской» («Нитишатака»), «Сто строф об отвержении мира» («Вайрагьяшатака»). Именно они составляют поэтическое наследие гениального поэта и ученого, оставившего также ряд грамматических трудов.

А. Рогер смог познакомить европейских читателей лишь с двумя из них — «Нитишатакой» и «Вайрагьяшатакой», поскольку его информатор, брахман Падманабха, не счел достойным знакомить его с «Шрингарашатакой». В настоящее время «Шатакатраям» рассматривается как цельное произведение, своеобразная исповедь сына века. Основной мотив творчества Бхартрихари — мучительный конфликт между стремлением

человека реализовать свои способности, добиться достатка и враждебными этому силами власти и богатства. Каждая строфа в шатаках представляет собой лирическую миниатюру, чрезвычайно емкую и яркую, благодаря тончайшему проникновению поэта в возможности санскрита, дающего при минимуме объема достичь максимума выразительности и образности. «Шатакатраям» — один из шедевров мировой лирики и единственный источник, позволяющий представить себе жизненный путь поэта.

Имели место неоднократные попытки восстановить биографию поэта. Первая из них была предпринята китайцем, буддийским паломником И Цзином, предпринявшим путешествие в Индию во второй половине VII в. н. э. В своих записках И Цзин представил Бхартрихари мятущейся натурой, человеком, не раз уходившим в монастырь и возвращавшимся к мирской жизни. Данные И Цзина позволяют отнести время жизни поэта к концу VI — первой половине VII в. Впервые в индийской традиции биографические сведения о Бхартрихари появляются в сочинении джайна Мерутунги «Прабандхачинтамани» («Сокровище рассказов»), завершенном в 1306 г. Отражением индийской традиции можно считать и ту биографию Бхартрихари, которую написал А. Рогер.

Вплоть до сегодняшнего дня продолжается и нарастает интерес к поэтическому наследию Бхартрихари и в самой Индии, и за ее пределами. Индийский исследователь К. Чайтанья пишет о поэте: «Около тринадцати веков прошло со времени Бхартрихари. Но прочтите его стихи, и вы получите представление о том, что пришли в соприкосновение с темпераментом вполне современным, вашим современником в неустанном, напряженном исследовании вселенной и человеческой личности».

Перевод осуществлен по изданиям:

Epigrams Attributed to Bhartrihari. For the First Time Collected and critically Edited with Principal Variants and Introduction. By D. D. Kosambi. Bombay, 1948.

Bhartrhari. Subhāṣitatriṣaṭi. Bombay, 1957.

Vākyapadiya of Bhartrhari. Ed. by V. Abhyankar and V. P. Limaye. Poona, 1966.

Перевод

* * *

Мудрецов пожрала алчность,
Царей одолела гордыня,
В невежестве люди страдают —
Что ж толку в моем красноречье?

* * *

Сделать довольным невежду нетрудно,
Ученого сделать довольным проще,

Но даже Брахма¹ глупца не насытит,
Чванливо мяшего, будто все знает!

* * *

Жемчужину добудет человек
Из пасти чудища морского
И океан пересечет,
Грозящий яростной волной,
И даже кобру, брызжущую ядом,
Себе на шею он наденет,
Но в мире нету человека
Кто вынес бы упрямство дурака!

* * *

На все нам в шастрах² дан ответ,
Но как спастись от дурака?
На сей вопрос ответа нет!

* * *

Прославленные мудрецы, чье знание
Учеников обогатить достойно,
Кто создает прекраснейшие песни,
Где все слова украшены как должно, —
Влачат жизнь в нишете, хотя они
И без богатств достойны почитанья!
О сколь же глуп тот царь,
Под чьей державой
Ученые так бедственно живут!
Коль низко оценен алмаз — его ли,
А не оценщика вина?

* * *

Усердствует над костью пес
Полна червей она, зловонна,
И высохла, и вымыта дождями,
Но с наслаждением он урчит над ней.
Он даже глазом не моргнет,
Хоть стань с ним рядом Индра³.
Так подлый подлостью живет
И к жизни средств иных не признает.

* * *

Тот, кто богат — и мудр, и благороден,
И добродетелен, и в шастрах изощрен,
Оратор превосходный и мудрец,
И красотою несравненной наделен
Тот, кто богат!

* * *

Если снаряжен терпением,
То зачем тебе доспехи?
Если гневом обуян ты,
То зачем тебе враги?
Если споришь за наследство,
Что ж страшишься ты пожара?
Если есть подлец на свете,
Что ж бежишь ты от змеи?
Если другом обладаешь,
То к чему тебе лекарства?
Если знаниями владеешь,
То зачем тебе богатства?
Если скромностью украшен,
То нужны ли украшения?
Если ж наделен талантом,
В нем самом есть наслажденье!

* * *

Мошенница Судьба⁴ — гончар
Мой мозг бросает, словно глины ком,
На колесо забот и треволнений
И все быстрее, быстрее вертит его!
Кто знает, что Судьба готовит людям?!

* * *

Когда могучие слоны в оковах,
Томятся в клетках птицы,
Затемнены планетами луна и солнце,
А мудрый нищ — я верю в мощь Судьбы!

* * *

Возносим мы моления богам,
Но и они рабы Судьбы —
Так вознесем моленья ей!
Но и она лишь то дает,

Что наши же дела уготовляют.
Так стоят ли молений боги и Судьба?
Склонитесь перед Кармой⁵ —
Сама Судьба бессильна перед ней!

* * *

Если хочешь, о друг, насладиться блаженством,
Не стремись ты ни к подвигам, ни к преступленью,
Знай лишь, молись пред богиней Кривулей⁶ —
Это она обращает честных в мерзавцев,
Мудрых людей в дураков обращает,
Друзей — во врагов и незримое в зримое,
А нектар сладчайший — в смертельнейший яд!

* * *

Ни солнце,
Ни полная луна,
Ни звезды,
Ни жемчуга,
Ни свет свечи,
Не светят нам
Так ярко,
Как женщина —
Ведь без нее
Весь мир бы
Был в ночи!

* * *

Терпеливый к брани хозяев, кое-как
Сносил в надежде на их угожденье
И, подавляя рыдания,
С опустошенной душой
Хохотал я пред ним,
Ум убившим, столпом из монет,
Ладони сложив почтительно.
О голод! О безнадежный голод!
Зачем ты снова и снова
Заставляешь меня плясать!

* * *

Что за время! Достойный и честный,
Чтоб с душой не расстаться,
Руку тянет с мольбою
К богатым надменным:

«Господин мой, подайте!»
Перехватило горло,
И слова застряли,
Не разобрать, хоть и слух напряги —
То нищета толкает его руку.
А дома нищей убитая жена,
В изношенном сари⁷. Детишки
Руками тощими цепляются
И раздирают его в клочья.
О хлебе, голодные, плачут,
Которого нету — нет в этом доме
Даже и крошки муки!

* * *

Пусть в радости ты погружен,
Но страх в душе таишь перед болезнью.
Пусть по рожденью ты высок,
Но род боишься замарать проступком.
Богатством наделен — страшишься ты царя,
Чей алчный взор к чужим богатствам льнет.
Ты честь свою заботливо хранишь,
Утратить опасаясь всечасно.
Ты богатырь — сильнеешего боишься.
Красив — красе грозит седая старость.
Учен — боишься поражения в спорах.
Существованью тела смерть кладет конец.
Все сплетено со страхом в этом мире,
Не страшно лишь одно — отвергнуть разом все.

* * *

Ты по высокому рожденью — царь,
Меня же возвышает знанье!
Ты славишься величьем и державой,
А нам поют поэты славу,
По всей земле ее разносят.
Не так уж разница меж нами велика
И если ты пренебрегаешь нами
Так что ж? Тебя мы презираем сами!

* * *

Наша пища — подаянье,
А одежда наша — воздух,
Ложем служит нам земля,

И над нами нету власти
Богача или царя!

* * *

Давно был создан этот мир
Великими и добрыми царями,
Наследниками разоренный,
Он стал добычею военной
И роздан, словно сено лошадям.
Иные храбрецы теперь царят
В четырнадцати царствах,
А тех, чье царство — две деревни
Гордыня обуяла и чванливость!

* * *

Земля, Земля! С материками
И океанами — что ты?
Ничтожный атом в мирозданье,
Который множество царьков
Стремятся разорвать на части
И войны страшные ведут!
Но что ж они способны людям дать?
Проклятие царям! Проклятие и тем,
Кто за подачку им вослед готов бежать!

* * *

На жизнь отмерен людям срок в сто лет
Из них — на сон уходит пятьдесят,
Из остальных — на детство часть,
На зрелость с дряхлостью другая,
Немало дней уйдет
На услуженье низким людям...
Уж где тут счастья ждать
Средь зыбких жизни волн!

* * *

Что делать мне? Отшельником ли стать
И жить на берегу священной Ганги?⁸
Прелестницам ли юным угождать?
Быть может, мудростью, из книг святых
Почерпнутой, напитывать свой разум?

Поззией, быть может, наслаждаться?
К чему ж стремиться, коли наша жизнь —
Лишь несколько мгновений быстролетных?

* * *

Уже угасли жажда наслаждений
И мысль сама, что «Я — есмь человек!».
Давно друзья, согласные со мною
В словах и помыслах, ушли на небо.
Дороже жизни были мне они.
Уже и с посохом я еле подымаюсь,
Глаза давно мне застилает мгла,
А тело глупое, хотя почти мертво,
Но смерти все еще страшится.

* * *

На каменном ложе в горной пещере
Лежу, предаваясь своим размышленьям,
И с горькой улыбкой те дни вспоминаю,
Когда унижался пред богачами
В надежде хоть горсточку риса добыть.
Те дни вспоминаю, когда мой рассудок
Мутился, захлестнутый бурным потоком
Чувств необузданных, — и над собой
Сам потешаюсь — как это далеко!

* * *

Нет, не вижу я вовсе блага
В том, что жертвы приносим обильно,
Усердно богам мы молимся,
Чтобы выгадать что-то земное.
Только помyslю я о наградах
За добродетели в прошлых рожденьях,
Ужас меня подавляет и страх —
Есть ли в них польза? Новое горе,
Много страданий с собою несут!

* * *

Зачем читать усердно веды⁹,
Твердить прилежно шастры,
Блюсти обряды, жертвы приносить?

Всероссийская
государственная библиотека
иностранный литературы
им. М. И. Рудомино

Всего-то нам дадут они
Шалашик в кушах райских!
Что ж толку с небом, словно торгашу,
Из-за него рядиться?
И лишь тогда мы обретем покой,
Палящий горе, как пожар дерева,
Когда уйдем в души своей пределы!

* * *

О мать Земля! Отец мой ветер!
О друг огонь! О, брат мой Небо!
Моя сестра Вода! Прошаюсь с вами.
Богатым знанием меня вы одарили,
О первозданные начала мироздания,
Рассеяв тьму невежества, что нас
В круговороте этой жизни держит,
Сливаюсь нераздельно с Парабрахмой ¹⁰.

Властители

Из раннесредневековых
тамильских антологий

*Предисловие и перевод с тамильского
А. Ш. Ибрагимова*

Предисловие

Земля тамиллов, живописный и плодородный край, раскинувшийся в центральной и восточной частях Южной Индии, вплоть до мыса Коморин, была известна еще древним грекам и римлянам как богатая страна, откуда привозили пряности, диких животных, сандал, редкие плоды и великолепные ткани. С незапамятных времен здесь существовали высокоразвитое земледелие и богатые города, куда съезжались купцы из многих стран, а римские торговцы даже имели свои фактории. Во второй половине первого тысячелетия до нашей эры на земле тамиллов возникли три мощных государства — Пандья, Чола и Чера, существовавшие в течение многих веков и ведшие между собой постоянные войны.

Богатые, многолюдные города были центрами культуры и искусства. До сих пор путешественники не могут отвести глаз от архитектурных памятников, созданных гением тамильского народа в раннее средневековье: от величественных храмов Мадур, Танджавура и Канчипурама, а также уникального архитектурного комплекса Махабалипурам (близ Мадраса) с его храмами-монолитами, статуями и барельефами, запечатлевшими целые романы в камне. Тамильская литература является одной из самых древних и развитых в Индии, да и, пожалуй, в мире. Уже в первые века нашей эры здесь сложились полупоэтические сообщества — «сангамы», своеобразные литературные академии, к которым принадлежали, по традиции, 473 поэта. К сожалению, о большинстве из них не известно ничего, кроме имени или псевдонима. Единственное, что осталось от этих людей, столь разных по происхождению, характеру и творческой судьбе — их стихи, собранные в несколько поэтических антологий и составившие одно из сокровищ мировой поэзии.

Большинство известных антологий принадлежит, по-видимому, к первой половине первого тысячелетия нашей эры. Традиционно тамильская поэзия делилась на два направления: «ахам» (букв. «внутреннее») — лирическая поэзия, чаще всего на темы любви и разлуки и «пурам» (букв. «внешнее») — поэзия, которую мы, пользуясь терминологией нашего времени, можем назвать гражданской.

Предлагаемые читателю фрагменты из антологии «Пуранануру» (букв. «Четыреста стихотворений о делах мирских») объединены общим названием «Властители», но тематика этих произведений гораздо шире, чем обычные для средневековья (и не только, увы!) панегирики, восхваления правителей. Сочинять панегирики было одним из основных занятий придворных стихотворцев, да и те, кто не принадлежал ко двору, стремились снискать милость государя. В средневековой Индии покровительство поэтам, художникам, музыкантам и актерам считалось долгом царей, которые стремились прослыть меценатами, что было не менее почетно, чем воинская слава, и поставить таланты себе на службу. Только и панегирики писали разные поэты неодинаково: одни изошрялись в восхвалениях, другие, восхваляя, наставляли, пытались напомнить царю о необходимости

заботиться о благе подданных. Некоторые, как, например, поэт Кижар из Ковура, сочиняли панегирик, а получалось что-то другое: не эпическое восхваление доблести царя-завоевателя, а впечатляющие картины ужасов войны... Были и такие поэты, кто пытался, используя свой поэтический дар, «милость к павшим призывать», склонять жестокое сердце царя к состраданию.

Одна из важнейших тем, проходящих через всю антологию, — это взаимоотношения царя и поэта. И здесь мы видим самую широкую гамму чувств и настроений: то мы видим поэта, сердце которого преисполнено благодарности властителю за щедрость, то поэт дерзко обвиняет в скупости царя, не оценившего дар стихотворца. И вдруг в общий хор врывается голос человека, который желает сохранить себя и свой талант свободным от царских даров и покровительства с чьей-либо стороны. Тамильская лирика «пурам» раскрывает перед нами яркий и разнообразный мир, в котором нередко один и тот же царь предстает то героем-воителем, образцом доблести и великодушия, то жестоким завоевателем и тираном, проливающим потоки крови. Не менее разнообразны и характеры самих поэтов: от почти рабской зависимости до полной духовной свободы.

Историки нередко сетуют на то, что тамильская поэзия «пурам», во многих случаях являющаяся единственным доступным источником о раннесредневековых южноиндийских государствах, содержит мало объективной информации о политических событиях и социальной жизни. Но именно в субъективизме поэтов — особое достоинство тамильских антологий, ибо они запечатлели огромное разнообразие человеческих типов и характеров, общественных отношений и конфликтов. Обращаясь к властителям своей страны с восхвалением, осуждением или просьбами, поэты раннего средневековья отразили не столько характеры царей, сколько собственный духовный мир и чаяния своего народа, те поистине общечеловеческие проблемы, ценности и надежды, которые позволили раннесредневековой тамильской поэзии надолго пережить свое время и некогда могущественных властителей.

Перевод выполнен по изданию: Pūṇanāṇṟu. Madras, 1971.

Перевод*

КАПИЛАР¹

В честь благословенного венценосца Кари²

Пусть даже в самый злополучный день,
Который густо омрачает тень

* Стихи из этой подборки были частично опубликованы в сборниках *В краю белых лилий. Древнетамильская поэзия*. М.: Художественная литература, 1986 и *Столепестковый лотос*. М.: ИВЛ, 1996.

Зловещих знаков, предвещанья бед,
 Придут певцы, творцы хвалебных од,
 Пусть излагают просьбы невпопад,
 Властитель той горы, где водопад,
 Сверкая, низвергается с высот,
 Осыплет их дождем своих щедрот.

ПЕРУМ ЧИТТИРАНАР³

После кончины царя Велимана⁴ на престол взошел его младший брат. На просьбу певца о подаянии молодой властитель пожертвовал ему сущий пустяк. Обиженный певец отправился ко двору Куманана⁵, и тот подарил ему большого слона. Подойдя к городу, где правил наследник Велимана, он привязал своего слона к одному из деревьев, составляющих живую ограду для защиты от врагов, и сочинил это стихотворение.

Просителям не покровитель ты.
 Не ты спасаешь их от нищеты.
 Другие есть правители, они
 Просящим благодетельствовать рады.
 Смотри же, у твоей живой ограды
 Я привязал слона, что Кумананом
 Подарен: он благоволит пананам⁶.
 Владелец быстроногого коня,
 Послушай, что тебе скажу: ни дня
 Я не останусь здесь, где не в чести
 И лучшие певцы. Засим прости!

КИЖАР ИЗ АЛАТТУРА⁷

В честь Килли Валавана, царя из дома Чола⁸

Игра твоя на яже⁹ безупречна,
 Но ты не можешь ею перебиться.
 Голодный, в старой, латаной тряпице,
 Бедняга, ты обходишь белый свет,
 И хоть бы кто помог! Благой совет
 Прими, певец, быть может, пригодится.
 Могучий есть властитель в Урандее,
 Украшенный цветочной плетеницей,
 Знак золотой — вот-вот воспламенится —
 Искрится на челе его, в руках —
 Не знающее промаха копье.
 Когда в походе он очередном,
 Его жилище — полотняный дом¹⁰
 Со вьющимися флагами над крышей.

Одержана победа — он в столице,
В дворце своем, за крепостной стеной, —
Властитель Килли Валаван, чье имя
Отважнейших врагов ввергает в страх.
Ступай, певец, за помощью к нему.
Ручаюсь, ждать не будешь у ворот.
Он, щедрый, колесницы раздает
Просителям, а за твою игру
Тебя вознаградит венком тяжелым —
Не из цветов, что столь желанны пчелам.

КАНЬЯН ПУНГУНДРАН ¹¹

Нам каждый — брат, и каждый уголок —
Нам дом родной. Добра и зла исток —
В душе у нас, а не вовне. Недуг
Приходит сам — и сам уходит вдруг.
Смерть не нова для нас. Мы от всего
Отрешены. Не в радость радость нам,
И горе нам не в горе... Наша жизнь —
Лишь утлый плот, при вспышках громовых
Несущийся по прихоти волны
Вниз по реке. Удар о валуны —
И плот в щепу!.. Мы, мудрецы, себя
Не унижаем ни превозношеньем
Властителей, ни слабых поношеньем.

КУДАПУЛАВИЯНАР ¹²

В честь царя Сежийана из дома Пандъя ¹³

Да будет голос восхвалений громок!
Живи сто миллионов лет, потомок
Владык, издревле славных в этом мире,
Раскинувшемся в необъятной шири
Ревущего немолчно океана!
Живи сто миллионов лет, правитель
Столицы, окруженной крепостной
Высокой, чуть не до небес, стеной
И рвом, водой заполненным до края,
Где, крупные и мелкие, играя,
Хвостами плещут рыбы всех пород.
Араль, вараль — их тут неспорно.
Сомы, шпаганы ¹⁴ — эти, в высоту
Взметнувшись, обрывают на лету

У дерева тюльпанного цветы!
О, если, государь, возжаждешь ты
Себя великой славой увенчать,
Казну свою обогатить безмерно,
Послушай, что тебе скажу смиренно:
Дарует жизнь дарующий еду,
Еда же образуется, когда
С землей соединяется вода,
Сама же по себе земля бесплодна,
Безводная — она с пустыней сходна.
Страна, где нет запасов пропитанья,
Вовеки не добьется процветанья.
Так повели, великий Сежийан,
Для блага подданных твоих, крестьян,
Водохранилищ накопать повсюду,
Прорыть каналов и отводов сеть,
Чтоб всходы на полях могли густеть,
Да будет царство снабжено водой,
И ты себя покроешь вечной славой —
И эта слава стоит всех иных.

КИЖАР ИЗ АЛАТТУРА

В честь царя Килли Валавана из дома Чола

Кто отрезает у коровы вымя,
Кто убивает в материнском лоне
Зачатого ребенка, в диком гневе
Отца родного осыпает бранью, —
Тот все же, предаваясь покаянью,
Еще прощенье может заслужить.
Но нет спасенья тем неблагодарным,
Что за добро оплачивают злом:
Влачить им бесконечных мук вериги —
Священные так поучают книги.
О муж царицы в украшеньях дивных!
Ты восседаешь во дворе широко,
В тени ююбы¹⁵, благосклонным оком
Пирующих оглядывая круг:
Им просо подают, что взращено
На землях поливных; что ни зерно —
Подобье голубинового яйца.
Отменным угошеньям нет конца.
Крольчатиной их кормят, молоком
Поят — оно подслащено медком.
С душой, ко всем исполненной любви,

Живи, о щедрый Валаван, живи!
Певцов-пананов покровитель, ты
Им уделяешь от своих щедрот
И рис, и часть своих богатств безмерных,
И если я, твой благодарный данник,
Не воспою тебя, во всем твоём
Могушестве и славе, оком
Не озарится пламенем лучистым.
Как мудрецам приличествует истым,
Признательности долг блюду я свято.
Порой, примчавшись с гималайской кручи,
Внезапный ливень изливает тучи.
Без счета льются капли дождевые
На мир, жестокой засухой палимый.
Да будут, как они, неисчислимы
Твои, о государь великий, годы!

НАХАНАР ИЗ ВЕЛЛЕЙКУДИ ¹⁶

В честь Килли Валавана

Вдоль берега морского распростерлась
Прекрасная тамильская земля.
Над нею — небо, полное покоя,
Раскинулось, лучисто-голубое.
Здесь правят три могучих властелина ¹⁷.
Хотя — возвысят, могут покарать.
У каждого своя большая рать,
Что шествует под барабанный бой.
Из всех троих отличен ты судьбой.
В стране, где правишь ты самодержавно,
Струит река большая воды плавно,
По берегам ее, как море пик,
Весь в осыпи цветов стоит тростник.
Пусть даже солнце путь изменит вдруг,
Звезда Велли отклонится на юг ¹⁸,
Не смогут никакие потрясения
Твоей страны нарушить процветанье.
Послушай, что поведаю смиренно:
Будь справедлив, владыка, неизменно,
Как Бог Добра! Открой ворота шире
Для всех, кто обездолен в этом мире!
И будешь ты неслышанно могуч:
По слову твоему из темных туч
Прольется дождь, не надобно полива.

Пускай твой царский зонт¹⁹, что горделиво
Вознесся в небеса, дарует тень
Всем жаждущим и страждущим. Воздень,
Приветствие им посылая, руку.
О Валаван! Врагов на поле брани
Ты побеждал не раз своей отвагой.
Твои победы да пойдут на благо
Селянам, что выращивают рис.
Ты знаешь, переменчив нрав людей,
Дождя ли нет, хоть и пора дождей,
Застой в торговле, скуден урожай, —
Во всем царя винят. Не обращай
Вниманья на такие пустяки, —
Чего не скажут злые языки!
Враги — и те с почтеньем припадут
К стопам царя, который дал обет
Всех подданных оберегать от бед.

КИЖАР ИЗ КОВУРА²⁰

И Смерть, бывает, медлит в ожиданье.
Но ты, о царь, не ждешь: могучей дланью
Ты поражаешь в час, тебе угодный,
Вождей отрядов копыеносных, сходный
С могущественным грозным божеством.
Как предостереженья о твоём
Нашествии, свергаются кометы;
Пылают солнца в огненном величье;
Кричат, не умолкая, стаи птичьи;
Безлиственные горбятся деревья;
Крошатся зубы; волосы лоснятся;
Блуждают вопри по дорогам; сами
Внезапно ниспадают одеянья;
И стойки с ярко блещущим оружием
Обрушиваются! Все девять знаков²¹
Являются — как бы в бреду кошмарном,
И второпях целуют горожане
Своих детей, что жизни им желанней,
И всей семьей — в окрестные леса.
А ты идешь, о Валаван, как буря,
Взметающая пламя к небесам, —
И горе тем, кто возбудил твой гнев!

КИЖАР ИЗ КОВУРА

Казнив своего заклятого врага Малеймана, царь Килли Валаван из дома Чола намеревался казнить и его детей: их должны были зарыть по шею в землю, а затем провести по их головам слонов. В этом стихотворении певец призывает к милосердию.

Могучий государь, чей предок славный
Спас голубя, хоть спор и шел неравный ²²,
Ты только посмотри на этих крошек,
Потомков рода древнего, который
Опорой был для мудрых, братьи нищей, —
С голодными делился щедро пищей, —
Они рыдают, ужаса полны:
Вот-вот растопчут их твои слоны.
Ты только посмотри на них, а там,
Владыка, поступай, как знаешь сам.

ПЕРУМ ЧИТТИРАНАР

Обращаясь к жене, он призывает ее поделиться с подругами щедрыми дарами, полученными им от царя Куманана

Не спрашивая моего совета,
С подругами, которыми любима,
Которых любишь за их честный нрав
И доброту (они, едва узнав,
Что мы в беде, на помощь приходили),
Моя родная, поделись дарами
Властителя, чей трон — на Мудираме,
Горе, где много плодоносных пала ²³.
Уж сделай так, чтоб каждой перепала
Какая-нибудь часть, хоть небольшая,
В дележке никого не обижая.

АВАНЕЙ КАЖЕЙДИН ЙАНЕЙАР ²⁴

Просить: «Подайте!» — осквернять уста.
Отказывать в деянье — гнуснота.
Кто подает — благословен, но пуше
Благословен даянье не беруший.
До дна прозрачна глубь морская в тишь,
Но жажды из нее не утолишь,
И жаждущий натопанной тропой
Спускается к ручью, где водопой

Для стад овечьих и коровьих. Пусть
Вода мутна, она не солона,
И жажду утоляет он сполна.
К тебе я обращаю голос, Ори ²⁵,
Владыка, обитающий на взгорье!
Ты привечаешь всех, равно любя.
Хулят свою судьбу, а не тебя.
Зато один лишь милостивый твой
Кивок — и, как из тучи громовой,
На всех, кто припадет
К твоим стопам, прольется дождь щедрот.

ТАЙАМ КАННАНАР ИЗ ЕРУКАТТУРА ²⁶

Уже ночные звезды отцвели
И падают, поблекшие... Велли
Одна сияет, в серебристом блеске.
Распелись птицы в ближнем перелесе,
В пруду раскрыли лотосы глаза.
И вдруг — как будто грянула гроза:
Забили барабаны, возвешая
О том, что утро ниспровергло ночь.
Остаткам темноты уже невмочь
Сражаться со сверкающим оружием.
В становье, расположенном окружем, —
Негромкий шум, предвестник пробужденья.
Проснись и ты, о царь, в своем шатре,
И повели на утренней заре
Подать нам рис, и острую подливку,
И пальмового сока на запивку
В кувшинах драгоценных. Подари
Нам одеянья, все в узорах дивных,
Наряднее змеиной чешуи.
Утишь своею щедростью мои
Страданья, что лучше полдневных жгучей.
Будь милостив, о властелин могучий
Державы, где шести своим занятиям
Спокойно предаются анданары ²⁷,
Чело свое цветами увенчав.
О Валаван! Наш покровитель славный!
С тобой любая тягость нипочем.
Скажи — мы океан пересечем.
Взойдет на юге солнце? Ну и что ж!
Ты нас от верной гибели спасешь.
Порукой в том — бестрепетность твоя
И смертоносность твоего копья!

Занедужило сердце мое, хоть кричи...

**Из раннесредневековых
тамильских антологий**

*Предисловие и перевод с тамильского
А. Ш. Ибрагимова*

Предисловие

Раннесредневековые царства Южной Индии оставили нам, помимо знаменитых архитектурных памятников, еще одно не менее ценное достояние — поэзию «сангамов», литературных сообществ или академий, которые в первые века нашей эры были центрами духовной культуры дравидского Юга. Четыреста семьдесят три имени или псевдонима и лишь в некоторых случаях — крохи информации о происхождении и общественном положении того или иного поэта — вот все, что известно теперь об авторах, чьи произведения вошли в тамильские антологии «Курунтохей» («Сборник коротких стихотворений»), «Аханануру» («Четыреста стихотворений о любви»), «Калитохей» («Сборник стихов в размере кали») и др.

Раннесредневековая тамильская поэзия делится условно на два основных направления: «пурам» (букв. «внешнее», то есть поэзия, отражавшая различные общественные проблемы) и «ахам» (букв. «внутреннее», лирические стихотворения о счастливой и несчастной любви, о чувствах человека). Предлагаемая читателю подборка включает ряд стихотворений, относящихся к направлению «ахам» и дающих нам возможность через много столетий услышать голоса любящих.

Тамильская любовная лирика неразрывно связана с духовной культурой народа, с его мировосприятием, религиозно-философскими воззрениями, традициями и ритуалом. О том, как она отражала сложнейшие культурно-исторические процессы, подробно и убедительно написал в своих исследовательских работах А. М. Дубянский, к книгам и статьям которого мы отсылаем читателя¹. Для нас же сейчас гораздо важнее другое: лирические герои тамильских антологий, их внутренний мир и окружавшая их реальная жизнь.

Для поэзии сангамов характерно такое своеобразное явление, как «тиней» — символические образно-пейзажные зарисовки. Поэты в начале каждого стихотворения условными обозначениями отмечали место и время действия, природу, окружавшую лирических героев, а также общественные условия, в которых они находились; считалось, что природа и состояние человеческой души неразрывно связаны. Увидев или услышав в начале стихотворения обозначение определенного тиней, читатель или слушатель уже оказывался подготовленным к тому, что раскрывало содержание стиха. Всего тинеев известно пять:

1. Край цветов куринджи — горная местность, холодное время года, селения горцев-охотников, любовь с первого взгляда.
2. Жасминовый край — лесистые холмы, начало сезона дождей, пастушеские селения, томительное ожидание супруга после долгой разлуки.
3. Край белых лилий — морской берег, сумерки, рыбацкий поселок, страдания любящих в разлуке.
4. Равнинный край — плодородные речные долины Тамилнаду, утро, деревня земледельцев, супружеская размолвка.

5. Пустынный край — жаркое время года, полдень, кочевники-разбойники, разлука.

Тиней соответствовали пяти основным ландшафтам страны тамил-ов, пяти основным видам занятий населения. Эти образно-пейзажные зарисовки постепенно превратились в канон, литературный штамп, но лучшие из поэтов своим талантом всегда умели выйти за рамки канона, подчеркнуть индивидуальность лирических героев и собственного мировосприятия.

Тамильские антологии разворачивают перед нами яркий, красочный и разнообразный мир природы, человеческих занятий и чувств. Первое знакомство, тайные свидания, размолвки и примирения влюбленных или супругов, страдания в разлуке, интриги и измены, торжество любви и трагедия разбитых сердец — все это раскрыто поэтами с удивительным проникновением в самые сокровенные глубины человеческой души. Лирические герои порой откровенны, порой лукавы, иногда целомудренно сдержанны, иногда страстны и всегда удивительно простодушны — ведь это крестьяне, рыбаки, охотники, простые люди, живущие трудом в абсолютном единении с природой, которая, как и описание различных сельских работ, будних дней и праздников, — не просто фон, а неотъемлемая часть эмоционального мира героев. Один и тот же пейзаж — равнинный, горный, морской, — одно и то же время года или дня выглядит по-разному в зависимости от душевного состояния лирических героев; кажется, что природа живет чувствами людей. Гений раннесредневековых тамильских поэтов позволил слить природу, общественную жизнь и внутренний мир человека в единое, гармоничное целое, отразить и реалии столь далекой от нас эпохи, и подлинно общечеловеческое духовное начало, что делает поэзию сангамов не просто литературным памятником, а одним из сокровищ общемировой культуры.

Перевод осуществлен по изданиям:

Ahananuru. Tirunevelli—Madras, 1961.

Kuruntohei. Madras, 1954.

Nattrinei. Tirunevelli—Madras, 1954.

Перевод*

ТИППУ ТЕЛЯР²

Край цветов курунджи³

Подруга девушки — молодому человеку

Тебя наставляла я строго:

«Ты лилий багряных не рви

* Стихи из этой подборки были частично опубликованы в сборниках *В краю белых лилий. Древнетамильская поэзия*. М.: Художественная литература, 1986 и *Столестовый лотос*. М.: ИВЛ, 1996.

У храма, обители бога,
 чьи меткие стрелы — в крови ⁴,
Чей слон — весь в крови, и на круге
 метательном — кровь запеклась
Цветов не возьму для подруги.
 Ступай-ка, дружок, ты с глаз!

ДЕВА КУЛЯТТАР ⁵

Край цветов куринджи

Девушка — подруге

Куринджи цветут
 лишь раз в двенадцать лет.
Распускаются —
 от пчел отбою нет.
Полосатые,
 весь день снуют вокруг.
Неужели же
 не ведает мой друг,
Что любовь моя —
 как море глубока,
Высока она —
 что в небе облака?

КАМАНДЖЕР КУЛЯТТАР ⁶

Край белых лилий

Девушка — подруге

Занедужило сердце мое, хоть кричи.
Слезы веки мне жгут — до того горячи.
Возвратится мой друг — днем ли, в темной ночи,
И меня исцелит — не нужны мне врачи.
Занедужило сердце мое, хоть кричи.

НАРИВЕРУ-УТ ТАЛЕЙАР ⁷

Край белых лилий

Девушка — подруге

Укрылись птицы в роше краснолиственной ⁸,
И волны бьются в яроستي неистой
О берег — там, где мой желанный друг.
Больного сердца перебивчив стук,

Молюсь весь день, а по ночам — в бессоннице.
Когда же божество сойдет к поклоннице?

ПЕРУМПАДУМАНАР⁹

Пустынный край

*Путники — кормилице,
которая пустилась вдогонку за своей питомицей,
бежавшей с возлюбленным*

Зачем ты преследуешь тех, кто тебе не родня?
Иссохших стручков на мимозе — сильней трескотня,
Как будто стучит барабан плясунов на канате.
Следы беглецов он заносит песчаной крупой.
Тебе ли догнать их, согбенной старухе с клюкой?

ОДАЛАНДЕЙАР¹⁰

Жасминовый край

Девушка — подруге

Словно солнца яркие осколки,
В волосах у девушек заколки,
Свежие цветы из ближней чаши,
А вокруг — пчелиный рой жужжащий.
Говорят, пора дождей настала.
Что за вздор пустой! До их начала
Обещал вернуться мой любимый.
Слово же его — неколебимо.

ПАРАНАР¹¹

Жасминовый край

Девушка — подруге

Неужто себя не украсит соцветьями нима¹²,
А только сорвет их — и прочь отшвырнет мой любимый?
Я участью схожа с плодом белогроздой смоковницы:
Упал он — и крабами мигом расщипан и съеден.
Соседки судачат: «Ушел от своей полюбовницы».
Что камень разящий — мне каждое слово их сплетен.

КАПИЛАР¹³*Край цветов курунджи**Девушка — подруге*

Когда я сдалась на его уговоры,
Жениться он мне обещал, дал обет
И тут же сбежал, не отыщешь проворы.
Что делать — не знаю, свидетелей нет.
Лишь цапля, ловившая рыбу в протоке,
Быть может, слыхала, что молвил жестокий.

ВЕЛЛИВИДИЙАР¹⁴*Пустынный край**Девушка — подруге*

Как молоку случается пропасть,
Не попадая ни теленку в пасть,
Ни в горлышко кувшина — льется мимо, —
Так пропадает — где ты, мой любимый? —
И красота моя, едва видна.
Теперь добыча бледности она.

АУВЕЙАР¹⁵*Пустынный край**Девушка — подруге*

Бьюсь ли в слезах головою об стену,
К небу ли руки с мольбою воздену,
Не нахожу я участия ни в ком.
Знать, мой недуг никому не знаком.
Спит вся деревня, лишь ветер бессонный
Слышит мои безутешные стоны.

АДИМАНДИЙАР¹⁶*Равнинный край**Девушка — подруге*

Искала его, непутевого, всюду:
И там, где на диво окрестному люду
Искусные лучники пробуют силы
И луков звенят напряженные жилы,
И там, где с мужчинами, липкие мухи,

Свой танец отплясывают потаскухи,
И словно бы стала плясуньей порочной.
А он кто? Презренный плясун, вот уж точно!

ПАРАНАР

Край цветов куринджи

Девушка — подруге

Повилика, словно к валуну,
Прилепилась к спящему слону:
Обозналась в темноте, бедняжка,
И теперь приходится ей тяжело.
Мой любимый клялся, что ни дня
Он прожить не в силах без меня, —
И ушел. Тоска моя — как море.
Но тебе-то что, какое горе?

ПЕРУНГАДУНГО¹⁷

Пустынный край

Подруга — девушке

Слонихе своей длинноноготный слон
Охалками ветки приносит, влюблен.
Такою же нежностью полон ушедший
Твой друг. Как и ты, он мечтает о встрече.
Уйми же тоску. Все сомненья отбрось.
Недолго еще вам томиться поврозь.

АУВЕЙАР

Пустынный край

Девушка — подруге

Ветер жарким огнем полыхнул над песками.
Затрещали мимозы сухими стручками.
Мой любимый объятья расторг — и ушел.
Он в пустыне сейчас. Путь его так тяжел.

СЕМБУЛА ПЕЙАНИРАР¹⁸

Край цветов куринджи

Молодой человек — девушке

Не знали прежде мы домами.
Но рок повелевает нами;

Его ненарушимо слово:
Земля и влага дождевая,
Сливаемся мы, отдавая
Друг другу все, что есть благого.

АНИЛЯДУ МУНДРИЛЯР ¹⁹

Пустынный край

Девушка — подруге.

Я счастлива, когда любимый рядом:
Так, в упоенье праздничным обрядом,
Ликуя, пляшут жители деревни.
Но лишь уйдет — и нет судьбы плачевней:
Подкатывают слезы, в горле — ком.
Я похожу на опустелый дом,
Где ни души и только на заре
Резвится стая белок во дворе.

АНДЕЙАР ИЗ СИРЕЙКУДИ ²⁰

Край цветов курунджи

Молодой человек — самому себе

Глаза — что лотосы, и руки — словно лилии,
А зубы — как цветы жасминовые. Милая
Напоминает мне диковинный букет.
Подобной красоты не видел белый свет.

КАДАПИЛЛЕЙ ИЗ КАРУВУРА ²¹

Жасминовый край

Девушка — подруге

Лишь вечер — за пыльной дорогой следят
Печальные взгляды голодных телят:
Они поджидают своих матерей.
И я выхожу, становлюсь у дверей,
Гляжу, не идет ли возлюбленный мой.
Ну что бы ему возвратиться домой!

МАЛЛАНАР 22

*Край цветов куринджи**Молодой человек — колесничему*

Девушка с округлыми плечами
И медоточивыми речами
Разгоняет птиц на просянище.
На нее гляжу, проситель нищий:
Нрав как будто кроткий и беззлобный,
Лотосам глаза ее подобны.
Взглянет на меня: глаза — как стрелы.
Тягостен недуг мой застарелый.

ВИТТА КУДИРЕЙАР 23

*Край цветов куринджи**Подруга — девушке*

Пригнутый, выпустишь только из рук,
Словно скакун застоялый, бамбук
Прянет. Потом дотянись до вершины.
Все одинаковы эти мужчины:
Пути ослабишь — так сразу же вскачь.
Вот и весна наступила. Назначь
Другу свиданье, ведь любите оба,
Общая вас источила хвороба.

НАККИРАР 24

*Край цветов куринджи**Друг — молодому человеку*

Словно сыплются на барабан удары —
Белопенный водопад грохочет яро,
Разбиваясь о скалистое подножье.
Повелитель этих гор, тебе негоже
Нищенски все вновь и вновь молить о встрече.
Велико ж твоей любви простосердечье!

КАДУВАН МАЛЛАН 25

*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Он волос моих коснулся, нежнорукий,
Я заплакала в предчувствии разлуки.

«Ах, не плачь, — сказал он, — возвращусь я вскоре».
 Отцвели давно бобы на косогоре
 И опять стоят в цвету. Захолодало.
 Милого все нет. Не знаю, что с ним стало.

КАПИЛАР

Край цветов куринджи

Молодой человек — колесничему или же самому себе

Горному этому трудно живется поселку.
 Только посеяли рис — выходи на прополку,
 А урожай — никудышный. Сельчане чуть живы,
 Бивни слоновьи они продают для разживы.
 Ори — правитель тех мест. За горою крутою
 Есть изваянье. Подобна ему красотою
 Девушка с гор — та, что я полюбил не на шутку.
 Чуть прикоснется она — помраченье рассудку.

ВАЙИЛАН ДЕВАН²⁶

Жасминовый край

Девушка — подруге

Деревушка наша — на горе.
 Среди двора
 Целый день играют облачка,
 как детвора.
 Матерей своих телята ждут.
 Лишь на закате
 Возвращаются они. Мой взгляд —
 на горном скате:
 Не идет ли друг желанный мой?
 Его все нет.
 В белизне жасминовых цветов —
 багряный свет.

ПЕРУНГАДУНГО

Пустынный край

Подруга девушки — молодому человеку

Ну что, господин, ты заладил,
 мол, тягостен путь нетореный
 В пустыне, похожей на город,
 набегами разоренный?

Там — роша тенистых манго
и бродят торговцы солью,
А дома одной оставаться
легко ли, терзаясь болью?

МАСАТТИ ИЗ ОККУРА ²⁷

Жасминовый край

Девушка — подруге

Мой суженый отправился
за жемчугом и золотом,
И увядает молодость
моя цветком неполитым.
Жасминовое облако
смеется, белозубое:
«Когда же снова свидишься
ты со своим голубою?»

КОПЕРУНДЖОЖАН ²⁸

Край цветов куриндж

Молодой человек — колесничему

Я пойман, как слон. Я пленен красотой
Чела горделивого девушки той,
Что стала отныне моею царевной.
В волнах океана луне восьмидневной
Подобно оно в обрамленьи кудрей.
Что делать мне, друг? Дай совет помудрей.

ВЕЛЛИВИДИЙАР

Пустынный край

Девушка — подруге

Он и в землю не зароется,
Он и в небесах не скроется,
И в волнах не затеряется!
Тщетно ускользнуть старается, —
Хоть полмира обойду —
Все равно его найду.

МИЛЕЙПЕРУН ГАНДАН ²⁹*Край цветов куринджи**Молодой человек — другу*

«Любовь, любовь», — твердят вокруг.
Кто знает, что она: недуг,
Анангу ³⁰, злое божество?
Пойми попробуй, отчего
Всегда такой спокойный слон
Бушует, разум потеряв;
Наелся ли дурманных трав
Иль просто страстью ослеплен?

КИЖАР ИЗ МАДАЛУРА ³¹*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Ночью несут свой дозор кураваны ³².
Факелы их — словно звезд караваны.
Только почую дымок благовонный,
Взор подымая на горные склоны,
Я вспоминаю о том, кто сандалом
Грудь умашает, — и в сердце усталом
Боль все сильнее. Целебней свиданья
Снадобья нет от такого страданья.

КАПИЛАР

*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Только заухает
в сумраке сова,
Только запрыгает
на ветке обезьяна,
Я уже встревожена,
от страха чуть жива, —
И душа моя,
как путник безымянный,
К другу устремляется:
он сейчас ко мне
Пробирается
по горной крутизне.

ВАРУМУЛЕЙАРИТТИ ³³*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Приходил он, ты знаешь, не раз и не два.
Многолестивые он говорил мне слова.
Вкрался в сердце мое — и ушел. С той поры
Для меня он как мед с недоступной горы.
Где сейчас он блуждает, навеки родной?
Льется благостный дождь над чужою страной.
Изрыдалась душа, в самой злой из недолей,
И становится все нестерпимее боль.

АУВЕЙАР

*Край белых лилий**Девушка — подруге*

Возлюбленный — это обманщик завзятый,
«Вернусь, — обещал, — до начала дождей».
И что же? В горах громовые раскаты
Веселой игрой улаждают людей,
Порывистый ветер шумит, набегая,
Рокочет, с уступов свергаясь, вода.
Пускай он меня позабыл, дорогая, —
Смогу ли его позабыть? Никогда.

МОДАСАНАР ³⁴*Пустынный край**Путники — так, чтобы их слышала девушка*

Мальчишкой был —
занятней не знал игры,
Чем дергать подружку свою
за косицы.
Девчонкой была —
таскала его за вихры.
Только сойдутся —
вмиг начинали беситься.
Кормилица
никак не могла их разнять.
Но вот подросли
и — кто бы мог знать? —

Соединились
по воле благих созвездий.
Теперь они
две гирлянды, сплетенные вместе.

НАНМУЛЛЕЙ ИЗ АЛЛУРА ³⁵

Пустынный край

Молодой человек — колесничему

Сердце выпрыгнуло из груди
И к любимой мчится — впереди
Нашей колесницы расписной.
Путь наш — через дикий край лесной,
Изобильный тиграми, чей рев
Грозен, словно гул морских валов.
Не догнать — как ни стегай коней —
Сердце, устремившееся к ней.

КАННАН ³⁶

Край цветов куринджи

Девушка — молодому человеку

Слышала я, как походкой слоновьей ³⁷
Ночью прошел ты по нашему саду,
Дернул дверь, а она — на засове,
Так и ушел, затаив досаду.
Выбежать я порывалась, но злая
Мать удержала, грозя расправой.
Вся истомилась, вся изошла я
В дрожи жестокой, пленная пава.

КАЛЛАДАНАР ³⁸

Край белых лилий

Девушка — подруге

Долго отец провалялся, всю ногу раздуло:
Мяса кусок от нее отхватила акула.
Только поправился — в море отправился снова.
Не возвращается он никогда без улова.
Мать добывает сейчас, как и все солевары,
Соль для обмена на рис и другие товары.
Дома одна я — пошли же скорее за другом.
Нет моей мочи бороться с любовным недугом.

МАСАТТИ ИЗ ОККУРА

*Жасминовый край**Молодая женщина — подруге*

Я стою на утесе, жасмином поросшем,
Подо мною в полумгле пролетает по рощам
Бубенцов перезвон... То не стадо ль коров
Возвращается сытое с тучных лугов?
Или едет домой на своей колеснице
Мой властитель, а следом — бойцы вереницей,
Колеи пролагая в намокшем песке?
Я стою — все одна, в безысходной тоске.

КАЛЬПОРУ СИРУ НУРЕЙАР³⁹*Край белых лилий**Девушка — подруге*

Советуют бремя любви терпеливо сносить.
А сами могли бы? — меня подмывает спросить.
Когда я в разлуке с возлюбленным, сердце — во мгле.
Волна набегают. Отхлынула. И на скале
(Вот участь моя!) расплзается пены лоскут.
Я гибну, несчастная. Все утешители лгут.

ПЕРУНГАДУНГО

*Пустынный край**Девушка — подруге*

«В богатстве наследственном много ли радости будет?
Богатство себя уважающий сам раздобудет», —
Так молвил возлюбленный мой, отправляясь в поход.
Как он упасется от множества бед и невзгод?
За каждым песчаным холмом — мараванов засады.
Их копы, посланники Смерти, не знают пощады.
Там нет ни ручьев, ни колодцев, а зной нестерпим,
Худого, боюсь, не случилось бы с другом моим.

ПЕРУНГАННАН⁴⁰*Жасминовый край**Девушка — подруге*

С луной прибывающей сходен любовный недуг.
Спадают браслеты с моих усыхающих рук.

Когда же вернется мой друг? Ожидать я устала.
 Накапывает, хоть и время дождей не настало.
 Судачит деревня: «Пора возвратиться ему».
 Какое им дело до нашей любви — не пойму.

КУНДРИЙАН⁴¹

Край цветов куринджи

Девушка — подруге

Поселилась на пальмире⁴² толстоствольной
 Пара соловьев. Живут себе привольно.
 Юная совсем у соловья жена,
 В ожиданье первых птенчиков она.
 В тишине ночной лишь мне одной не спится:
 Я завидую счастливой этой птице.
 Вдруг я слышу бубенцов далекий звон.
 Едет мой любимый? Или это сон?

КАНАККАЙАН ТАТТАН⁴³

Край белых лилий

Девушка — подруге

Мимо гордой стаи лебединой
 Рыбаки плывут: у них путина.
 Выпадет удача им, быть может,
 Кто-нибудь меч-рыбу заострожит.
 Им удача — рыбе неудача.
 Думаю я горько, чуть не плача:
 Скоро ли мой друг отколобродит?
 На вражду его любовь походит.

ЧАЛЛИЙАН КУМАРАН ИЗ УРЕЙУРА⁴⁴

Равнинный край

Девушка — молодому человеку

В поле от зари и до зари
 Вспахивают землю плугари.
 Лилиям от них одна беда,
 Но цветы не ропшут никогда.
 Срезанные вырастают вновь.
 Такова же и моя любовь.
 Сколько я обид перенесла,
 В сердце не держу ни капли зла.

ПЕРУНГАННАН

*Край белых лилий**Девушка — подруге*

Дневная улеглась неразбериха.
Отшебетали птицы. В роще тихо.
Мрачнеют небеса. Я — с ними вместе:
Давно нет от любимого известий.
Кого послать к нему, в тот край далекий,
Где он сейчас, на берегу протоки, —
Ума не приложу. Все горше муки.
Исчахну, видно, скоро я в разлуке.

АНОНИМНЫЙ АВТОР

*Край белых лилий**Девушка — подруге*

Зачем, подруга, говоришь:
«Вернется ли твой друг жестокий?»
Любимый мой живет в краю,
где чайка ловит рыб в протоке
И улетаёт на ночлег
в благоуханный лес окрестный.
Я знаю, возвратится он,
Твои сомненья неуместны.
Судьба связала нас узлом
Любви, навеки беспредельной,
И не разрушить никому
ее, нерасторжимо цельной.

ВЕЛЯДАТТАН ИЗ МАДУРЫ⁴⁵*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Любимый мой живет в краю гористом,
Где много рек, в сверканье серебристом.
Он — солнце, я — цветок чертополоха.
Тянусь к нему, чуть видимая кроха.

ТАЙАНГАННАН⁴⁶*Жасминовый край**Девушка — подруге*

Почуяв холодных дождей приближенье,
В горах укрываются стаи оленей.
Слоны со слонихами вместе к вершинам,
Окутанным тучами по боковинам,
Торопятся, не разбирая дороги,
Любимого нет. Я в глубокой тревоге.
Как золото прежде сверкавшее тело
Теперь не узнать — так оно потускнело.

ПАТАДИ ВАЙКАЛАР⁴⁷*Жасминовый край**Молодой человек — колесничему*

Бьют небеса в барабаны гремучие,
Будто играют: «О горы могучие!»⁴⁸
Дождь налетел и ушел. У крыльца
Благоухает жасминов пыльца.
Словно подруга моя смуглоликая.
Дни, что я с нею, — мне радость великая.
Дни ж без нее — как гнилые плоды,
Где плодояжорок чернеют ходы.

ОДАЛАНДЕЙАР

*Пустынный край**Девушка — подруге*

Дикая слива стоит на опушке
В белом убранстве до самой макушки.
Ветер, цветы обрывая, порой
Носится там, над слоновьей тропой,
Где мой любимый проходит, быть может.
Сердце печаль неусыпная гложет.
И выступают, подобно росе,
Слезы — кто пересчитает их все?

БУДАН ДЕВАН ИЗ ЛАНКИ ⁴⁹*Пустынный край**Подруга — девушке*

В решительной схватке, неистово зол,
Могучего тигра насквозь пропорол
Клыками своими громадными слон:
Слонихе-жене он надежный заслон.
Тебе же защита — твой друг. Никого
Сыскать ты не сможешь вернее его.

КИЖАН ИЗ КАЙАТТУРА

*Равнинный край**Подруга жены — ее мужу*

Домой потянуло тебя, колоброд?
Объешься — не лезет и лакомство в рот.
Наплаваешься — и в глазах краснота.
Похоже, подруги моей красота
Приелась тебе — ты пустился в разгул.
Забыв о жене, хорошенько гульнул.
Такие замашки тебе не к лицу.
Уж лучше жену отведи ты к отцу.

КАПИЛАР

*Край цветов курунджи**Подруга девушки — мысленно обращаясь
к молодому человеку*

Затянут завесой дождя небосвод.
Земля — под покровом разлившихся вод.
Скрывается день, вдалеке догорая.
О, как, повелитель нагорного края,
Во мраке ночном ты отыщешь свой путь?
Приметой тебе безошибочной будь
Густой аромат от цветов крылоплода ⁵⁰.
О боже! Как мерзостна эта погода!

КАПИЛАР

*Край цветов курунджи**Подруга — девушке*

На исхудалые руки твои
Падают слезы — в две жгучих струи.

С милым разлука — нет горше беды.
Верно, увидев паденье звезды,
Сразу удрал, перепуганный, он.
Точно поля объедающий слон
От головней, что несут сторожа...
Где же запрятался, бедный, дрожа?

КАПИЛАР

Край цветов курунджи

Девушка — подруге

Лилию я нашла
в потоке, что мчит по долине.
Белый цветок с тех пор
стоит у меня в кувшине.
Думала: «Это дар
горы, где живет мой друг!»
Хрупкий, чуть не увял
от прикосновения рук.
Мать, хоть и видела все,
меня укорять не стала.
Ей за ее доброту
весь мир подарить бы мало.

МАРУДАН ИЛЯНАХАНАР ИЗ МАДУРЫ⁵¹

Равнинный край

Подруга — девушке

Слышишь капель частый перестук?
В том краю, где твой желанный друг,
Девушки, веселые простушки,
Всей толпой отправились к речушке,
Чтобы вдоволь поплескаться в ней
Там, где падунец, среди камней,
Что горят, как самоцветы, ярко.
Быть бы с ними и тебе, товарка!

НАККИРАР

Равнинный край

Девушка — подруге

Что мне лукавить с собою? Ведь я уж не та.
В долгой разлуке поблекла моя смуглота.

Стыд погубил неповинную — острый как нож.
Как ни крушись, а былой красоты не вернешь!
Мчится поток по деревне, бурля на бегу.
Дерево я на приютном его берегу.
Лишь бы мой друг возвратился! В тоске по нему
Только и думаю: скоро ль его обниму.

ВИЛЛЯХА ВИРАЛИНАР ⁵²

Равнинный край

Разлучница — так, чтобы ее слышала подруга девушки

Когда мы встречаемся с тем, кто пришел
Из края прудов, где, любимицы пчел,
Покоятся белые лилии в зной, —
Мы словно два тела с душою одной.
Когда же мы в радостном сне наяву,
Подобные пальцам, что на тетиву
Возложены, — соединяемся с ним, —
Мы, двое, становимся телом одним.

МОСИ КОТТРАН ИЗ ПАДУМАРАМА ⁵³

Край белых лилий

Молодой человек — обращаясь к своему сердцу

На горе Подиям ⁵⁴, где приют мудрецов и богов,
Предлагает пахучий сандал свой приветливый кров.
Не ему ли, о сердце, любимая наша сродни?
Охлаждает в жару, согревает в холодные дни,
Словно лотос, вбирающий зимнего солнца лучи,
Чтоб тепло сохранять, лепестки закрывая, в ночи.

МИЛЕЙКАНДАН ⁵⁵

Равнинный край

Подруга молодой женщины — ее возлюбленному

О господин! Бывало, горький плод
Тебе преподносила госпожа —
Ты ел, хвалил... Теперь, наоборот,
Вода из горного ручья — свежа,
Чиста — в прохладный этот месяц тай ⁵⁶ —
Не нравится тебе, бурчишь: «Горька!»
Кривишься, как тебе ни угоддай.
Любовь твоя, как видно, коротка.

НАНМУЛЛЕЙ ИЗ АЛЛУРА

*Равнинный край**Девушка — подруге*

Ах болит, болит моя душа, терпенья нет!
Погляди: на пустоши расцвел чертополох,
Но таит в себе шипы его расцвет.
Разговоры о любви — один подвох!
Ах болит моя душа, терпенья нет!

МУДУ КОТТРАН ИЗ УРЕЙУРА

*Жасминовый край**Девушка — подруге*

С пальмовыми циновками, —
подстилки они и кров, —
Все пастухи деревенские
пасут овец и коров.
К нам, с молоком надоенным,
приходят от них подпаски.
Мы рис посылаем вареный им
в кувшинах цветистой окраски.
Гроздьями звезд жасминовых
украсилась ребятня.
Скоро ль вернется возлюбленный?
Изныла душа у меня.

ОДАНЪЯНИ ⁵⁷*Край белых лилий**Подруга — девушке*

Быть может, он спутал и время и место свиданья?
Однако вчера, искупая свои опоздания,
Он здесь проезжал на большой колеснице, поводья
Сжимая в руках, — и колес золотые ободья
Срезали цветы, наподобье заточенной стали,
И весь этот луг лепестками большими устлали.

ПЕРУНГАДУНГО

*Равнинный край**Девушка — подруге*

Хоть мы и живем с ним в деревне одной,
Теперь он обходит наш дом стороной.

При встрече и глаз не подымет он, гадкий,
Как будто я горстка золы на площадке,
Где жгут чужаков⁵⁸. И рассудок и стыд
Утратил он, верно. Я плачу навзрыд:
В чужие края из родного предела
Любовь недогонной стрелой улетела.

КОЛЛАН АЖИСИ⁵⁹

Жасминовый край

Девушка — подруге

Гляжу на холм далекий
я, стоя на порожке,
Жасминные бутоны —
как зубы дикой кошки,
На клювы попугаев
цветы бобов похожи.
Сплетает воедино
их ветер непогожий,
И холм, где мой любимый, —
скрывается мгновенно, —
Так утопает лодка
в пучине белопенной.

ЧЕРАМАН САТТАН ИЗ КАРУВУРА⁶⁰

Край цветов куринджи

Подруга — девушке

Устрашая змею с капюшоном,
Гром грохочет во мраке бездонной.
Твой возлюбленный, не усташась,
Верно, будет в условленный час.
Так вот прямо ему и сказать бы:
Мол, женись, не откладывая свадьбы,
Только стыд, а ему невдогад,
Хоть жениться, я знаю, он рад.

ПАНДИЙАН ПАННАДУ ТАНДАН⁶¹

Жасминовый край

Молодой человек — обращаясь к дождю

Домой из поездки вернулся — и снова
С возлюбленной. Кудри ее — смоляного

С оттенком сапфировым цвета — душисты,
Как лилии. Там за порогом, струистый
Поток ниспадает с небес непрерывно
И гром, не смолкая, грохочет надрывно.
Я счастлив! Ты, дождь, мне не страшен отныне.
Был бедствием — стал для меня благостней.

АНДЕЙАР ИЗ СИРЕЙКУДИ

Пустынный край

Подруга — девушке

О благоухающая, как бутоны с пыльюю,
В развесистой роще, где ветер гуляет с ленцою,
Напрасно тоске предаешься ты, меры не зная.
Послушай меня! Есть одна побасенка смешная
О том, как за медом взбирался глупец в нетерпенье,
И вдруг подломились у лестницы старой ступени.
Не бойся, твой друг не прельстится затеей опасной.
Он дома останется, это заранее ясно.

НАККИРАР

Край цветов курунджи

Молодой человек — другу

Если бы мог я хоть день обнимать
Девушку, чья полногрудая стать
Сердце мое увела, полоня, —
Я не хотел бы и жизни в полдня.

НАХАМ ПОТТАН⁶²

Пустынный край

Подруга — девушке

Прекрати, подруга, плачь свой горький.
Видишь, просо вызрело на взгорке.
Листья, наедаясь до отвала,
Щиплет олененок годовалый.
Возвратится твой любимый с горных склонов,
Только облетят цветы пасленов,
Словно с тонких рук твоих браслеты:
Нет поры дождей верней приметы.

АММУВАНАР⁶³*Край белых лилий**Девушка — молодому человеку*

О друг мой, живущий в краю у сапфировых вод
Безбрежного моря, волшбою лучей усыпленного,
Где, благоухая созрелой пылью, растет
С шипами, как беличьи зубы, кустарник пасленовый!
Знай, суженый мой, что не в этом рожденье, так в том ⁶⁴,
А все же законной женою войду я в твой дом.

КУНДРИЙАНАР

*Край белых лилий**Подруга — девушке*

Едва лишь успела зима наступить,
Как бусы, когда обрывается нить,
Цветы, почернев, облетели с мулли ⁶⁵
И чистый прибрежный песок замели.
Пора бы уже и дружку твоему
Посвататься. В нашем, ты знаешь, дому
Души в нем не чают и мать и отец.
Чего же он тянет, несносный хитрец?

ВЕЛЛИВИДИЙАР

*Край цветов куринджи**Молодой человек — другу*

Напрасно меня осуждаешь ты, друг.
Беспомощно смотрит калека без рук
(Который к тому же, бедняга, и нем), —
Как масло, прохладное с ночи, совсем
Истаивает под светилом дневным.
Таков мой недуг. Как мне справиться с ним?

КИЖАР ИЗ КОВУРА

*Жасминовый край**Подруга — молодой девушке*

Жажду утолил олень
из ручья лесного,
И с подругой молодой
он резвится снова.

Небо туча облегла,
 молвив громогласно:
 «Скоро возвратится друг.
 Не грусти напрасно!»

НАНМУЛЛЕЙ ИЗ АЛЛУРА

Пустынный край

Девушка — подруге

Любимый меня не забыл, дорогая.
 Увидев изогнутый клюв попугая,
 Сжимающий плод золотистого цвета,
 Как будто в двух пальцах зажата монета,
 И нить сквозь дыру продевая, монисто
 Нанизывают — чтоб сверкало лучисто
 (Не так ли и я украшалась, бывало?),
 Домой возвратится мой друг запоздалый.

ВАДАМ ВАННАКАН ДАМОДАРАН ⁶⁶

Равнинный край

*Девушка — певцу из касты пананов,
 который принес ей весть от возлюбленного*

Супруг — воробей без особой натуги
 Таскает цветы тростника для подруги.
 Хоть стебли и сладки, цветы безуханны.
 В заботе подобной есть привкус обманной.
 А друг мой обманщик отъявленный, рьяный.
 Хвалить вам его не пристало, пананы.

ДАМОДАРАН ⁶⁷

Край белых лилий

Девушка — подруге

Стрельчатокрылые птицы
 вывели птенчиков — крошек
 И в неустанной заботе
 носят жучков им и мошек.
 Вечер. Гляжу молчаливо,
 как неразлучной четою
 Реют они над кадамбой ⁶⁸,
 сплошь багрецом залитою.

КАПИЛАР

*Край цветов куринджи**Молодой человек — другу*

На склоне горы притулилось село.
Цветами прекрасно оно, хоть мало.
Там встретил я девушку, дочь куравана,
И в сердце с тех пор неисцельная рана.
Гляжу и гляжу на нее, сам не свой.
Подобной прохладной воде ключевой,
Той девушке странное свойство присуще:
Посмотрит — огонь разгорается пуще.

АУВЕЙАР

*Жасминовый край**Молодой человек — подруге девушки*

Не ради нее ли так долго скитался,
Не ради нее ли так долго пытался
Богатство скопить — и скопил для семьи.
И чем же окончились муки мои?
Бывает, прорвав все плотины, бурлящий
Поток затопляет прибрежные чаши,
Но схлынет — песок остается сырой.
Вот так и любовь иссыкает порой.

КИЖАР ИЗ АЛАТТУРА

*Край цветов куринджи**Девушка — подруге*

Под страхом позора любовь истощается скоро.
Иссякнет она — все равно не минуешь позора.
Надломлена ветвь по случайной причуде слона;
Висит, но не падает, к самой земле склонена.
Ну как о любимом моем говорить без укора?

САТТИНАДАНАР⁶⁹*Край цветов куринджи**Молодой человек — другу*

Хотя он и мал, полосатый змееныш,
Слону нелегко от укуса оправиться.

Креплюсь что есть мочи, но как не застонешь
От горьких обид, нанесенных красавицей?!

ПЕРУНГАДУНГО

Пустынный край

Подруга — девушке

«Мужчинам дороже всего их мужские занятия», —
Любимый твой молвил. «А женщинам всем без изъятья
Мужчины дороже всего», — помолчав, он добавил,
И слышалась в тоне его затаенная жалость;
Он, видно, заметил унынье твое, исхудалость,
Так будь же спокойна: он мысль о поездке оставил.

ВЕЛЛИВИДИЙАР

Край цветов курунджи

Подруга — девушке

Немало здесь живет седоволосых
Старейшин, умудренных жизнью. Посох
Им, немощным, опора при ходьбе.
О чем, подумай, горевать тебе?
Пусть сватов засылает друг. В деревне
Их примут, как велит обычай древний,
И скажут: «Ваш приход — большая честь!»
Старейшины уладят все как есть.

НАНМУЛЛЕЙ ИЗ АЛЛУРА

Равнинный край

Девушка — подруге

Петух прокукарекал за стеной.
Мне снился сон: любимый здесь, со мной.
Пришел рассвет, мой сон, как меч, рассек —
И больше не сомкнуть дрожащих век.

АУВЕЙАР

Край цветов курунджи

*Девушка, обращаясь к туче
(так, чтобы ее слышал возлюбленный)*

Громов громыханье смертельно для змей.
И ливень бушует все злее и злей.

Жестокая туча! В неистовом раже
Дрожать заставляешь ты горные кряжи,
А девушки бедной что делать одной,
Без верного друга, во тьме ледяной?

НАККИРАР

Край цветов куринджи

Девушка — подруге

Ночь. Ливень хлещет так, что злые духи
Дрожат. Сидеть бы им в тепле и сухе.
Мать все не спит, братишку моего
Баюкает. На шее у него
Большая — из клыков тигриных — снизка.
А тут еще, как слон промокший, близко
Любимый подошел — он у дверей.
Как быть, подруга, подскажи скорей.

ПУНГАНУТИРЕЙАР⁷⁰

Равнинный край

Девушка — подруге

В пруду, где разрослись цветы по берегам,
Не рыба — выдра в сеть попалась рыбакам.
Не выпустив ее, ловить не будут снова.
Я друга подожду, не надо мне иного.

АУВЕЙАР

Жасминовый край

Девушка — подруге

Привядшая, перед дождями, с неяркою синью,
Ветвь дерева кайя⁷¹ похожа на шейку павлиню.
В краю, где сейчас мой желанный, соцветья кондрея⁷²
Неужто ему не напомним мой лик, золотая?
Неужто ему не взгрустнется при встрече с оленем,
Что полон — в разлуке с подругой — шемящим томленьем?

Венок шуток

Поэма Кшемендры

Предисловие и перевод с санскрита

И. Д. Серебрякова

Предисловие

Доныне имя Кшемендры, одного из замечательных поэтов индийского средневековья, жившего в XI в. в Кашмире и писавшего на санскрите, было известно лишь узкому кругу специалистов-индологов. Его биография, как и биография многих других средневековых поэтов народов Индии, трудно восстанавливаема. Однако, благодаря тому, что во многих произведениях он сообщал отдельные факты о своей жизни, а также благодаря вступлению, написанному его сыном к «Волшебной лиане сказаний о Будде», жизненный и творческий путь Кшемендры может быть обрисован с относительно большей четкостью, чем у многих его предшественников и современников.

Известно, что отцом поэта был Пракашendra Синдху, носильщик паланкинов, приближенный министра Парвагупты, возвысившийся к концу жизни до положения государственного казначея. Прадед Кшемендры Куйя был также носильщиком паланкинов. Отец поэта был человеком богатым, покровительствовал брахманам, и Кшемendra жил в обстановке достатка. Сопоставляя ряд сведений, историки литературы пришли к заключению, что родиться поэт мог в первом десятилетии XI века, а скончался около 1070 года. Таким образом, его творческая деятельность приходится на вторую и третью четверти XI века.

И сам Кшемendra, и его сын называли ряд лиц, творчески или дружески связанных с поэтом, — это его наставники Абхинавагупта, знаменитый мыслитель и теоретик литературы, и Гангака, о котором пока ничего не известно, друзья Накка, Ратнасимха и Садджананда, люди, по просьбе которых он писал — Рамаяшас, Удаясимха, Девадхара, переписчик его произведений Сурьяшри. Нельзя не пожалеть, что ничего, кроме имен, о них не известно.

При этом, что точные даты рождения Кшемендры неизвестны, установлено время написания некоторых из его произведений. Наследие поэта весьма значительно, но далеко не все произведения сохранились, хотя можно утверждать, что поэт создал 39 произведений различных родов и жанров. Известны названия всех, но уцелели следующие:

А. На традиционные темы: 1) «Волшебная лиана сказаний о Будде» («Аваданакалпалата»), состоящая из сказаний, иллюстрирующих шесть парамит (совершенств) Боддхисаттвы; 2) «Жития Вишну в десяти ипостасях» («Дашаватараচারита»), содержащая сказания о десяти земных воплощениях бога Вишну. Кшемendra был первым, кто назвал Будду среди аватар (земных воплощений) Вишну; 3) «Отрасли Великого Сказа» («Брихаткатхаманджари»), изложение «Великого Сказа» поэта Гунадхьи (III–IV вв. н. э.); 4) «Суть Сказания о Раме» («Рамаянакатхасара»).

Б. Сатирические и дидактические произведения: 5) «Наслаждение искусством» («Калавиласа»), сатирическая поэма, в которой популярный фольклорный герой Муладена обсуждает со своим учеником Чандрагуптой различные проявления обмана, алчности, страдания влюбленных, цинизм

чиновников, проделки певцов, актеров, ювелиров и т. д.; 6) «Попрание гордыни» («Дарпадалана») — осмеяние чванства высоким рождением, богатством, ученостью, красотой, подвигами, милостыней, подвижничеством; 7) «Расписание» («Самаяматрика»), сатирическое осмеяние гетер; 8) «Наставление хозяину и его слуге» («Севьясевакопадеша»), небольшая поэма в 61 строфу, содержащая острые наблюдения над отношениями тех, кто служит, и тех, кому служат. Сохранились и его сочинения по стихосложению, теории литературы, по политике, своего рода наставление по делопроизводству.

Многие произведения Кшемендры не уцелели — и среди них историческая хроника «Вереница царей» («Нрипанали»), пьесы, эпические и дидактические произведения. Из тех, что известны ныне, пять сочинений поэта могут быть точно датированы — «Брихаткатхаманджари», завершенное в 1037 г., «Самаяматрика» — в 1050 г.; «Аваланакалпалата», завершенное в 1037 г., «Аучитьявичараচারна» («Рассуждение об уместности»), трактат по теории литературы — в 1059 или 1063 гг. и, наконец, «Дашанатарачарита» — в 1066 году. Все эти даты относятся ко времени правления царя Ананты, приходившиеся на 1028–1081 годы.

Сатирическая поэма «Венок шуток» («Нармамала») была, видимо, создана до 1063 года, в ту пору, когда страна наслаждалась миром и относительным благополучием. В этой поэме, состоящей из трех «парихаса», то есть осмеяний — так поэт предпочел назвать составляющие ее главы — дана широкая панорама кашмирского общества тех времен, сатирический коллективный портрет паразитирующей на народе феодально-бюрократической верхушки, типические образы представителей слоев, не занятых производительным трудом.

Поэт открывает произведение, как это и требовалось тогдашними поэтическими законами, «мангалашлокой», посвятельной строфой, в которой обычно возносилась хвала тому или иному богу, в зависимости от исповедуемой поэтом веры. Но Кшемендра возносит хвалу каястху-чиновнику вообще, вне зависимости от его конкретного ранга и статуса, удостоивая его при этом эпитета «верховного бога», Парамешвары, чаще всего применяемого к Шиве. За этим следует восхваление Кашмира и правящего в нем царя Ананты.

Далее вводится рассказ о зарождении самого замысла поэмы — друзья поэта просили его поведать о деяниях каястхов. Он соглашается, и вот здесь-то появляется посвящение Шиве. Кшемендра строит поэму на богатом материале мифологии, фольклора и литературы. Поскольку поэт уже ввел в мангалашлоке своего обобщенного «героя», каястху, он помещает в начало поэмы пародийное родословие каястхи, появившегося на земле после поражения демонов-асуров в битве с богами. Так увязывается поэма с древним сказанием о дележе сокровищ, добытых из Молочного океана богами-девами и их старшими родственниками — асурами. Предложенный Кшемендрой сюжет не отмечен в каком-либо памятнике и полностью вымышлен автором, вписавшим легендарные персонажи в реальные, земные условия.

В повествование о махинациях чиновников Кшемendra включает лирико-публицистические отступления, в которых дает личную оценку тому или иному персонажу или явлению. Подымаясь от самого низкого из чиновников до наивысшего в царстве сановника, поэт создает яркую картину безудержного ограбления людей, маскируемого лицемерными проповедями и показным благочестием. Серия сатирических портретов чиновников обладает типическим значением, усиленным еще и тем, что они представлены и в их действиях, и в их жизненных связях.

Внешне сюжетная линия как будто бы сводилась к интриге вокруг супруги каястхи и ее мнимой болезни, вызывающей потребность в дорогостоящем и пышном жертвоприношении. На самом же деле основа сюжета — судьба каястхи от его постепенного возвышения по службе до позорного крушения. И любовная интрига, и жертвоприношение служат лишь задаче более широкого вовлечения в действие других типических персонажей, так или иначе связанных с каястхой. Каждая из вводимых в действие фигур получает свою долю язвительно сатирической оценки.

Картину оргиастического жертвоприношения можно было бы считать кульминацией поэмы, но не менее важным для автора было показать само крушение каястхи. Этот главный «герой» наказан по воле автора — он брошен в тюрьму, богатства его конфискованы. В авторской сентенции по поводу судьбы каястхи звучит осуждение тех, «кто с презрением взирает на людей, лишенных чина». Автор кончает поэму констатацией, что ныне злодействам каястхов положен конец. Она смыкается с панегирической оценкой правления Ананты, с которой начата поэма.

«Венок шуток» построен по образцу «махакавьи», жанра придворной эпической поэмы. Кшемendra в известной мере пародирует этот жанр, что сказалось прежде всего в «заземленности» сюжета в противовес «возвышенности» махакавьи. Вместе с тем он ввел в рамки своей поэмы и иные жанры — «стотру», молитвенное песнопение Шиве, возносимое министром внутренних дел, но перемежаемое его монологом; подобный же монолог — признание казначея; басня, в уподоблении зрителя дорог журавлю, вылавливающему из пруда рыбу; диалог вит; фольклорная новелла о монахе-учителе; заклятия; славословие; служебное донесение о падеже коров; личная записка; помянуты какие-то вирши на местном наречье и т. д.; присутствует и реминисценция «Рамаяны». Все это демонстрирует не только основательное знание поэтом и предшествующей литературы и фольклора, во всем многообразии их жанров, но и редкостное умение воспользоваться всем этим богатством во имя своей — в данном случае сатирической — цели. Укажем попутно, что этой же цели он иногда подчиняет и метрику — поэма в целом написана основным эпическим размером поэзии на санскрите — ануштубхом. Но когда Кшемendra обращается к переплетению канонической стотры и, так сказать, внутреннего монолога министра внутренних дел, с тем чтобы особо подчеркнуть своекорыстие и лицемерие, то он вносит резкое изменение — сохраняя внешне единство двустрочной строфы, он строит ее из ритмически разных строк. Первая строка шлоки взята из стотры

(молитвы-хваления) Шиве, вторая — расчет самого министра, так сказать, произносимые «про себя». Точно также, когда речь заходит о характеристике святого наставника гуру, поэт вводит строфу вовсе другого размера. Эти особенности приняты во внимание и переводчиком. Говоря о жанре «Нармамалы», нужно отметить, что при всей связи с предшествующей литературной традицией Кшемендра предстает как новатор, как создатель жанра сатирического портрета. С редкостной полнотой дан портрет чиновника — и не только его. Он ведь в свою очередь украшен целой серией портретов, каждый из которых являет собой своего рода шедевр.

В этом весьма значительную роль сыграл стиль, вся та совокупность языковых и художественных средств, к которой поэт должен был обратиться, чтобы достичь максимальной выразительности своих сатирических портретов. Санскрит обладает гибкой и развитой системой словообразования, позволяющей авторам достигать при минимуме объема максимума художественной выразительности. Даже те персонажи, которым уделен, казалось бы, минимум внимания, такие, как советники и хожалые каястхи, возвысившегося до положения правителя дел, предстают перед взором читателя весьма выпукло, наглядно. Каждой из этих групп посвящено всего по две строфы. Но как они выразительны! Давно известен в мировой сатире такой прием, как наделение персонажа именем, соответствующим его существу. Вот имена советников — Стяг зазнайства, Честняга, Жадина, Калам ходячий, Востромордый, Берестяной, Котел ненаполнимый, само по себе свидетельствующие о, так сказать, достоинствах их носителей. К этим характеристикам добавлено всего несколько типичных реплик, создающих полноту картины. Функция хожалых иная, физическое и безрассудное исполнение повелений начальства, и им даны соответствующие имена — Дверолом, Лопнибрюхо, Вуходай, Бедадядома, Поджигатель, Дымпожара, Громобой и Тресниврожу. Соответственно и характеристика дается им не в виде реплик, а в виде действий. Очевидна связь этого приема с фольклором, с народной шуткой. Туда же ведут эпитеты и метафоры, которыми аттестует своих персонажей Кшемендра.

Все то, о чем идет речь в поэме, основано на пристальном внимании автора к действительной, вполне реальной жизни. «Река царей» («Раджатарангини») великого индийского историка Калханы (XII в.) изобилует документальными свидетельствами бесчинств и мошенничеств всякого рода со стороны и феодальной верхушки, и служившего ей чиновничества, историями неожиданных и молниеносных возвышений, подобных тому, о чем рассказал Кшемендра в своей великолепной поэме, написанной в раблезианском духе.

В ней присутствует четко выраженная авторская личность — хотя поначалу автор всего лишь «некто славный стихотворец, весельчак, ума палата», в конце он называет себя прямо по имени. И не только — на протяжении всей поэмы поэт активно вторгается в повествование лирико-публицистическими отступлениями, четко выражая свою неприязнь к бюрократии сверху донизу и симпатию к народу, за чей счет она

процветает. В «Венке шуток» Кшемендра продолжил ту линию социальной сатиры, которая была начата Бхартрихари и уходит корнями в еще более давние времена, восходя к ведам. Несмотря на то, что «Венок шуток» написан в XI веке, сатира Кшемендры живет и сегодня.

Перевод выполнен по изданию: Minor Works of Ksemendra. Ed. by Raghavacharya and D. C. Padhye. Hyderabad, 1961.

Перевод

Осмеяние первое

Да восславится Каястха,
Бог верховный, несразимый,
Чьею волей мир подлунный
Безнадежно околдован.
На челе Земли обширной
Украшением сверкает
Благодатный край Кашмирский,
Населенный мудрецами.
Правит в нем, подобный Вишну¹,
Трижды доблестный Ананта²,
Чьи деяния восславил
Лес колонн, взнесенных к небу³.
Справедливости защитник,
Он всех подданных избавил
От напастей, причиненных
Стародавними царями.
Раз, в собрании мудрейших,
Некто, славный стихотворец,
Весельчак, ума палата,
Услыхал от мудрых просьбу
Всем поведать смеха ради
О былых делах Каястхи,
И он тотчас согласился
Осмеять его делишки,
Обличить его злодейства.
Да восславится бог Шива,
Укротивший злую майю,
Сотворивший все, что видим,
Даже малую былинку.
Им все держится, хранится,
Им все движется, родится.
Им, всевластным, поглотившим
Яд смертельный калакуту⁴.

Родословие

В пору ту, когда всех дайтьев⁵
Сокрушил могучий Вишну,
В горе ввергнут был Каястха,
Заправлявший их делами.
Он, к богам вражду питая,
Тыщу лет вершил найрагью
На Вайтарани⁶, питаюсь
Лишь мочой своей и калом.
И обрадовал тем самым
Кали⁷, духа злых деяний,
И явился тот Каястхе,
И велел: «Ступай на землю —
Я тебе калам⁸ вручаю,
И оружием этим мощным
Всех богов губить ты будешь,
Их лишая тучной жертвы,
И цветов, и благоюний,
Навсегда предашь забвенью.
Загасив огонь алтарный,
Брахманов ты в прах повергнешь,
Обречешь их на мученья,
И от голода и жажды
Уподобятся бродячим,
Дико воющим собакам,
К брахманам людей почтенье
Уничтожишь, и не смогут
Боги жертвой насладиться,
И бесславно все погибнут.
Ты один рыдал на небе
В час, когда погибли дайтьи,
И за это будь прославлен
Ты под именем дивирь⁹,
Канцелярского служаки.
При чернильнице с каламом,
Он глотает беспощадно
Все подряд, ему подвластны
Все богатства, все успехи.
Средь твоих потомков будут
Постоянно возрождаться
Дайтьи в области дивиров,
Из-за алчности которых
Блага на земле не будет!»
Так сказал и скрылся Кали,
И с душою, полной грязи,

В мир земной сошел Каястха,
Чтобы до времен скончания,
Как мясник, людскою плотью
Торговать, еще живую,
Рушить все благое в мире,
Как горшки дурная баба,
В облике своих потомков
Беспощадных и жестоких,
Всех лишать насущной пищи,
Все богатства безудержно
И бесстыдно расхищая.

С чем каястхов я сравнил бы,
Перемазанных в чернилах?
Так они черны и мерзки,
Будто с тьмою целовались!
С чем каястхов я сравнил бы,
Как пожар последний мира ¹⁰,
Пожирающих нещадно
Все, что движут и не движут,
Низкопавших, лъстивых, злобных,
Лицемерных в услуженье,
Изворотливых в обмане
И пронырливых каястхов,
Всем своим нутром греховных!
Писари и писаришки,
Беспрестанно умножаясь,
Города, деревни, села,
Даже крепости и небо
Перечеркали каламом.

И в бересту нарядившись ¹¹,
Заплясал безумно Кали,
И под грохот этой пляски
Сонмы пищачей ¹² визжали —
•Вот на пагубу вселенной
Порожден великий асур ¹³,
Все на свете пожирая,
Он оправдывает имя
Бочки, днише потерявшей!
У коровы соль и сено
Вырывает он из пасти,
И богов лишая жертвы,
Обжирается чиновник!
Даже сам бессмертный Дхарма ¹⁴,
Справедливость воплотивший,
Стал чернильною проформой,

Хоть и был он вместе с Вишну
В день, когда тот бог могучий
За три шага мир измерил ¹⁵,
А теперь три мира эти
Одолел Каястханатха ¹⁶,
Сокрушив закон и нравы
Божеские и людские.
И помчался злобный Кали,
Как чернильная стремнина,
В ад неся людские души,
Как их Ганга в рай уносит.
Разоренью сел бесчисленных
Он безмерно восторгался,
Раздавая плети, цепи,
Назначая штрафы, казни.

Министр внутренних дел или гриха-критья-адхипати

А Каястха, искушенный
В дел движенье-торможенье,
Возглашающий, что сердцем
Он свободен от корысти,
Позабыв о прежнем горе,
Стал в деревне счетоводом.
Был повышен, и в столице
Счетоводством верховодит,
А потом — судьба причуда! —
Стал он при царе министром,
Получив высокий титул
Гриха-критья-адхипати!
В ход пошли его родные
И льстецы из подчиненных,
Расхитители и воры,
Разоряя все, что можно.
А при нем — семь злобных дайтсёв,
Семь советников великих,
Стяг зазнайства и Честняга,
Жадина, Калам ходячий,
Востромордый, Берестяный
И Котел ненаполнимый.
Безрассудные твердили:
«Этих — вон! А тех — возвысить!»
Ну, а этим — разоренье!»
И ему служили верно
Восемь пищачей хожалых,
Мчались с плетью и дубиной

Всюду на несчастье людям:
Дверолом и Лопнибрюхо,
Вуходай, Бедадлядома,
Поджигатель, Дымпожара,
Громобой и Тресниврожу,
Тумаки всем раздавая,
Выколачивая штрафы,
Без вины людей калеча.
Он же, полный лицемерья,
Возносил моления Шиве,
Лживых слез струя потоки,
Восклищая «Горе! Горе!

Ах, как много, как много я жертвовал
Тем, кто шел, устремясь к избавленью,
На вершину горы Виджаешнары ¹⁷,
Силой веры могучей гонимы.

Полный вечного покоя,
Бесконечного величья,
Побеждает всюду Шива,
Чье богатство — разум светлый.

Горы злата сулил я паломникам,
Ну, а тех, кто дошел, да и помер,
Волокли вниз к подножью веревками,
Похоронным кострам предавали.

Состраданье и блаженство!
Все сражает несразимый,
Светом знания озаренный!
Слава Шиве! Слава! Слава!

Тех, кто податей в сроки не платит,
Пусть немедля чиновники хитрые,
В разграбленье селений искусные,
Отбравши пожитки, прикончат.

Всякой радости обличью,
Истребителю несчастий,
Воплошенью сути Брахмы,
Слава Шиве! Слава! Слава!

Поприжми ты народ, — и богатство
Из него истекает обильно —
Так под каменным тяжким давилом
Сок целебный течет из гуггулу ¹⁸.

Оглушив молитвой громкой
И отдав распоряженья,
Собирается Каястха
К заседанию в палате —
Повязав себе на ноги

Всеблагие амулеты,
Увенчал чело он шапкой,
Тонко золотом расшитой,
Обрядился в одеянье
Из тончайшей нежной ткани,
Словно тень цветов на поле,
И струящей всюду запах
Благородных благовоний,
Унизал перстнями пальцы
И, с богинею Кривулей ¹⁹,
В путь отправился степенно,
Изгоняющий из храмов
Всех богов — земных, небесных —
Натрудил изрядно ноги
И, лицо кривя нещадно,
Приближается к палате,
А Марича-греховодник
Подхватил его под руки
И, от радости растаяв,
Усадил на место. Он же
Всем раздал благословенья,
И сидевшие в палате
Возгласили звонко «Слава!»

Управляющий делами или парипалака

И тогда Марича молвил
«Слышал я, о к сильным близкий,
Что из храма звездочета
Ты служить себе назначил.
Пусть он сделает нам явным,
Что и где хранится в храмах,
Где наряды, украшенья,
Жемчуга и все такое.
Знают все — свои богатства
Ты изрядно приумножил,
Обобрав богатства храмов
Шивы, Варахи, Мартанды ²⁰,
Но тебе помошник нужен,
И бесстрашный, и усердный,
Все умеющий и ловкий,
Не страшится оговоров.
Пред грехом не знает страха,
Есть такой — он без насилья
Заберет добро чужое,
Парипалакой зовется.

Он достоин высшей славы —
Брахмана убить, корову,
Иль людей лишить достатка
Управитель не замедлит —
Столь он предан господину!
Есть, конечно, и другие,
Но такого — нет, не сыщешь!
Нищих родичей привел он,
И они разбогатели.
Коли хочешь, повелитель,
Ты вели — и я покличу,
Ты ж к сокровищу такому
Окажи благоволение!*.
Так не раз дудел он в ухо
Гриха-критья-адхипати.
Наконец, тот молвил важно:
«Пусть сей муж сюда прибудет!»
И Марича, не замедлив,
Снарядил двух-трех посыльных,
И они вернулись вскоре
С управителем. Предстал он
Пред начальством, долговязый,
Неподвижно деревянный,
Постоянно вверх глядящий,
В цвета желчного рубахе,
Длинный, словно столб для жертвы,
Но с весьма просторным брюхом,
Злобный, жадный, нетерпимый
И заносчивый безмерно,
И, подобно лихорадке,
Что бросает в жар и в холод,
Он дела кончает смертью.
К грозному придя начальству,
Он служить ему исправно
Начал, — будто забавляясь
Разорил премного храмов.
Вот об этом супостате.
В окружении наймитов,
Разоривших столько храмов,
Управителе греховном,
Так в народе говорили:
«Снова дайтъя Златоглазый ²¹,
Вспомнив про вражду былую,
Истреблять богов затеял!»
В миг, когда ворвутся в храмы
Эти злые супостаты,

Двери с треском разбивая,
Начиная дикий праздник
Разграбления сокровищ,
В страхе все бегут оттуда,
Кто богат и тот, кто беден,
Жизнь хотя б спасти желая.
И тогда несутся в небо
Стоны женщин разоренных,
Перепуганные дети
Наполняют воздух плачем.

Сельский писарь или лекхакопадхъя

Вслед за таким злодеем
Объявился сельский писарь,
Голоден всегда и жаден,
Вечно алчет он мгновенья,
Чтоб дорваться до богатства,
И в залатанной рубаше,
И в изодранном кафтане,
И в заношенном тюрбане,
Лишь лохмотьями прикрытый,
Писарским искусством гордый,
Повеленьями начальства
Он питается — так точно
Змеям воздух служит пищей ²².
С ним пришла его супруга
В провонявшем одеянье,
С носом, вымазанным сажей,
Серьги обожженной глины,
Украшавшие ей уши,
Оттянули сильно мочки,
С головой, покрытой ситом,
Окруженная потомством,
Чешет зад она широкий,
Ничего не разумея,
«Ах!» да «Ох!» не к месту молвя.
Но лишь был супруг возвышен,
Как она Ганеше богу ²³
Принесла большую жертву
Из еды и благовоний,
Муж, прилежно выполняя
Повеления начальства
О торгах, до взяток жадный,
Знай, строчил себе прошенья
И калам, визжа ужасно,

Словно битая мартышка,
Так бежал, что в день две сотни
Написал бумаг служебных.
Он поверг начальству в ноги
И калам свой, и чернила,
Подносил ему усердно
И корзинки из бамбука,
И кубышки, и шкатулки,
И с их помощью вознесся.
И достиг он высшей славы,
И от взяток стал богатым,
И хмельным от чувства власти,
А когда читал прошения,
Поднывал и корчил рожи,
И притворными слезами
Заливался, проходимец.

Казначей или ганджадивира

Хоть законы нарушались,
А каястхи богатели
От неправедных поборов
С ниших брахманов, с крестьян ли.
Точно смерч неотразимый,
Казначей туда нагрянул.
На глаза тюрбан надвинув,
Лоб закрыв, как прокаженный,
Лишь одно он знает дело —
Грабить храмы и селенья
Так, чтоб нитки не оставить
Парипалаке и прочим.
Всякий раз, доклад готовя,
За полгода он покажет
Прибыль, что и за два года
Получить страна не может.
Любопытствовал раз кто-то:
«Из какого, мол, колодца,
Он доходы извлекает?»
И тогда ответил честный,
Что довольствуется малым
И вполне доволен этим.
«Мне врагами злыми стали
Управители, кто продал
Все, что вынести смог из храмов.
А к тебе, почтенный, сердце
Преисполнено любовью —

Шива — наш наставник общий.
Так дадим ли лицемерам,
Чтоб за счет сокровищ храма
И в нем собранной пшеницы
Наживались негодяи?
Вещи, забранные в храме,
Подлежат все распродаже,
Чтобы пользоваться ими
Как твоими и моими.
Да уж что! Случилось как-то —
Медный колокол забрал я,
И от преданности богу
Я велел из сотой части
Сделать колокол поменьше.
Но потом и он был продан,
И отлил я колоколец —
И его прожрать сумел я,
И остался колокольчик.
Время шло — и из него я
Дал бубенчик изготовить,
Так я сохранил частицу
Из того большого звона.
Все творится в жертву Шиве!
И ему в угоду также
Продаю зерно из храма.
Потому меня и кличут
Прозвищем Купипродайка».
Так-то разные каястхи,
Писари и счетоводы,
Казначей и министры,
Словно крысы, словно воры,
Обирают населенье,
Села, храмы и деревни,
Укрепленья с городами.

Смотритель дорог или маргапати

Вот еще один чиновник,
Кроме них — дорог смотритель,
В ограблении искусный,
До добра чужого жадный.
Зная тонко это дело,
Он в деревню прибывает
И у брата — богатея
И скупца — он гостем в доме
Остается. Доч-то этот —

• Что курятник, со скрипучей
И иссохшей старой дверью,
На веревках укрепленной.
Кханджага, дорог смотритель,
Голову тряпьем украсил
И прожженным одеялом
Он укутывает плечи.
На его ногах сандалии
Из собачьей старой шкуры,
Ходит медленно, степенно.
У него всегда с собою
Сумка с банками, в которых
Есть и паста из сандала,
И пучок травы священной.
Он свершает омовенья,
Днями храм не покидая,
Стотры²⁴ разные гнусавит,
Потрясая бородою.
Он коров обходит слева²⁵,
Бьет пред брахманом поклон,
Да и без охоты всякой
Нищему подаст полушку.
А когда ему подкинет
Дельце жирное начальник,
Он жилье свое наполнит
Разной утварью домашней.
Время зимнее настанет —
Нанесут ему соседи —
Пусть хоть сами босы, голы, —
И одежд, и украшений.
Дом побелкою сверкает,
На дворе повсюду чисто,
Храм, среди двора стоящий,
Словно выкрашен шафраном.
Полон дом отменной пиши,
Вкусной и благоуханной,
А его жена красotka —
Многих дев небесных краше.
Он, в деревню отправляясь,
Снаряжается усердно
И берет с собой в дорогу
Зонт, сундук, постель и чашу,
Посох, бога изваянье,
Колокольчик и сандалии,
Для воды кувшин и четки,
И для разных грамот сумку.

Все, что надобно для жертвы,
Зеркало, бутыл с чернилом,
Книжку с мантрами ²⁶, а также
Календарь и шнур священный,
Нож — затачивать каламы,
Иглы, корень ароматный,
Кубок, сделанный из рога,
Цвета красного накидку,
Стотры, мантры, ил из Ганга,
Листья билвы ²⁷ и лопатку,
Амулет, покрытый лаком,
Шапку теплую с ушами.
Все собрав — и с тех, и с этих,
Увязав весь скарб во выюки,
Шлет его перед собою,
О дарах мечтая новых.
Покидая город стольный,
На коне заемном сидя,
Подгоняет его палкой,
Пятками в бока колотит.
Устрашая население,
Свет во тьму преобразуя,
Он, разряженный роскошно,
В свежестиранных одеждах
Появляется в деревне —
Так журавль садится мудрый
В деревенский пруд и ловит
Рыбку глупую спокойно ²⁸.
И тогда его стремятся
Ублажить, чем только можно,
Словно пред самим Куберой ²⁹
Открывая все кубышки.
Он, мздоимец, наслаждаясь
Дурно добытым богатством,
Будет счастлив, если сможет
Завладеть чужим именем:
Сам, не вырастив травинки,
В пашне он огрехи видит,
Если ж люд живет безбедно,
Он страдает безутешно.
Если тысячу деревьев
Садовод взрастил искусный,
Но из них погибла сотня
И на это нет бумаги,
Для того исчадьем ада
Станет он. Бессчетны люди,

Им лишённые достатка
Без вины иль прегрешенья,
Их имущество расхитив,
Заточив в тюрьму навечно,
Лишь орудя словами,
Разорит до основания.
Вот, деревню покидая,
На верблюдах он увозит
Все, что взять ему хотелось —
Масло, мед, динары, перец,
Хмель, имбирь, лепешки, мясо,
Башмаки с пером павлиньим,
Виноград, бобы и птицу,
Одеяла и орехи,
Бурдюки, бараньи туши,
Чугуны, из меди плошки,
И из бронзы украшенья,
И с вином бутылъ большую.
Доставляет он в деревню
Повеление о штрафе
И его взимает строго,
Лицемерно сострадая
Им обобраным крестьянам.
Обжирающийся салом,
Он в присутствии министра
Два ведра бобов прогневших
И без соли слопать может.

Сборщик податей или грамадивира

Тут министр решил: «Не может
Казначей наш самый главный
Расхитителей увидеть».
И в его делах назначил,
Из тюрьмы освободивши,
Осужденного надолго,
Знатока всех дел преступных,
Проходимца разбираться
В казначеевых проделках.
Тот, лишённый пальцев правой ³⁰,
Левой действуя усердно,
В грамоты вносил поправки,
Искажая смысл и форму.
И с вином бутылъ усердно
Многokrратно осушая,
Он писал, треща каламом,

Как сверчок трещит запечный,
И мизинцем выскребая
Букву ту или другую,
Так, что Чармакарагу
Обращался в Гуручарма³¹,
Он срезал доходы храмов,
Отбирал у них угоды,
Быстро брахманы нишали,
Дохли с голоду коровы.
Хриплым голосом ослиным
Он поет о славе Шивы,
То и дело истребляя
Вшей, кишаших в одеяле.
То, вздыхая поминутно,
Суету мирскую судит,
То в восторг приходит рьяный
За доход расходы выдав,
А когда вином упьется,
Весь трясется, словно духом
Одержимый, и браслеты
Сотрясаются на теле.

О дивира! Вон он пляшет,
Содрогаясь жирным телом,
Будто налитая полно
В пляс чернильница пустилась.
Вон он, грязный, запыленный,
Словно пищач кровожадный,
Человечьей кровью пьяный,
В пляс пустился безудержный.
Любит драки он и стычки,
Свары, сплетни, склоки, дразги,
Рассыпает по дороге
Тумаки, удары, плюхи,
Занят он и днем, и ночью
Утеснением народа,
Тьмы людей губя нещадно,
Как лесной пожар деревья.

Супруга каястхи

А чиновника супруга
Пережевывает бетель,
Занимаясь этой жвачкой
Словно самым божьим делом,
И в своем богатом доме
В зеркале собой любуясь.

Взор бросает на дорогу,
Будто бы томясь разлукой:
«Тыфу на это ожерелье
И на золотые кольца —
Разве что купчихам толстым
Красоваться в них пристойно!
Я ж носить достойна только
Нить жемчужную с алмазом
В середине» — чванство это
Никого не удивляет!

Да восславятся вонечи
И чернильница благая,
И калам, ее помощник,
Благодетели каястхов!

Прежде рисовым отваром
Из потрескавшейся плошки
Утоляла жажду — нынче
Из серебряного кубка
Вина сладостные тянет,
На балконе прохладаясь,
И стремятся к ней, как пчелы
Тянутся к цветам медвяным,
Сыновья соседей знатных.

Осмеяние второе

Что ж она? Горда красою,
Крови молодой кипеньем,
Не могла терпеть ни свекра,
Ни других родных супруга;
Песни, рассказы послушать,
Похихикать, посмеяться,
Вот и все, что ей по нраву.
Благовоньями натершись,
Одевалась так небрежно,
Чтобы персей нежных, дивных
Не скрывало покрывало.
Томно поводя плечами
И лениво изгибаясь,
Словно гибкая лиана,
На мужчин она взирала.

Охотники до чужих жен или виты ³²

Рассудив, что без усилий
Волоокую красотку

Можно будет заарканить,
Смело в дом к ней зачастили
Виты с делом и без дела,
Разоряясь на наряды,
Благонония и бетель,
Украшенья и куренья,
В жажде завладеть и ею,
И чиновничьим богатством.
Так, в бессчетных ухищреньях,
Извиваясь, точно змеи,
В поисках такого места,
Где ужалить им вернее,
Виты ловкие искали
Как бы им с красоткой сладить
И сокровищами мужа.
Вот сошлись однажды трое
Средь развалин древних храма
Обсудить здесь, на безлюдье,
Как бы к лакомой красотке
Половчее подобраться.
Молвил первый: «Нет сомнений,
Что она легко доступна
И что нет у ней охоты
Обниматься с этим старым
Проходимцем и слюнтяем,
Скупердяем, сластолюбцем,
Брюхом, водкою налитым,
Делопутом и ревнивцем!
Да к тому ж она бесплодна,
И не надо опасаться
Ни любовнику, ни бабе,
Что дитя у ней родится.
Как известно, от природы
Бабы все, как есть распутны!»
«Это так — другой ответил, —
Цель наметил ты умело,
Да ведь следует подумать
И о том, как с ней знакомство
Нам удобнее устроить.
Коли не ходить на свадьбы
Или жертвоприношенья,
Или шествия в честь бога,
Иль на праздник многолюдный,
Омовения святые,
Чтобы с нею повидаться,

Ну, а там — бросаешь взоры
На волнующие ветром
Кудри, и о ней болтаешь,
Намекая, будто хочешь
Позабыть о ней навеки,
Что ее, мол, хочешь слышать,
Лишь о ней твои мечтанья,
Что могли бы увенчаться
Лишь возможностью коснуться
Сари или опояска.
А коль сбудется все это,
Поднеся цветы и бетель,
Оглуши ее в безлюдье
Страстно жарким поцелуем —
Вот тогда-то рухнет здание!
Если ж овладеешь ею,
То ужель она не станет
Добродетель ненавидеть,
День и ночь мечтая пылко
О таких же новых встречах?»
«Что ж, ты верно рассуждаешь,
Да ведь взять в расчет нам надо,
Что судьба свои поправки
Может сделать, — молвил третий. —

Смотритель рождений или дживанадивира

Есть, однако, человек,
Кто, подобно Читрагупте,
Что в писцах у бога Смерти ³³,
Остроглаз, и недостойных
Истребляет, и способен
С помощью приемов разных,
Взяток и поддельных грамот,
Возвести людей ничтожных
На престол царя иль бога;
Кто не вовремя, не к сроку
Увести из жизни сможет,
Кто загубит жизнь людскую
Без болезни или раны,
Для кого одно лишь важно —
«Сколько умерло сегодня?»
Он живет за счет усопших
Словно пес — так средь достойных
Рыщет мерзкий каламукха ³⁴,
Тянет руку, чтоб даянье

Доброхотное упало;
Вместе с грешниками может
В ад спровадить добродетель.
Так он, жаждущий хмельного,
Вечно род свой прославляет,
О чужих грехах все зная.
Он — царю любимец первый,
Друг и мне, и наши жизни
Защитить всегда сумеет.
Ведь не раз уже бывало,
Что спасал он ловким словом
Тех, кто в клевете повинен,
Тех, кто жег дома чужие,
Убивал детей и женщин,
Брахманов, коров, скотину.

Монашка-сводня или шраманика

Да! Еще к красотке ходит
Ваджрайогини, монашка,
Сводня славная. Сумеет
Подыскать она мужчину
Каждой женщине и служит
Вестницей в делах любовных.
Пусть пред нею Арундхати³⁵,
Верности пример извечный —
Совратит ее монашка.
Вот кто нам поможет в деле:
Для нее, искусной сводни,
Святость Ганги — лишь былинка»
Поревшив на этом, трое
Проходимцев поспешили
В дом пронырливой монашки.
Но еще до этой встречи
Так случилось, что увидел
Как-то раз монашек глупый,
Как сидела на балконе,
Шалью плечи прикрывая,
Уложивши косы хитро,
Нанося сандалом тилак³⁶,
Наслаждаясь скрипом новых
Башмаков с павлиньим глазом,
Полногрудая красотка,
Откровенно презирая
Даже брахманов почтенных
И людей, ее бранивших:
«Ах ты, стерва, дочь рабыни!»

Домашний учитель или даракопадхъя

Увидал ее монашек
И тотчас сражен был богом,
У кого на стяге рыба ³⁷;
Средь дороги, рот разиня,
Словно столб недвижим, замер.
По ее благоволенью
Взят наставником к детишкам —
Только минет две недели,
Он прилежно получает,
Что ему за обучение
Ребятишек причиталось.
Очарованный хозяйкой,
День и ночь о ней мечтает,
Но увы, детей-бедняжек
Он учил, не зная толком,
Сколько знаков в алфавите.
И умел он накарять
Только «Ом» — священный символ ³⁸.
То мечтал он о красоте,
На нее уставясь, глупый,
То считал в уме динары
И при этом, гордый знаньем
Стотры о восьми явлениях
Бога Вишну, бормотал он
Непрестанно эти строки —
«Да спасут нас Стопы Вишну ³⁹,
Нежные к ничтожным самым,
Да избавят от хожденья
В мир они потусторонний!»
Детям задавал задачки,
Где ни смысла нет, ни толка,
Дважды в месяц за учење
Получая аккуратно.
Как заглядывать в шпаргалку,
Как вострить калам, которым,
Бересту царапать — это
Все, чему учил он деток.
«Ой, да что ты за учитель?!
Но певец ты иль кожевник,
Все равно — ты мне приятен!» —
Так чиновника супруга,
Мнимый гнев изображая,
Ласково его корила
Сладким голосом, с улыбкой,

Чтобы он не испугался.
Хоть грамматике учил он,
А вот женских разговоров
Понимать был не способен,
Но пролепетал от счастья:
«Что почтенная изволит?»
И притворством, и укором
Ошельмованный, стоял он
Беспричинно улыбаясь.
«Ничего-то он не знает!
Ничего понять не может
Сей блаженный!» — и бесстыже
Неодетая ходила.
Ну, а он, хоть и невинен,
Да смекал, что делать надо,
И во время разговоров
Нежил ей рукою перси.
Поутру супруг на службу,
Как положено, уходит,
А монах его красотке
И ее служанкам служит,
Да и братовой супруге,
И сестре ее супруга,
Как среди кобылья стада
Жеребец-производитель.
Так те лучшие из женщин
С ним святой обет вершили
И готовы были вечно
Соблюдать «обет покорства».

Распутник из чиновников
Так те трое проходимцев,
Замысел свой обсуждая,
Навестить спешили сводню
И застали у монашки
Разжиревшего чинушу.
Так несчастный измочален
Был бессилием любовным,
Что, мечтая излечиться,
Он к монашке обратился,
Принеся в дары наряды
И прислав ей мед и масло,
Сахар, сливки и сметану,
Патоку, бараньи туши, —
И еще немало снеди

Ей носильщики ташили.
На него, невежду, глядя,
Сводня хитрая рыдала
Глазом левым; правым глазом
Так безудержно смеялась,
Что ее перекосило.
Но при виде украшений
И богатого наряда,
Что ей виты предложили,
Снова вид приняв серьезный,
Стала слушать их затею,
Стала им давать советы
И устроила, как нужно —
Как и что они хотели.
Вот уж, по совету сводни,
Головною болью мучась,
Тяжко стонет, задыхаясь,
И терзается красotka.
Шум и гам поднялся в доме,
Как в деревне на пожаре,
Или как в великий праздник,
Или утром на базаре.
День прошел. Чиновник дома.
Обожравшись и упившись,
Словно новый Кумбхакарна ⁴⁰,
Забирается на ложе.
Но увы! Жена больная
Не целует, не ласкает,
Напролет всю ночь лишь стонет,
Мужним ласкам не дается,
И замком сомкнула бедра,
Не притронуться бедняге
К персям или к ягодицам.
Вся в страданиях и боли,
Поутру, не прибираясь,
Говорит она со стоном:
«Ах, почтенный, мне ужасно
Кости ломит. Смерть приходит!»

Лекарь или вайдья
Тотчас слуг он посылает
К лекарю, и тот явился,
Врачеватель никудышный,
Но мздоимец и обжора.
Врачевателя восславим,
Что не знает врачеванья.

Кто немислимым леченьем
Погубил людей немало!
Поминутно отирая
Пот со лба, он в дом из дома
Непрерывно забегает
Появляясь пред больными,
Словно мрачный вестник смерти.
Со своей корзиной, полной
И рецептов невозможных,
И опасных притираний.
Он лишь тех лечить умеет,
Для которых жизнь — в богатстве,
Беднякам же он — трезубец
Беспошадный бога смерти.
Этот лекарь сам как зелье,
Яд, ведущий прямо к смерти;
Обжирается он мясом,
Словно пишач иль вета⁴¹.
Коль во гневе — враз прикончит
Или срок земной урежет,
Истошив и жизнь и чувства,
Прекратив биенье сердца,
Лишь одним касаньем пальца,
Но всегда живет в почете.
•Он ведь подвиг многотрудный
Совершает, мудр и знающ:
Пить, ходить, дышать, влюбляться
Нужно по его рецепту», —
Люди в этом убеждены
Жаждают внять его советам,
Коль на празднике объелись,
Иль на шествиях священных
На поминках, иль на свадьбе,
То в надежде тщетной люди
За лекарством и советом
Тянутся к тому, чья пашня —
Плоть людская, а лекарства —
Злаки тучные с плодами.
Он из тех, кто не упустит
Приласкать жену чужую,
Для мужчин он — лихорадка,
От которой кровь, дыханье,
Жизни трепетной биенье
Прекращаются внезапно.
Лекари, каястхи, гуру,

Лицемеры, паразиты —
Вот кто истинно повинен
В человеческих несчастьях!
Ухватив ее за груди,
Лекарь начал излечение.
Он, негодник, обнаружил,
Что они у ней упруги,
И промолвил: «Ей не нужно
Извиваться от страданий,
Надрываться в диком крике
Или в судорогах прыгать.
Дело в том, что неспокоен
Дух ее, здоровья корень,
Значит, надо ей со мною
Вместе трапезу отведать,
Чтоб от сладкой простокваши,
Дух ее разгорячился»,
И проворные служанки
Стали трапезу готовить.

Звездочет или ганака

В дом вступил по приглашенью
Звездочет — его восславим,
Око знания, свет науки,
Кто дождя у звезд попросит,
А получит мор и голод,
Кто вещает про былое,
Кто о будущем не знает
И не сведущ в настоящем,
Кто планеты и созвездья
Различить не может в небе,
Кто не в силах разобраться
В грязной кипе гороскопов.
Чтоб ты трижды разорился,
Чтоб свалился в лихорадке,
Чтоб глаза тебе застило,
Чтобы вражеские орды
Не нашли в тебе подмоги,
Чтоб родной страны пределам
Не нанес бы ты ущерба!
«Коль она больна желтухой,
Излечу ее я мантрой», —
Произносит он, мешая
С врачеваньем чушь и глупость.
Погружает в заблужденья,

В книге звезд аза не зная,
Чертит на доске вошаной ⁴²
Круг немислимых созвездий.
В этот круг чиновник бросил
Пригоршню динаров звонких
И стоит, гордыня чванства,
Их считая, и возводит
Очи к небу, изрекая
Очень медленно и важно:
«Страсть любовная повинна
В бледности ее и в муках.
В женских душах демон злобный
Порождает страсть гнилую.
От него избавить нужно
Ныне страждущую душу,
И поэтому в мгновенье,
В то, когда вступает Шукра
В Лунный дом ⁴³, болящей нужно
Омовение устроить.
И когда свершится жертва,
То наступит исцеленье».

Смотритель скота или кхашапати

Он ушел, а в дом ворвался
Весь покрытый пылью вестник
И хозяину вручает
От помощника посланье,
А в посланье говорится —
«От копытницы коровы
Помирают. Пять свалились,
А другие еле бродят,
Протянуть не смогут долго,
Два-три дня, а там издохнут.
Ну, а коли их не будет,
Штраф с деревни ты получишь.
Да, когда не стало масла,
Молока и простокваши,
То расстался с жизнью брахман.
Я доклад тебе отправил
Об аресте на именье
И о том, что я в темницу
Поместил его супругу,
А коров тех полудохлых
Передал мне губернатор
Вместо платы за работу.

Сможем мы еще изрядно
Поднабить свои карманы —
Для такого предприятия
К нам в деревню поспешите.
К вашей чести повергаю
Это важное посланье
В день благословенный Солнца,
В месяц джьештха»⁴⁴. И чиновник,
Наградив посланца щедро,
Преисполнен ликованья.
Спрятал важную депешу,
Чтобы точно все исполнить.
Но тем временем занялся
Он супруги исцеленьем,
Пригласил бритоголовых⁴⁵,
Вайшнаву⁴⁶, кто родословья
И рождения все знает.

Святой наставник или гуру
Он позвал святого гуру,
Средоточие гордыни,
Чванства, жадности, обмана,
Славься, славься, святой гуру,
Совершеннейший учитель,
Совратитель жен бесстыдный,
Расхищающий богатства,
Жвачкой рот себе набивший,
Обливающийся потом;
Славься, славься, пучеглазый,
Мордой грязною трясущий,
Словно задом буйволица!
Славься, славься, грязноухий
От обжорства, с чубом жидким,
С бородой, залитой салом!
Славься, славься, вечно пьяный,
С горлом, как канал, широким,
Сквозь которое без меры
Льются водка и хмельное!
Славься, славься, грязный ракшас,
Расстилая сальный коврик,
Залитый говяжьим жиром,
Весь до края в винных пятнах!
Славься, славься, ты, заливший
Брюхо жиром и шафраном,
С пышек жирных и лепешек

И от рыбного жаркого
Ты, от жадности безмерной
Поглощая мед и масло,
С громом ветры выпускаешь
И рыгаешь гласом трубным,
Словно туча грозовая!
Вот таким перед посланцем
Показался славный гуру,
В мудрости святой невежда
И в святом писанье неуч,
С головою, помраченной
Пьянством, похотью, обжорством
И наполненной чванством,
Алчностью и изуверством.

Славься, обличьем истинный гуру!
Славься, невежеством истинный гуру!
Славься, глупостью истинный гуру!
Славься, любовников истинный гуру!
Славься, мошенников истинный гуру!
Славься, злоимства истинный гуру!
Славься, в любовницах сведущий гуру!
Славься, в разврате истинный гуру!

Всюду в мире он прославлен
Как святой и чистой жизни
Образец: а кто не верит,
Тех ославят, как неверных.
И пред ним все бьют поклоны
Головами-чугунами
Так, что от ударов звонких
Началось земли трясенье.
Вот его-то звал чиновник
Совершить святую жертву,
Чтобы вылечить супругу
И богатства приумножить.
Гуру истинный согласен
И записку посылает:
«Рад я, и к тебе прибуду
На заре, с восходом солнца».

Начальник конторы
по делам грехов и добродетелей
или астханадивира

Позаботился чиновник
Пригласить на жертву тестя

И начальника конторы
По делам грехов и дхармы.
Да восславится почтенный
Лицемерный сей наставник,
В чьей руке леса и горы,
Земли, воды и уголья!
Он приветлив, сладкогласен,
Стар, рогат и лицемерен,
Жаден, алчен и проказлив;
Деловодством занимаясь,
От усердия даже уши
Он чернилами измазал,
И рукою, полной грамот
Берестяных, он всю землю
Благодатную ограбил,
Махавараха ⁴⁷ фальшивый —
Он, прямой потомок дайтъя,
Он не спас, из вод поднявши,
А ограбил Матерь-землю.
Поутру, дурной от хмеля,
Просыпается у шлюхи
И, еще не умываясь,
Помышляет тех увидеть,
От кого он ждет поживы.
Сам еще в грязи, в травинках,
А уже твердит молитву,
В то же время размышляя
О своих проделках гнусных,
И о грамотах поддельных,
И о том, как, если рано
Брахман явится с прошением,
Он его осыплет бранью —
Тот же голову понуря,
Поношение испытавши,
Поплетется восвояси.
Так, еще и не проснувшись,
Отправляется в контору
И, приняв за Чанди ⁴⁸ бабу,
Что несет навоз в корзине,
Совершает он ей жертву
Ради дел преуспеянья,
Вспоминая про жаркое
И другие угошенья.
А в присутствии, для вида
Разбирая ворох грамот,

На которых не просохли
Еще строки, он болтает
О красотках; между прочим,
Словно чудище морское,
В океане канцелярском
Губит он людей невинных
С помощью клыков-каламов,
Смоченных чернильным ядом,
Те, сраженные смертельно,
Сквозь поток чернильный яда,
Словно ливень из каджала⁴⁹,
Смотрят скорбно на диниру,
Буйно грабящего землю,
И летят вниз головою,
Оглушая мир рыданием.
Что ж их предкам остается?
Жертв от них не ожидая,
Криком птичьим лишь питаться.
Он же радуется мыслям
О грядущих распродажах.

Судебный исполнитель или адхикаранабхатта

Есть ли из каястхов худший,
Чем судебный исполнитель,
Сей вершитель приговоров?
Если в дом к кому нагрянет —
Там погром, разор и слезы!
Слава, слава всем судейским!
Все они испепеляют —
И людей, и скот, и зданья,
Как пожар, что в день последний
Всю вселенную сжигает!
Кто попал в петлю интриги,
Осужден на распродажу
И чиновников страшится,
Тех начальники большие
Поглощают, словно рыба
В море брошенную жертву.
Кто в их сети попадает,
И больших, и кто поменьше,
Уж того они обгложут
Так, что косточек не сыщешь.
Нет, не брахманство виною,
Если может показаться,
Что герой великий Рама

Брахмаракшасов сражает ⁵⁰,
Но причина в том, что нынче
Этих ракшасов исчадья
Завелись в конторах разных
И делами верховодят,
И пробрались в начальство,
И бесчинствуют безмерно.
Молвят слово — мертвый встанет,
Победитель — проиграет,
Победит же — побежденный!
Вместо рук у них — удавки!
Вместо сердца — гонг латунный;
Нéлюди, веталы злые,
В окруженье адских стражей
Всякого прикончить могут,
Но решать дела без взяток?
Нет, вот это невозможно.
Нет, скорей слепец увидит,
Песнь споет немой от века,
А глухой ее услышит,
Чем без взятки обойдется
У начальника решенье!
Ведь начальника призванье —
Поглощенье жирных взяток,
Над невинными расправы,
Покровительство злодеям,
Присвоение чужого,
Штрафы, казни, распродажи,
И чины, и назначенья —
Брат танцовщицы, кожевник,
Станет пляской заниматься:
Если в колдовстве искусен,
Ты — хранитель урожая.
Жалкий писарь деревенский
Главным стал среди министров
И ему послушен нынче
Сам министр войны и мира,
Слуги, множество шпионов;
Сам он то и дело ездит
В страны разные с посольством,
Дети же его и внуки
Силой власти стали знатью.
Да иначе быть не может —
Ведь веления каястхов
Скрыты в кожаных утробах
Сумок, папок и шкатулок,

Как горшок волшебный в сказках,
Вечно золото творящих.

Осмеяние третье

Жертвы день уже назначен,
И на жертвоприношение
Родичи и сослуживцы,
Их разряженные жены
Собираются поспешно.
А тем временем приносят
Все, что заказал наставник
В раньше посланной записке —
Тут и медь, и ртуть, и синдур ⁵¹,
Белый зонт, кинжал, веревка,
Веер, стяг, газелья шкура,
Для воды две медных чаши,
Кресло, плошка, колокольчик,
Благовонья и сандалии,
Кресло, камфара, орехи,
Зеркало, кунжут и дарбха ⁵²,
Бильна, бетель, мясо, водка,
Карри ⁵³ с рыбой или мясом,
Простокваша, рис с горохом,
Пышки разные, лепешки,
Шнур из нитей разноцветных,
Все, что вкусно и приятно,
Кисло-сладкие приправы,
Жарко острые подливы,
Масла разного кувшины,
Зерна жареной пшеницы,
Ковш для возлиянья масла
На пылающую жертву,
Десять белых коз и черных,
И четырнадцать баранов,
Снежно-белые одежды
И ячмень не истолченный,
Стрел железных пук изрядный,
Рисовой муки корзина,
Да к тому ж немало снеди
И припасов всяких прочих
Сам чиновник приготовил.
В то же время юный брахман
На глазах у всех раскрасил
Благовестную мандалу ⁵⁴.

Ученики или гурубхаты
В окружении клеветов,
И послушников, и паствы,
Тут сам гуру прибывает —
Все его под руки держат.
Он, собой довольный, смотрит
То налево, то направо,
Будто на базар внезапно
Сам градоначальник грозный
Прибыл во главе дружины,
Разореньем угрожая.
С ним немало проходимцев —
Слуг и пьянства, и обжорства:
Старый вита Мадьябхатта
И Сауника кожевник,
Повар Рагнастританкара,
Панча, потаскун известный,
И рыбак Хаттатапаса,
Заклинатель Расаяни,
И дигамбара⁵⁵ Мауни,
И волшебник Латавеша
С винокуром Вриддхавешей
И с ткачом Кулаачарьей,
Две неистовые бабы,
И Тригхантика наставник,
Каматаптика премудрый,
Длинношей и гнусавый,
Сладострастья воплощенье,
И еще немало прочих,
Жаждающих скорей пробраться
К жирным жертвенным припасам,
К вкусным яствам да напиткам
Горячительным. Вот дружно
Ринулись, не разбирая,
Что — готово, а что — сыро,
И в мгновенье истребили
Даже дым и чад бесследно.
И не раз им подбавляли
И муки, и мяса с маслом,
И сандал, ячмень дробленный,
Бильвы, водку и другое.

Шлюха или ранда
На торжественную жертву
Пригласил сестру чиновник —

Всем давно она известна
Слишком легким поведением.
Воспоем и мы ей славу —
Что ни день, красою новой,
Как луна, она блистает
И всегда свежа, как лотос.
Коль она не захмелеет,
Коль она не побранится,
Коль не перебьет посуду,
Свет не мил красоте этой.
А сама — мила, пригожа,
Толстозада, крутобедрa,
Волоока, тугогруда,
И кудрява, и игрива.
Словно лотосом заросший
Пруд — она собой прекрасна,
Пчелы черные — ресницы
Очи — лотосы закрыли.
Нет ни жилочки на шее,
И прекрасны уши — петли —
Серьги были б в них излишни.
Ей цветы и украшенья
Лишь мешают. Сняв их, блещет
Словно богово творенье —
Изначальною красою
Наградил ее создатель.
Что ей кольца и браслеты?
И зачем ей опоясок?
И к чему гирлянды, платья?
Шарфы, ленты и накидки?
Что нам вера? Что нам храмы?
Что за счастье без милашки?
Гордецам, се презревшим,
Не достичь вовек спасенья —
С этим все согласны виты.
Вот красавца молодого
Заприметила красота,
И уже она в мечтаньях
О грядущем наслажденье
Под покровом темной ночи,
О терзаньях, ласках, вздохах,
Нежносладком напряженье,
Млеет, нежность источая,
Словно дойная корова
Молоко точит, к теленку

Преисполнена любовью.
Лоно — залежь золотая,
Не бедней, чем склоны Меру⁵⁶,
Из которой кони Солнца
Выбивают зерна злата.
Сможет кто-нибудь на свете
Ублажить мужскою силой
Эту дивную красотку,
Что и в дни священной жертвы
Отдает себя на волю
Брахманов и богатеев,
И подвижников обросших,
И монахов безволосых?

Совершенство целомудрия или брахмачарин

Вот и юный брахмачарин⁵⁷,
Лихо за ухо закинул
Шнур священный и, цветами
Голову свою украсив,
Обратился в Камадеву.
И, спасаясь от ударов
Разъярившегося гуру,
Так и бросился к милашке.
А она, его лаская,
Ташит всюду за собою,
Кормит пищею протухшей,
И покорно брахмачарин
Вслед за нею ташит сумки,
Полные отборной снеди,
Благовоний, притираний,
Разных жертвенных предметов.
Ночь покроем твердь земную,
И тогда землетрясенье
Сотрясает мир подлунный
От могучих схваток страсти.
Будь прославлен, брахмачарин,
Лицемерья стяг победный,
Возглашаешь днем молитвы,
По ночам милашку тешишь!
А она, питая ужас
Перед йогами и садху,
Безотказно наделяет
Их лобзаннями своими.
Раз в году она вступает
В дом наставника; обеты,

Посвящения в тайны страсти,
Воскрешения усопших
Соблюдает еженошно,
Совершая жертву страсти
Для подвижников безгрешных,
Целомудрие блюдуших.
А потом запретя дома
И в любовном иступленье
Бьет пред лингамом ⁵⁸ поклоны,
Наслажденье продлевая.
Вкруг нее, газелеокой,
И подвижники, и йоги,
Паства их с учениками,
Все толпятся, сладострастно
Упиваясь красотой,
Как голодный простоквашей —
Он ее глотает жадно
И слюною истекает.
Приближается мгновенье
Совершенья жертвы тучной —
Все еще подходят люди,
Ослепленные обманом.
Вот базарный прорицатель
Закричал, что не сумеет
Жертву принести наставник.
Все его приготовленья
Бесконечно затянулись,
И давно устали люди
Ожидать, когда ж начнется
Пожиранье всех припасов,
Уготованных для жертвы.

Министр двора или грихакритья-махаттама

Вот в народе зашумели:
«Появился сам великий
Царского двора смотритель!».
От своих занятий важных
Уделил часок для жертвы.
Истребить что хочешь может,
Брахманов убил немало.
Головы рукой коснется —
Знай, что ты уже средь мертвых.
Для него пустяк, былинка
Человека уничтожить!
От его забот избавясь,

Не найдешь себе спасенья —
Все богатства храма Шивы
Он расхитил и присвоил.
Присвоение чужого,
Утверждение своеволия
И над брахманом глумленье —
Главные его заботы.

Гетера или вешья

Вот пришла сюда гетера
И тебя, наставник, хочет
Пригласить на церемонию
«Воздвижение сосуда»
У дверей ее покоев,
Где она любовным зельем
Опоит дружков настолько,
Что и стыд прикрыть им нечем.
Нет защиты от гетеры —
Ни сбежать, ни откупиться,
Даже в смерти нет спасенья
Тем, кто в сеть ей попадетсЯ,
Но любви в глазах лукавых
Нет и крохотной крупичицы,
И бояться людям надо
Не бедняг из касты низкой,
А гетер; они приносят
Истощение богатства,
Разорение и беды,
Тьмы бесчисленных несчастий.
Истинна любовь гетеры,
Если честность — стяг каястха,
Добродетель — признак шлюхи,
Милосердье — символ смерти.

Глазник-лекарь или чакшур-видъя

Появился знатный лекарь,
Всем всегда помочь готовый
В излеченье глаз и зренья.
Он на усиках пшеницы
Настоял для глаз настойку,
С помощью которой каждый
Потерять сумеет зренье
Иль хотя б его ослабить.
Время жаркое наступит,
Всем глаза оно попортит,

И щедро плодами осень
Для врачующего очи,
А поэтому богато
Для него свершают жертвы,
Где начнутся — неизвестно,
Где кончаются — не знаем!

Цирюльник — костоправ или шальяхарта

Появился и цирюльник,
Костоправ, примочек мастер
И живущих умертвитель,
Нос отсеченный на место
Он искусно приставляет
Иль куском заменит мясо,
От бедра супруги взятым.
У него кувшин с собою,
Полный рисовым отваром,
Что уж раз десятый, верно,
В жертву он богам приносит.

Купец

Вон с молоденькой женою
Притащился дряхлый старец,
Вечно немощный, с одышкой,
Красноносый и слезливый,
Похотливый, сальный, жадный,
С воспаленными глазами.
Чем порадовать он может
Страсти молодой супруги?
Иногда взовьется зная,
Да немедля и обвиснет,
И, не выплативши долга,
В сон тревожный горечыка
Погружается, как нищий,
У него взаймы берущий, —
И ничто не помогает,
Хоть и жаждет он безмерно
Страсть любовную потешить.
Мясом, салом, простоквашей
Набивает за день брюхо —
Ночью колики терзают.
И, за счет чужой живущий,
Извергает он в отхожем
Все, что за день поглощает —
Так пытается воришка,

От погони удирая,
Всю поживу и улики
Схоронить в укромном месте,
Чтоб избежать наказания.
Вот повальные болезни
Губят молодых и старых —
Он скупает их пожитки,
В алчности не разбирая
Что досталось: сено, плошки,
Кожа, лампа иль полено.
Неподвижными глазами
Смотрит на жену-молодку
Как, слюною истекая,
На еду голодный смотрит.
Он надеется, что мантры,
Заговоры, и заклатья,
И хмельное зелье смогут
Укрепить мужскую силу.
Но когда молодка видит,
Что бурдюк из старой кожи
Занимают разговором,
Как почтеннейшего гостя,
То на радостях готова
Убежать от глупых сплетен,
И от немощных касаний,
И ненужного почета —
Хоть на адские мученья.

Святая жертва

Так наставнику послушник
Все рассказывал подробно.
И наставник, лоб нахмуря,
Произнес: «Приступим к жертве!»
День клонился к окончанью,
И на алтаре походном
Сотни лингамов воздвиглись,
И усердно перед ними
Стал наставник бить поклоны
И усерднейше молиться,
С ним послушники молились,
И почтеннейший Каястха,
И жена, и сослуживцы,
Свояки, друзья, родные
Лбы усердно разбивали,
Возглашая громко стотры.

Кто-то пел, а кто-то квакал,
Те — рыдали громко в голос;
Здесь — отчаянно кружились,
Прыгали подобно жабам;
Тот в неистовом порыве
Бхакти, преданности богу,
В пляске яростной срываясь,
Падал на землю, как мертвый;
Целовал какой-то пьяный
Всех подряд мужчин и женщин,
Заключая их в объятия;
Вот читает ложный гуру
Собственного сочинения
Вирши на наречье местном
И на коччихе играет,
Как на вине сладкозвучной ⁵⁹.
Вот наставник вскинул руку
И, в нее другой вцепившись,
Сам понесся в диком плясе,
Все за ним помчались вихрем,
Скинув жалкие лохмотья,
С гвалтом, шумом, криком, гамом,
С девками сплетаясь тесно,
Стыд отбросив, словно мусор.
Вот уж полночь миновала,
И стгорело в лампах масло,
И разгул их страсти дикой
Все никак не мог утихнуть.
Лишь когда заря блеснула,
Встал Наставник — и свершилось
Все, что в жертве полагалось.
Ты, Земля, хранишь богатства,
Но когда приходит лето,
Лекарей ты награждаешь,
А когда поля созреют,
То с них жатву не крестьяне,
А чиновники собирают,
Лишь наставникам богатства
Достаются каждодневно
Круглый год на тучных жертвах!

Крушение

Вдруг чиновника приятель
В круг ворвался, озираясь
И дрожа, в поту и пыли,

Он вскричал: «Сегодня ночью,
Царскую казну ограбив,
Казначей, его родные
И приспешники бежали!»
Лишь успел он это крикнуть,
Как все те, кто был на жертве,
В диком страхе и смятенье
Всяк к себе домой помчался.
«Парипалаку солдаты
Захватили и избили
Так, что даже не узнаешь:
Говорят, с испуга бедный
Заболел медвежьей хворью.
Гневен царь, а суд во гневе
Неизбежно смерть приносит —
Поспеши, пока солдаты
И тебя не захватили».
И едва он молвил это,
В бегство кинулся Наставник,
А за ним сбежали служки,
Чуть дыханья не лишившись.
Прошептал чиновник в страхе:
«Ах, бег времени приносит
Много горестей ужасных!
Из-за злобных козней Кали
Добродетельные гибнут,
Даже Дхарма не спасется!»
И пока он собирался,
О спасенье помышляя,
Убежать, как сотни стражей
Окружили лиходея,
Царь лишил его богатства
И в темницу тотчас бросил,
Но его сестрица-шлюха
Денег, вишь, не пожалела,
И спасенный от темницы
Снова свет дневной увидел.
Да уж больше нет богатства,
И чванливый наш чиновник
Унижаясь, пресмыкаясь,
Перед всеми бьет поклоны.
Где же нынче пост высокий?
Где богатства? Где надменность?
Тем, кто слеп от хмеля власти,
Тем, чьи взоры гнева полны,

Славно очи прочищает
Заточение в темницу.
Кто с презрением взирает
На людей, лишенных чина,
Коль своих чинов лишится,
Гнуть ему придется спину
Перед тем, кто грязь из грязи,
Но вознесся хоть бы мало.
Да, судьбина ненадежна
Злополучного дивиря —
То его ласкает нежно,
То палит немилосердно.
Нищий, грязный и убогий,
И от жадности дрожащий,
Отошавший и иссохший,
Отвратительный, как пишач,
Лишь лохмотьями прикрытый,
Он скитается повсюду
И вымаливает пищу
У родни и незнакомых.
В стужу лютую, спасаясь
От ударов ледяных ветра,
Он спалил себе жаровней
Руки, брюхо и промежность.
У того, кто прежде грабил
Храмы, села и деревни,
Так теперь поджало брюхо,
Что оно к хребту прилипло.
Псы ему изгрызли ноги,
В гневе весь, в парше и струпьях,
Только тем и жив злосчастный,
Что ему в подачку бросят.
Стыд едва ли прикрывают
Опаленные лохмотья,
И усыпал пепел густо
Голову, и грудь, и плечи.
Лютый холод наступает
И, от стужи багровея,
Он с мальчишками дерется
Из-за пригоршни пшеницы.
Был избит он на кладбище,
Где пытался поживиться
Он заупокойной жертвой,
Бит дубиной и жаровней,
Так, что и глаза, и брови,

Борода его, и щеки
Сожжены чуть-чуть не в уголь.
Спать валился, где придется —
Там, где жертву приносили,
На дорогах или в храмах,
Иль в канавах... Так случилось,
Что в отхожее он место
Угодил башкою прямо.
Так подлеший из подлеших
Испытал мученья злые
И расстался с черной жизнью!
Так-то вот исчадь ада,
Воплощение злодейства,
Мучивший народ жестоко,
Стал мешком костей негодных.
Время шло, и те мученья,
Что народу причинялись
Всем каястховым отродьем,
Позабыты. Нынче люди
Жизнь свою ведут в довольстве.
В поучение народу,
На потеху добрым людям
О злодействах и проделках
Всех дивиров и каястхов
«Нармамалу» иль сплетенье
Трех правдивых осмеяний
Сочинил я, Вьясадаса,
Прозываемый Кшемендрой.

Кто, коль не глуп...

Из «Океана сказаний» Сомадевы

Предисловие и перевод с санскрита

И. Д. Серебрякова

Предисловие

О создателе одного из величайших шедевров мировой повествовательной литературы «Океана сказаний» Сомадеве, жившем в XI в. в Кашмире, известно крайне мало. Сын брахмана, он пользовался покровительством кашмирской царицы Сурьявати, покончившей с собой в результате семейной трагедии в 1081 году. Какова была судьба Сомадены после кончины его покровительницы, остается неизвестным. Жизнь его, однако, была продолжена в монументальном произведении и в сохранившихся отдельных стихотворениях, уцелевших в ряде средневековых антологий.

«Океан сказаний» представляет собой так называемый сказочный эпос, а точнее — громадный по объему средневековый роман, содержащий около четырехсот сюжетов, как восходящих к мифологическим преданиям и эпическим легендам, изложениям народных книг, так и явно авторских. Сомадева как бы задался целью создать антологию средневековых сюжетов, жанров, художественных средств, поставленных в соответствие с содержательной стороной той или иной части произведения. Состоящий из восемнадцати книг, общим объемом около двадцати четырех тысяч шлок, роман является ярким отражением многогранной личности поэта, отличавшейся глубоким знанием индийской традиции, самостоятельностью мысли, независимостью оценок и интерпретаций. Ныне «Океан сказаний» переведен целиком на английский, русский, чешский, немецкий языки, в Индии — на хинди, бенгали, маратхи и другие либо целиком, либо в переработках. Русский читатель начал знакомство с творчеством Сомадеды еще в 1847 г., когда один из первых русских санскритологов К. А. Коссович опубликовал в журнале «Москвитянин» перевод «Сказания о царевице Джимутавахане» из «Океана сказаний».

Персонажи «Океана сказаний» нередко попадают в трагические ситуации и вынуждены обращаться с молитвой к тому или иному богу. Некоторые из этих молитв, явно не ортодоксальные, но иконографически точные, приведены в данной книге, наряду с собственно лирическими стихотворениями Сомадеды, вкрапленными в текст «Океана сказаний».

Перевод осуществлен по изданию: The Kathasaritsagara of Somadevabhata. Ed. by Pandit Durgaprasad & Kasinath Pandurang Parab. Bombay, 1915.

Перевод

Проснись, о юноша! Ведь миновала ночь,
И дуновение утреннего ветра колышет
Возлюбленной твоей разметанные кудри.
Проснись, проснись и отряхни истому страсти!
Взгляни, сверкают дивным блеском

Рожденные росой жемчуга,
Просыпанные из ожерелья Ночью,
Когда она за Месяцем спешила
И впопыхах рванула ожерелье.
Смотри! Иссине-черная пчела,
Упившись белых лотосов медвяным соком,
Пока под лаской лунного сиянья
Они открыты были, — теперь спешит от них.
Они уже закрылись, и их померкла красота!
Так черная душа, ограбив дом,
Спешит к другому поживиться.
Открой же очи! Сам бог любви
Узрев, что Светоч дня
Свой палец положил на губы Ночи,
Спешит с ее чела сорвать
Серп Месяца... И тьма
Растаяла бесследно...

* * *

Что своим посеял делом,
Нынче плод того ты снимешь —
И Судьба не переменит
Предназначенного Кармой!
Если что кому от века
Уготовано судьбою,
То не в силах человека
Отвратить ее решение!

* * *

Враги повержены. И вздохи
Их безутешных вдов
Вздымают черный дым
Твоей, властитель, бранной славы.
Но почему ж, скажи,
Из вдовьих глаз исторгнутые горем
Потоки слез все пуше разжигают
Неистовое пламя доблести твоей?

* * *

Кто, коль не глуп, в тот дом войдет,
Где статная жена его не ждет,

Не смотрит на дорогу? Разве это дом?
Скорей тюрьмой, хоть без цепей, его мы назовем!

* * *

О властитель времен Махакала! ¹
Проиграл ты, великий, супруге
Полумесяц, и шкуру слоновью,
И быка могучего Нанди ²,
И теперь сидишь обнаженный,
И лицо свое спрятал в коленях.
Весь достаток твой небогатый —
Лишь коса, да пепел, да череп!
Вот и я, как ты, проигрался,
И одет я теперь только пеплом,
И из черепа ем вместо плошки.
Ты, извечно лишенный желаний,
Все желанья богов выполняешь —
Почему ж ты не хочешь, жестокий,
Просьбы малой моей исполнить?
Видно, райское древо желаний
Позабыло совсем о бедных —
Так и ты, о вечный, не хочешь
Оказать мне в беде поддержку.
Если я согрешил ненароком,
То прости меня, троеокий!
Тяжко мне, признаюсь, от пороков,
Камнем сердце мое придавивших.
Говорить я привык с богами,
А теперь с игроками ничтожными
Как смогу говорить? О господь,
Окажи мне великую милость!

* * *

О лучезарный Сурья ³,
сияющий в небе высокою,
О истребляющий тьму
и в душе человека,
И во всех трех мирах,
о сверкающий, слава тебе!
Охватил, точно Вишну ⁴,
все три мира лучами своими,
Словно благостный Шива,
ты источник безмерного счастья,

Будто Праджапати⁵,
ты — зиждитель вселенной!
Зримо сияет луна,
и незримый огонь опалает —
Ты сиянье им дал,
и во мраке ночном ты сверкаешь!
Гонишь ракшасов⁶ ты,
силы дасов⁷ презренных лишаешь,
И когда, жизнедатель,
после ночи ты снова восходишь,
Добродетельных радость
переходит пределы вселенной!
Так спаси меня, Сурья,
трех миров негасимый светильник!
Дай прибежище мне,
разгони окруживший меня
Горя мрак! Защити,
нало мною ты смилуйся, славный!

* * *

Слава тебе, слоноволикий!⁸
Вся земля пред тобою склоняется
И под пляской твоей стремительной
Вся трепещет, с горами и долами.
Слава, чаще счастья подобный,
В ней таятся успехи и радости,
Пред тобой ради них склоняются
И боги, и люди, и асуры.
Слава тебе, светозарный!
Ты сверкаешь сиянием яростным
Всех двенадцати солнц прагаи⁹,
Знаменующей мира кончину.
Слава дайтьев¹⁰ смирителю!
Ведь ни Шива, ни Вишну, ни Индра
Совладать не смогли с ними, мощные,
Ты ж поправил их, о лотосоногий.
Слава тебе, охраняющий
Всех, кто предан тебе, от несчастий,
Дань над ними свою простерший
С топором, озаряющим радостью.
Я к тебе прибегаю, о славный,
Пред которым Парвати¹¹ даже
Непрерывно возносит молитвы,
Ниспослания прося победы

Дорогому ее супругу
Над трехглавой твердыней дайтеьв!
Я к твоей прибегаю защите,
Умоляю тебя о спасенье!

* * *

Хвала тебе, великая! Хвала тебе, могучая!
Ты даровала Шанкаре господство над вселенною!
Хвала тебе, сразившая Махишу ¹² круторогого!
Ты, кровью злобных асуров стопы свои омывшая,
Даруй нам покровительство, о ласковая к преданным!
Три мира защищаешь ты, тобой одною движутся!
Спаси нас, благодатная, избавь нас от гибели!
Хвала тебе, великая! Хвала тебе, могучая!

* * *

О благостная Чандика! ¹³
О дайтеьв сокрушившая!
Вселенной ты защитница!
Как солнце восходящее
Сверкаешь, негасимая!
Искавшего любимую
В краях никем не хоженных,
И без вины попавшего
Безумцам в руки злобные,
Спаси меня, злосчастного!
О благостная Чандика!
О дайтеьв сокрушившая!
Даруй мне избавление!

* * *

Будь славен, Шива, страждущих защитник!
Будь славен, Шамбху, одаривший Упаманью ¹⁴
Молочным океаном беспредельным!
Будь славен, Хара, мироздания зиждитель!
Ты сбережешь его, и ты ж его разрушишь!
Будь славен, Шарва, о достойнейший супруг
Богини, дочери седого Гималая!
Будь славен, Бхава, Гаури супруг.
О восьмичленная основа мироздания!
Будь славен, Бхайрава, у каждого в душе
На ложе, сделанном из куши ¹⁵, возлежащий!

Будь славен, Махадена, божественнейший свет!
О нерушимо девственный, наполовину
Слившийся с супругой, о светоч чистоты! Будь славен,
Будь славен, Шива, ты — кристальная вода!
Будь славен ты, своею волей сотворивший мир!

Сомалева,
и в Ади Грантх.

с. 100 с. 100

**Душа — моя мера,
язык — мои ножницы**

**Гимны Намдева,
вошедшие в «Ади Грантх»**

Предисловие и перевод с хинди Г. В. Стрелковой

Предисловие

Намдев — одна из самых загадочных и малоизученных фигур в истории старинной индийской литературы. Мало кто в России даже слышал о нем, а для миллионов индийцев это — вызывающий глубокое почтение и поклонение святой. По всей Индии — от Махараштры до Раджастана и Пенджаба — Намдеву посвящены сотни храмов. Но ему не только поклоняются как святому: по сей день живет поэзия Намдева. Она звучит не только под куполами храмов или же передается из уст в уста как живое религиозное слово теми, кто совершает паломничество в священные места индуизма — тиртхи. Поэтические произведения Намдева цитируются и изучаются в университетах Бомбея и Пуны, Дели и Джайпура на кафедрах истории литературы хинди и маратхи. Дело в том, что Намдев творил с равным вдохновением и искренним религиозным чувством на двух этих новоиндийских языках. При этом поэзия легендарного святого составляет неотъемлемую часть повседневной жизни многих индийцев, преимущественно маратхов. Религиозные песнопения — «абханги» на маратхи и «пады» на хинди, многие годы создаваемые Намдевом, — поэзия в подлинном смысле этого слова. Вероятно, в этом причина их жизненной силы. И подтверждение тому — семь столетий, на протяжении которых эта поэзия бережно хранилась, в основном в устной форме. Полагаем, для наших читателей не секрет, что индийская культура, словесность в частности, ориентируется прежде всего на услышанное и увиденное, а не на зафиксированное в рукописях.

Да, ранних рукописей Намдева не сохранилось. Первый, наиболее авторитетный и датированный источник, дающий представление о поэзии Намдева — священная книга сикхов «Ади Грантх», составленная в 1604 году, то есть спустя века после жизни Намдева.

Естественно, что жизнь легендарного святого окутана вымыслом, чудесами, невероятными историями, часто противоречащими друг другу. Наиболее распространенное мнение — поэт-святой жил в 1270–1350 гг.

По преданиям, родился и вырос Намдев в благочестивой семье, поклонявшейся богу Виттхалу. Виттхал — Витхоба, Виттхалнатх — очень популярное в Махараштре божество, культ которого процветает и в наши дни. Формально это божество отождествляется с Вишну, но имеет сложное и, очевидно, южноиндийское происхождение. Основное, наиболее почитаемое изображение Виттхала находится в священном городе Пандхарпуре, куда и совершаются ежегодные паломничества (вари). Легенда гласит, что родители будущего поэта — Дамашет и Гонабаи — вымолили у Виттхала сына. Намдев родился в священном Пандхарпуре, здесь же, на берегах Чандрабхаги, провел большую часть сознательной жизни.

Предки Намдева — еще за шесть-семь поколений до него — занимались выделкой и окраской тканей, продажей их, иными словами, ткачеством и портняжным мастерством. В Махараштре подобное родовое занятие было уделом касты шимпи. И поэзия Намдева полна рассказов

о том, что довелось ему родиться в роду шимпи, с младенчества вместо игрушек видел он иглу, ножницы, нитки, меры. Мать Намдева была дочерью портного. Отец часто отправлялся торговать тем, что наработала большая семья. Во время отсутствия отца уже 5–6-летнему Намдеву поручали отправляться в храм и совершать подношение ритуальной пищи божеству — «найведья». Легенда гласит, что однажды произошло чудо: когда маленький Намдев впервые должен был выполнить столь почетную и трудную задачу, искреннее и детски-наивное убеждение его, что Бог тут же, на глазах должен вкусить пищу, было удовлетворено. Дитя столь убедительно просило каменное изваяние испить молока — а не то дома Намдева накажут, — что «мурти» — изображение бога Виттхала — ожило и, смеясь, выполнило просьбу ребенка.

В пять лет Намдева отправили учиться. Но если он и выучился грамоте, то лишь затем, чтобы писать имя любимого бога — «Виттхал». Приобщали юного Намдева и к родовому ремеслу, но не очень успешно. Ибо дни и ночи Намдев проводил в поклонении Виттхалу, слагании песнопений в его честь. Род Намдева хоть и был трудолюбив и усерден, зажиточностью не отличался, и по социальной иерархии занимал достаточно низкое место. Напомним, что лишь первые три варны — брахманов, кшатриев и вайшьев — в соответствии с традиционным индуизмом, обладали всей полнотой прав. Как известно, женщины и четвертая варна — шудры, к которым относились низкие касты, не допускались ортодоксальными брахманами даже в храм. Поэтому некоторые маратхи-язычные абханги и пады на хинди Намдева изобилуют жалобами на то, что его, низкороджденного, не допускают лицезреть любимое божество. С этим моментом связаны и чудеса, — храм, из которого был изгнан Намдев, повернулся к нему, став тылом к брахманам.

Предания рассказывают, что религиозное усердие Намдева было чрезмерным — даже его родители, сами истово верующие, не всегда были этим довольны. Намдева постоянно стремились «спустить на землю», включить в обычную мирскую жизнь — но часто безуспешно.

Как водилось в те давние времена, Намдева рано женили. Помолвлен он был уже в восемь лет. Женой его стала Радзабаи, дочь торговца тканями. Семейная жизнь Намдева была долгой и плодотворной. Супружеская чета вырастила пятерых: четырех сыновей и дочь. Имена сыновей примечательны: трое носили вишнуитские имена — Нараян, Говинд и непременно Виттхал, а четвертый — Махадева — эпитет Шивы. Дочь звалась Лимбабаи.

Старания родителей сделать из Намдева истинного «шимпи» имели некоторый успех. Намдев поет о «золотой игле», «серебряной нити». Но даже такие земные, бытовые атрибуты — лишний повод воспеть бога. Это стало главным жизненным делом Намдева. И в историю индийской культуры — религии и литературы — Намдев вошел как поэт, стоявший у истоков движения варкари — буквально, «совершающих — ежегодное — паломничество» в Пандхарпур, к храму Виттхала. Первыми учениками и последователями Намдева стали его родные — 13 членов большой семьи

отца Намдева — Дамашета. Позже к ним присоединились и другие, став преданными бхактами бога Виттхала.

Намдев — ремесленник по рождению, но святой по духу — учил, что бога может постичь любой человек, будь он брахман или низкороджденный шудра. Бог постигается не с помощью знатока священных санскритских текстов — брахмана, читающего мантры, но благодаря любви, преданности, самоотречению. В поэзии Намдева Бог перестает быть бесконечно далеким космосом, но становится близким, родным, любимым.

Намдев, пытающийся напоить любимого Виттхала молоком, — отнюдь не Арджуна, который, как описано в «Бхагавад-гите», пал, потрясенный космическим обликом Кришны, своего недавнего возничего и сотоварища. Бхакты, поклоняющиеся Шиве или Вишну в его различных аватарах — «нисхождениях», или, что более понятно, «перевоплощениях», уже не уделяют столь пристального внимания мифу. Читатель это почувствует в падах Намдева: поэт лишь называет имя мифологического героя, намекает на тот или иной подвиг своего бога, чтобы лишний раз подчеркнуть главное: его милосердие, любовь к адепту. Таким образом, если миф и присутствует, то в «свернутой» форме и — что важно — он перестраивается, приближается к человеку.

Характерно, что в эпоху бхакти — и благодаря этому комплексу мистических учений — менялся ритуал, он ломался, а иногда и полностью отрицался — и этому посвящены многие пады Намдева. Бог не только имеет антропоморфные формы, но и превращается в чистую духовность, лишенную качеств — «ниргун». В этом случае у верующих преобладают мистические представления о боге, которого можно обрести в собственной душе. Незачем идти в храм, совершать сложный ритуал с помощью брахмана. Уже отмечалось, что в традиционном индуизме огромное количество адептов просто не допускается в храм. Служители культа ограждают его от тех, кто в соответствии с кастовой системой считается «нечистым», низкороджденным. Бхакти провозгласило равенство верующих перед Богом — в противовес традиционному индуизму, чьи боги держатся на неравенстве.

Так и Виттхал, которому поклоняются последователи Намдева, — уже не далекое космическое божество. Он приближен к верующему, наделен чертами милосердия, всепрощения. Именно это делает возможным установление новых отношений между богом и адептом — отношений взаимной любви и привязанности. Новая концепция бога сопряжена также со стремлением преодолеть свойственный ортодоксальному индуизму политеизм. Утверждается идея единого бога. Пусть Виттхала называют и другими именами, пусть он своим происхождением связан и с Шивой, и с Вишну — в различных его ипостасях — варкари поклоняются именно Виттхалу.

Нам было необходимо сделать это отступление, посвященное бхакти, так как рассказ о Намдеве невозможен вне истории развития движения варкари — махараштрской разновидности бхакти. В поэзии Намдева

ярко отражено религиозно-философское учение варкари, предстает Бог в новом его понимании.

По сложившейся традиции абханги и пады Намдева называют «гимнами», но это не гимны обычного типа — с перечислением имен бога, описанием его подвигов и могущества. Скорее, это песни-откровения, песни-признания, раскрывающие слушателю глубокий духовный опыт верующего. Каждый пад из «Ади Грантх» — эпизод взаимоотношений между богом и верующим — самим Намдевом. И основное, чему посвящена поэзия Намдева, — рассказ о Боге и человеке, стремящемся к Богу.

Читатель, вероятно, отметит, что отказ от традиционного, космологического понимания бога повлек за собой сочетание в поэзии Намдева, казалось бы, противоречивых характеристик божества. С одной стороны, перед нами — совершенно новый — близкий человеку, наделенный милосердием, состраданием и любовью бог, которому любы все обиженные, какой бы касты они ни были, на какой бы социальной ступени они не находились. Это бог неуловимый, неуследимый, пронизывающий все сущее, пребывающий в каждой душе и в то же время допускающий личное общение. А это требует конкретного облика, поведения, жеста и т. д. С другой стороны, в некоторых падах Намдева бог толкуется в духе философии адвайты. В этом случае он противопоставляется майе-иллюзии, которую необходимо преодолеть, чтобы постичь истинного бога. Часто в поэзии Намдева бог наделяется атрибутами традиционного мифологизированного, космического бога. Но в каком бы аспекте бог не предстал — самое главное и неизменное: его любовь к адепту-бхакту, и даже традиционные подвиги, совершаемые божеством, — подвиги милосердия и любви.

Бог Намдева невидим и в то же время зрим — и Намдев подробно его описывает: «В желтые одеяния облаченный, владыка трех миров», «Раквиной, чакрой, гирляндой, тилаком украшенного могущество увидев, Яма (божество смерти) испугался», — и мы немедленно узнаем в боге Намдева Вишну, ибо он упоминает атрибуты именно этого божества. И все же большинство падов рисует непознаваемого, ускользающего, пребывающего во всем бога. В постижении такого бога на первый план выходит его имя, вернее, множество имен, за каждым из которых стоит миф, но ушедший, оставивший лишь имя-намек на общеизвестное мифологическое событие и ставшее средством постижения бога, лишенного всех иных качеств, кроме любви и милосердия.

Второй герой поэзии Намдева — он сам. В заключительной строке — бханите — обязательно упоминается его имя. Но еще важнее многочисленные упоминания о своем положении, окружении, касте, занятиях, о чудесах, которые связываются только с Намдевом и никем иным. Особенно личностно звучат его жалобы на то, что он жалкий, бедный, незнающий, молящий о помощи. Человек низкий здесь, в миру, живет как бы двойной жизнью — реальной, мирской и одновременно эмоционально-духовной, исполненной постоянного стремления к богу. Томящийся, тоскующий по богу Намдев главной задачей считает соединение, слияние с богом. При этом в маратхских абхангах Намдева,

в отличие от его падов в «Али Грантх», более явственно звучит тема не слияния с богом, желания «переплыть на другой берег», а вечного его обожания, поклонения, любви-бхакти. Из самого низкого состояния, обижаемый и изгоняемый даже из храма, герой поэзии Намдева нозышается до богоравности: «Нама и Нараян — нет разницы между нами».

Рядом с поэтом существует и окружение, люди, на глазах которых и идет его двойная жизнь. Это могут быть враждебные ему люди — не знающие истинного бога, не понимающие самого Намдева. С другой стороны, это и свои — «санты» — святые, среди которых он на своем месте. Еще одна чрезвычайно важная фигура в этом обществе — гуру, духовный учитель. И сам Намдев в падах предстает как гуру, делящийся своим опытом со слушателями. На наш взгляд, самое важное открытие, отразившееся в поэзии Намдева, — сознание того, что жизнь божественна, если бог пронизывает собой все сущее, пребывает в каждой душе. Поэтому поэт-святая описывает жизнь во всех ее проявлениях, что было совершенно новым и нетипичным для религиозной поэзии того времени.

Поэт много странствовал — по всей Индии, с юга до севера. Повсюду он пел о величии Виттхала, его милосердии и любви, проповедовал бессмысленность ритуала и истинную ценность: преданную любовь к богу, выражаемую повторением его имени. В странствии Намдева окружали ученики. По преданию, последние 20 лет жизни Намдев провел в Панджабе, однако перед самой смертью, уже восьмидесятилетним старцем, вернулся в Пандхарпур, где и захоронен его прах.

Здесь нет места останавливаться на истории Индии эпохи Намдева. Мы лишь отметим, что первая половина жизни Намдева протекала во времена правления индусской династии Ядавов, покровительствовавших религии, наукам, культуре. Это было время интенсивного развития неортодоксальных и реформаторских движений. Однако к концу XIII в. на Махараштру надвигается мусульманское владычество, нарушается традиционный, индуистский образ жизни. Княжество Ядавов включается в Делийский султанат, индусы претерпевают гонения, разрушаются их храмы, литература уже не развивается — вплоть до середины XVI в. в ней наступают «темные времена». Священное изображение Виттхала прячется, очевидно, прекращаются и паломничества в Пандхарпур. Намдева, истового почитателя Виттхала, формально уже ничто не удерживает в родном Пандхарпуре. Предание гласит, что смерть друга — Днянешвара подтолкнула Намдева к странствиям, уходу из Махараштры. Логичнее предположить, что не только этот субъективный фактор, но именно нашествие мусульман на Декан вынудило Намдева покинуть родные места, долго странствовать, а затем обосноваться в Панджабе. Североиндийские поклонники Намдева верят, что и умер он не в Махараштре, а на севере Индии, в деревушке Гхуман, где проповедовал последние годы. И сегодня вас подведут к месту погребения Намдева в Гхумане, покажут колодец, появившийся благодаря его чудодейственной силе. Как бы то ни было, где бы ни прошли последние дни великого поэта-святая, самое главное, что жива его поэзия, поют его пады и абханги и в Махараштре, и в Панджабе

по сей день. Это яркий образец средневековой поэзии Индии, сохранившей живое звучание и в наши дни. Судите сами о глубине содержания поэзии Намдева, попробуйте представить всю яркость ее художественных достоинств, которые, к сожалению, часто при переводе теряются.

Предлагаем читателю перевод 61 пада из «Ади Грантх» — священной книги сикхов. Пады в «Ади Грантх» являются наиболее авторитетным датированным собранием произведений поэта. Место падов Намдева в этом собрании религиозной поэзии обусловлено композицией этой священной книги. Все гимны располагаются в ней по 31 раге — мелодии, а гимны, принадлежащие к одной раге, в свою очередь, делятся на группы — «махалла»: вначале идут гимны, созданные в этой раге первым сикхским гуру — Нанакон, за ними — последовательно — гимны следующих четырех и девятого гуру — Тег Бахадура, и лишь затем — гимны бхактов. Как правило, первыми из них идут гимны Кабира, за ними — пады Намдева. В начале каждого пада указывается мелодия, на которую он должен исполняться. Пады Намдева исполняются на 18 из 31 раги.

Перевод выполнен по изданию Śabdārtha Śrī Guru Granth Sāhib Jī Vols. 1–4. Lahore-Amritsar, 1944–1956.

Использованы также следующие издания:

Macauliffe M. A. The Sikh Religion, Its Gurus, Sacred Writings and Authors. Vol. VI. Oxford, 1903. Reprint, Delhi, 1963.

Thurmppe E. Adi Granth or the Holy Scriptures of the Sikhs. London, 1877;

Śrī Namdev Gāthā. Mumbai, 1970;

Nāmdēvāñcī abhañgavāñī. Pune, 1979;

Kahan Singh. Guru śabad ratnakār mahān koṣ. Patiala, 1960.

Перевод*

1. Рага «Гаури чети».

Оум! Милостью истинного гуру.

Боже! [Благодаря тебе] камень переплыл ¹.

«Рам» произносся, как человек не переплывает? /1/ повтор.

Переплыла Ганика ², безобразная Кубиджа ³, охотник, Аджамал ⁴
[благодаря тебе] переплыли.

Стопу [Кришны] поразивший, и тот получил освобождение.

Я — славлю, славлю тех, кто «Рам» говорит. /1/

Сын рабыни, человек Бидара ⁵, Судама ⁶, Уграсена ⁷, [которому]
даровал царство.

* В переводе отражены имеющиеся в «Ади Грантх» обозначения мелодий — рага и нумерация строф — при этом данная после заключительной строфы пада нумерация отражает композиционное положение пада в «Ади Грантх». Священная сикхская формула "aum satī gur prasādi" также приводится только перед теми падами, которые она предваряет в тексте «Ади Грантх».

Без повторения [имени бога], без аскетизма, без [достойной] семьи, без работы — они-то [благодаря] Господину Намы переплыли. /2/1/

2. Рага «Аша».

Оум! Милостью истинного гуру!

Единый, множественный, всенаполняющий, всеохватывающий, Куда ни посмотри — везде он.

Разноцветные картины майи очаровали, редко кто понимает [истину]. /1/

Все — Гобинд, все — Гобинд. Без Гобинда нет никого.

Нить — одна, драгоценных камней — сотни тысяч ⁸, так и бог — основа и уток /1/ повтор.

Волны, пена, пузыри неотделимы от воды.

Этот мир — игра Парабрахмы, [сколько ни] думай — другим не станет ⁹. /2/

Ложь, заблуждения и грезы, желания истинными вещами почитают.

Желание благих дел [рождает] наставление гуру, пробудившись же, разум понял. /3/

Говорит Намдев: «Смотри на творения Хари, в сердце раздумывай.

В каждом сердце ¹⁰ и повсюду — лишь один Мурари». /4/1/

3. Рага «Аша».

Принес кувшин, наполнил водой, Тхакура ¹¹ омовение совершу.

42 лакха живых существ в воде, Битхала-брата как омою? ¹²/1/

Куда ни пойдешь — там Битхал-брат.

Велико наслаждение, всегда играет. /1/

Принес цветы, сделал гирлянду, Тхакуру я пуджу ¹³ совершу.

Первым аромат унес шмель, для Битхала-брата как [пуджу] совершу? /2/

Принес молоко, сварил кхир ¹⁴, Тхакуру принесу еду в жертву.

Первым молоко отпил теленок, брату как [еду в жертву] принесу? /3/

Здесь Витхал, там Битхал, без Битхала нет мира.

Каждое место и расстояния между — Нама кланяется — все полно тобою. /4/2/

4. Рага «Аша».

Душа — моя мера, язык — мои ножницы.

Отмеряя, отмеряя, перерезаю петлю Ямы ¹⁵. /1/

Что сделаю с кастой, что сделаю с происхождением?

Имя Рамы повторяю день и ночь. /1/ повтор.

Окрашиваемое крашу, шитье шью.

Без имени Рамы и гхари ¹⁶ не проживу. /2/

Совершаю бхакти, Хари достоинства воспеваю.

Круглые сутки своего господина вспоминаю. /3/

Золотая игла, серебряная нить.

Душа Намы поглощена Хари /4/3/

5. Рага «Аша».

Змея сбрасывает кожу, от яда не избавляется.

Словно цапля размышляет, [стоя] в воде. /1/

Зачем размышления, повторение [имени],

Если не чиста душа гвоя. /1/ повтор.

Человек, который познал пищу льва,

Зовется богом грабителей ¹⁷. /2/

Намы господин разрешил спор:

«Ней нектар Рамы, эй, мошенник!» /3/4/

6. Рага «Аша».

Парабрахму ¹⁸ если постигнешь, [других] стремлений не будет.

О бхакти Рамы если помнишь, беззаботным разум сохранишь. /1/

Как душа переплывет, [если] мирской океан в яд превратился.

Увидев ложь майи, ошиблась, о, душа. /1/повтор.

В доме чхипы ¹⁹ рождение [мне] дано, гуру наставление получил.

Милостью сантов ²⁰ Нама Хари встретил. /2/5/

7. Рага «Гуджари».

Оум! Милостью истинного гуру.

Если царство дашь, то что великого?

Если милостыню заставишь просить, то как это унизит? /1/

Ты Хари поклоняйся, душа моя, [достигнешь] нирваны ²¹.

Не будет круговорота твоего рождения-смерти. /1/ повтор.

Все — твое порождение, [оставил] в ошибках, заблуждениях.

Кому ты дашь [понимание], тот постигнет. /2/

Истинного гуру встречу — заблуждение исчезнет.

Кому я буду поклоняться, никого другого не увижу. /3/

Одному камню поклоняются.

Другой камень попирают ногой.

Если этот — бог, то и другой — тоже божество.

Говорит Намдев: «Мы Хари поклоняемся». /4/1/

8. Рага «Гуджари».

Кто не запятнан и каплей грязи, чистейший, благоуханный, воссел,
ри ²², матушка!

[Его] прихода никто не видел, кто же узнает, ри, сестра!

Кто опишет, кто понял Раму — Всенаполняющего, ри, сестра!

/1/ повтор.

Как в небе птицы след не отыщешь,

Как в воде рыбы путь не увидишь, /2/

Как в небесах кувшин [водой] миража наполнен,

[Так] к господину Намы Битхалу относятся эти три ²³

[примера]. /3/2/

9. Рага «Соратхи».

Оум! Милостью истинного гуру.

Когда увидел, тогда начал воспевать.

Твой человек спокойствие (мужество, терпение) приобрел.

В звук погрузился, [благодаря] истинному гуру встретил бога.
/1/ повтор.

Где яркий, сияющий свет виден,

Там неслышимое слово гремит.

Свет в свет погружается.

Я наставлениями гуру постиг [это]. /2/

Драгоценности в лотосоподобной комнате.

Сверкающие, словно молния.

Вблизи, а не далеко [бог].

В собственной [твоей] душе живет Всенаполняющий. /3/

Где бессмертное солнце светит,

Там светильник горит слабо.

Гуру милость познал.

Человек Нама естественно (легко) погрузился [в бога]. /4/1/

10. Рага «Соратхи».

Соседка спросила: «Нама, кто соломенную крышу тебе перестелил?

Вдвое больше заплачу, мне [имя] этого плотника скажи». /1/

Ри, подружка, [имени] плотника назвать нельзя.

Взгляни, плотник все живущее пронизывает.

Наш плотник — жизни основа. /1/ повтор.

Плотник любовь вместо платы просит, если кому-то он крышу
настилат.

Люди, семья — от всего откажешься, сам плотник придет. /2/

О таком плотнике не смогу рассказать, [он] — внутри всего
и повсюду.

Немой великой амриты сладость вкусил, спроси — рассказать
не сможет. /3/

О достоинствах плотника послушай, уважаемая! Обуздал воду
[океана],

Дхруву (Полярную звезду)²⁴ укрепил.

Владыка Намы Ситу²⁵ вызволил, Ланку Бхабхикхану²⁶
вручил. /4/2/

11. Рага «Соратхи».

Необтянутый [кожей] барабан звучит.

Без савана²⁷ гремит гром.

Без туч идет дождь.

Если о Сущем размышляет кто-то. /1/

Мне встретился Рама — любимый.

Когда встретился, жизнь стала прекрасной. /1/ повтор.

Нашел философский камень, золотом стал.

На уста и мысли драгоценные камни нанизал.

Истинное чувство пришло, заблуждение исчезло.

Гуру спроси — ум успокоится. /2/

Водой наполненному кувшину подобно²⁸

Все Рама Единый наполняет — узнал я.

[Я] — ученик гуру, — душа поняла.

Человек Нама Сушего познал. /3/3/

12. Рага «Дханасари».

Оум! Милостью истинного гуру.

Глубокую выкопав основу, над ней храм ²⁹ воздвигают.

Кто дольше Маркандеи ³⁰, траву на голове державшего, прожил? /1/

Нас творящий — Рама-возлюбленный.

Почему, муж, издаешь громкий клич, хочешь? Будет уничтожено
ложное тело. /1/ повтор.

«Моя, моя», — кауравы твердили, Дурйодхана с братьями ³¹.

На двенадцать йоджан зонт ³² простирался, [но] грифы тела их
склевали. /2/

Вся из золота Ланка была, [кто] Раваны величественнее был?

Что сделали на вратах стоявшие слоны, в миг чужими стали. /3/

Обманув Дурбашу ³³, Ялавы такой плод получили.

Окажи милость человеку твоему — Намдев Хари достоинства
воспевает. /4/1/

13.

Десять отшельниц ³⁴ со мною сидели, ненавистных пяти даже
имена уничтожил.

Семьдесят два [сосуда] наполнены амритой, весь яд извлек,
уничтожив. /1/

Назад не дам вернуться.

Амриты [полные] речи в сердце повторяю, душе [своей] объясню.
/1/ повтор.

Страшным топором иллюзии, чары истребил, молю, припав
к стопам.

Святых мы, отвернувшись, слуги, [но] бхактов боимся. /2/

От этого мира тогда освобожусь, когда майя не поймает [меня].

Майя — имя [той силы], что возвращает плод в лоно, отказавшись
от нее, бога узрю. /3/

[Если] таким образом творят бхакти эти люди, то у них любой страх
исчезает.

Говорит Намдев: «Зачем где-то бродишь? Таким образом Хари
достигнешь». /4/2/

14.

Как в Марваре ³⁵ дорога вода, [как] вьюнок любит верблюд.

Как для лани среди ночи звон колокольчика мил, так моей душе —
Рамаиа ³⁶. /1/

Твое имя прекрасно, форма прекрасна, цвет прекрасен, мой Рамаиа.
/1/ повтор.

Как земле сладостен Индра ³⁷, как аромат цветка — шмелю,

Как кокилю ³⁸ сладостно манго, так моей душе — Рамаиа. /2/

Как чакве ³⁹ приятно солнце, лебедю — [озеро] Манасаровар,

Как молодой жене муж — возлюбленный, так моей душе —
Рамаиа. /3/

Как ребенку нравится молоко, устам чатрики — потоки воды.
Как рыба любит воду, так моей душе — Рамаиа. /4/

Совершающие аскезу сидхи ⁴⁰, все муні ⁴¹ стремятся [к богу],
редко кому [являлся] Битхал.

[Как] всему сотворенному твое имя дорого, так душе Намы —
Битхал. /5/3/

15.

Первым сотворен был лотос ⁴².

Из него — бог ⁴³, [из него] — все люди.

От Кришны, знай, от Хари, Хари, [который] танцуя, вовлекает
в пляску [весь мир]. /1/

Вначале — Пуруши ⁴⁴ проявление.

Затем из Пуруши майя [произошла].

Ее — есть его.

[Мир] — Хари сад, [где человек] танцует, подобно воде в черпаке.
/1/ повтор.

Танцуют гопи ⁴⁵, мужчины.

Владыки кроме нет никого другого.

Не рассуждай.

[Если есть] сомнения, [знай]:

Кесава речи дошли [до меня]: майя и я — одно. /2/

[Подобно воде] в черпаке колышется мир.

Блуждая, заблуждаясь, пришел к твоим вратам.

[Спрашивает бог]: Ты — кто, рэ?

[Отвечает Нама]: Я, господин, —

Нама.

Господин,

От майи спаси — причины смерти. /3/4/

16.

Низких очищающий ⁴⁶, Мадхав — слава твоя.

Хвала тем муні, которые размышляли о Хари-Прабху ⁴⁷ моем. /1/

На мой лоб упал прах со стоп Гобинда.

Боги, люди, муні — от них это [счастье] далеко. /1/ повтор.

В горе сочувствующий, Мадхав, гордость уничтожающий.

[Твои] стопы — убежище Намы, [им] приношу себя в жертву. /2/5/

17. Рага «Тоди».

Оум! Милостью истинного гуру.

Одни говорят — близко, другие — далеко.

[Живущая] в воде рыба может взобраться на финиковую пальму. /1/
Зачем болтаете попусту?

Тот, кто Хари обрел, тот и скрывает. /1/ повтор.

Пандитом ⁴⁸ став, Веды читают.

Глупый Намдев Раму лишь знает. /2/1/

18.

Кто грешным останется, стоит имя Рама приобрести?

Падшие чистыми станут, стоит «Рама» произнести. /1/ повтор.

[Благодаря] обществу Рама у Намдева-человека уверенность
родилась:

Поститься в экадаши ⁴⁹ прекратил, зачем же к тиртхам ⁵⁰ идти? /1/

Говорит Намдев: мои деяния и мысли благими стали.

Гуру настаиваниям следуя, скажешь «Рама» — кто же не попадет
в рай [после этого]? /2/2/

19.

Три в каждом чханде ⁵¹ игры [слов]. /1/ повтор.

В доме горшечника — глиняный горшок (ханди), в доме раджи —
слон (санди) — го ⁵².

В доме брахмана — вдова (ранди). Вдова, слон, горшок — го. /1/

В доме торговца — асафетида (хингу), у буйвола на лбу — рога
(сингу) — го.

В храме — лингам (лингу), лингам, рог, асафетида — го. /2/

В доме маслодела — масло (телу), в лесу — лиана (белу), — го.

В доме садовника — банан (келу), банан, лиана, масло — го.

В сердце сантов — Гобинд, в Гокуле ⁵³ — Шьям, — го.

В сердце Намы — Рама, Рам, Шьям ⁵⁴, Гобинд — го. /4/3/

20. Рага «Тиланг».

У меня, слепца, поддержка — имя твое, Творец.

Я — бедняк, я — жалкий, твое имя — опора. /1/ повтор.

Всемиловитый (Карим), Милосердный (Рахим), Аллах, ты щедрый.

Предстоишь, приблизившись, ты передо мной. /1/

Река [щедрости] ты, подающий ты, богатый ты, богач.

Дающий, беруший — один ты, другого нет.

Ты мудрейший, Ты всевидящий, мне что думать?

Намы владыка, дарующий ты, Хари. /3/2/

21.

Эй, друг, эй, друг! Благая весть!

Славить, славить [тебя] буду я, славить, славить буду.

Благо — твоя баршина (бегар), высоко твое имя. /1/ повтор.

Откуда пришел? Куда ушел? Куда идешь?

[Это священный] Дварака ⁵⁵ — город, правду говори. /1/

Прекрасна твоя чалма, сладостны твои речи.

В Двараке-городе почему стал Моголом? ⁵⁶ /2/

Слуг — тысячная толпа, [Ты] — единственный владыка.

Мы [вместо] белого, как сахар, падишаха смуглого выбираем. /3/

[Ты] — Владыка коней. Владыка слонов, Владыка людей.

Намы господин — Владыка, дарующий спасение. /4/2/3/

22. Рага «Билавал».

Оум! Милостью истинного гуру.

Успешное рождение мне гуру дал.

Горе заставил забыть, счастье в душу вселил. /1/
 Знания сурьму мне гуру дал.
 Без имени Рамы жизнь — [все равно, что] без души. /1/ повтор.
 Намдев, помня, знает [бога].
 С Дарующим жизнь миру душа слилась. /2/1/

23. Рага «Гонд».

Оум! Милостью истинного гуру.
 Совершу ашвамедху ⁵⁷, отдам приношение, равное себе [по весу],
 совершу омовение в Праяге ⁵⁸. /1/
 [Все равно] — не совершишь пуджи, равной воспеванию Хари,
 Нама!

Своего Раму лишь почитай, о душа равнодушная! /1/ повтор.

В Гайя пинд ⁵⁹ пожертвую.

В Бенаресе ⁶⁰ [на берегу] Аси поселюсь.

Вслух четыре Веды прочту. /2/

Все дхармы ⁶¹ полностью выполню.

Мудростью гуру все чувства (индрии) обуздаю.

Поделенные шесть карм выполню. /3/

Шивы-Шакти разговор [прочту в Тантра Шастре].

Душа! Отбрось, отбрось все разнообразие.

Помни, помни о Гобинде.

Молись, Нама, переплывешь океан бытия. /4/1/

24. Рага «Гонд».

Как за звуком [колокольчика] следующий олень

Жизнь за него отдаст, но не отвлечется. /1/

Так и на Раму — также смотрю.

Не оставляю Раму, разум укрепив, не отвлекаюсь. /1/ повтор.

Как за рыбой пристально рыболов следит.

Золото выделявая, внимательно смотрит ювелир. /2/

Как сластолюбец смотрит на женщину.

На каури ⁶², хитря, смотрит пристально игрок. /3/

[Так и я] — куда ни погляжу — везде Рама.

Хари стопы вечно будет созерцать Нама. /4/2/

25. Рага «Гонд»

Мне помоги переплыть. Рама, помоги переплыть.

Я, незнающий, как плавать — не знаю. Отец Витхал, руку дай!

/1/ повтор.

Из человека в бога превратился мгновенно тот, кого истинный гуру
 научил уму-разуму.

[Хотя и] человека порожденье, чтобы небеса победить, лекарство
 я получил. /1/

Там, где Дхруву, Нарад ⁶³ поселил, хоть на мгновенье посели меня.

На имя твое опираясь, многие спаслись — Намы собственное
 мнение это. /2/3/

26. Рага «Гонд».

Я беспокоюсь.

Без теленка корова одинока.

Без воды рыба трепешет.

Так и без Рамы бедняга Нама. /1/ повтор.

Как коровы детеныш срывается с привязи.

Сосок сосет, молоко глотает. /2/

[Так и] Намдев Нараяны достиг.

Гуру встретил, невидимого узнал. /3/

Как сластолюбец любит чужую женщину,

Так и Намы любовь к Мурари ⁶⁴. /4/

Как мучаются на солнцепеке,

Так без имени Рамы бедняга Нама. /5/4/

27. Рага «Гонд».

Оум! Милостью истинного гуру.

Хари, Хари повторять — рассеются все сомнения.

Хари имя повторять — высшая драхма.

Хари, Хари повторять — каста, род [станут] Хари ⁶⁵.

Так Хари — незрячих опора.

Хари — приветствие, Хари — поклонение.

Хари, Хари повторять — не будет горя смерти. /1/ повтор.

Хари Харанакшаса ⁶⁶ отнял жизнь.

Аджамилу сделал в раю обитель.

Попугая научив [повторять имя Рамы], Ганика переплыла.

Этот Хари — глаза зрачок. /2/

Хари, Хари повторяя, Путна ⁶⁷ переплыла.

Дитя [Кришну] собиравшаяся убить, порог переступила.

Вспомнив [бога], дочь Дропада ⁶⁸ туда [переплыла].

Гаутамы жена ⁶⁹ из камня освободилась. /3/

Тот, кто Кеши ⁷⁰, Кансу убил.

Жизни дар Кали [нагу] давший.

Молит Нама: «Если такого Хари

Имя повторять, несчастья исчезнут». /4/1/5/

28. Рага «Гонд».

Бхайраву ⁷¹, злomu демону — бхуту, Ситле ⁷² молясь,

Поедешь на осле, пыль развеешь. /1/

Я у тебя единственного Раму возьму,

Других богов взамен отдам. /1/ повтор.

«Шива, Шива», — повторяя, человек поклоняется.

Оседлав быка, будет бить в барабан ⁷³. /2/

Великой матери — Дурге пуджу совершает —

Из мужчины станет женщиной в следующем рождении. /3/

Ты, [Дурга], называешься Изначальной ⁷⁴.

Освобождения время [приходит] — где прячешься? /4/

Желанием гуру имя Рамы ухвати, друг.

Говорит Намдев: «Именно так гласит Гита». /5/2/6/

29. Рага «Билавал гонд».

Сегодня Нама Битхала увидел, объясню глупцу, эй. /повтор./

Пандит! Твоя Гаятри ⁷⁵ поля [племени] лоды опустошала.

[Кто-то из лоды] взяв дубинку, искалечил — хромая, хромая, шла [она]. /1/

Пандит! Твоего Махадевы верхом на белом быке явление видел.

В доме милосердной еду приготовили, ее сын был убит ⁷⁶. /2/

Пандит! Твоего Рамачанды тоже приход видел.

С Раваном битва произошла, [когда] жена дома была потеряна ⁷⁷. /3/

Индус — слепец. Мусульманин — одноглазый.

Обоих мудрее знающий.

Индус поклоняется в храме, мусульманин — в мечети.

Нама тем поклоняется, у кого [нет] ни храма, ни мечети. /4/3/7/

30. Рага «Рамакали».

Оум! Милостью истинного гуру.

Принес бумагу, разрезал, воздушный змей в небе летает.

С друзьями — приятелями беседуя, душа [со змеем] странствует. /1/ Душу имя Рамы пронзило.

Подобно тому, как искусством душа ювелира поглощена. /1/

Принесли кувшин, наполнили водой, принцессы в город [кувшин] несут.

Смеются, играют, размышляют, душа прикована к кувшину. /2/

Город один с десятью входами, его коров пастись выпустили.

В пяти косах ⁷⁸ пасутся коровы, душа к теленку прикована. /3/

Говорит Намдев: Слушай, Трилочан! ⁷⁹ Младенец в люльке лежит.

Где бы ни работала [мать], все равно ум прикован к ребенку. /4/1/ 31.

Веды, Пураны, Шастры — [их] бесконечные песни-стихи не будут петь.

В неделимом круге Ниранкара ⁸⁰ на неслышимой флейте сыграю. /1/

Аскета Раму воспою ⁸¹.

Благодаря слову освободившись от трех качеств (гун), в нерушимое [состояние] погруженный, в дом не имеющего семьи [бога] пойду. /1/ повтор.

Индрия, пингала и сукхми ⁸², овладев ими, обуздаю [дыхание].

Луну и солнце, — двоих равными сделав, сохраню. Брахмы свет дойдет до меня. /2/

Тиртхи видел, не [совершил омовения]. В воде [живущим] существам не буду докучать.

Шестьдесят восемь тиртх гуру показал, в душе совершу омовение. /3/

Льстцов не заставляю говорить: «Прекрасно, великолепно!»
Нама говорит: «Душа вместе с Хари погрузится в самадхи ⁸³». /4/2/

32.

Матери не было, отца не было, кармы не было, никого [не было].

Нас не было, вас не было, кто же откуда пришел? /1/

Рам! Каждый был ничьим.

Словно на дереве птицы гнездо. /1/ повтор.

Луны не было, солнца не было, вода и ветер смешаны были.

Шастр не было, Вед не было, карма откуда взялась? /2/

Йогические мудры ⁸⁴, гирлянду тульси ⁸⁵ милостью гуру получил.

Нама молит: «Лучший Творец! Истинный гуру будет — покажет [бога]». /3/

33. Рага «Рамкали».

В Бенаресе аскезу соверши, вернувшись, в месте паломничества
умри, сожги себя [или] омолодись.

Ашвамедху — жертвоприношение соверши, золота тайный
дар принеси — имени Рамы равной пуджи не совершишь. /1/

Оставив, отбросив обман, душой лицемерия не совершай.

Хари именем всегда — всегда пользуйся. /1/ повтор.

К Ганге или Годавари пойдешь в Кумбха [мелу] ⁸⁶, омоешься
в Кедарнатхе ⁸⁷,

Гомати тысячу коров в дар принесешь ⁸⁸.

Десятки миллионов мест паломничества посетишь, тело в Гималаях
изнуришь — имени Рамы равной пуджи не совершишь. /2/

Коня жертвоприношение, слона жертвоприношение,
ложа ⁸⁹, женщин, земли жертвоприношения совершай.

Самого себя очистишь и себе равное [по весу] золото
пожертвуешь — имени Рамы равной пуджи не совершишь. /3/

На себя не сердись, Яму не вини, чистые, [ведущие] к нирване
достоинства замечай.

Дашаратхи раджи сын, раджа, мой Рамчанд!

Молит Нама: «Сушего сладчайший нектар пей». /4/4/

34. Рага «Мали гаура».

Оум! Милостью истинного гуру.

Счастлива, счастлива Рамы флейта, [на которой он] играет.

Сладкая, сладкая мелодия беззвучно раздается. /1/

Счастлива, счастлива темная гряда туч,

Счастливо, счастливо одеяло, окутавшее Кришну.

Счастлива, счастлива ты, мать Деваки ⁹⁰,

В чьем доме живет Владыка лотоса, Рамаиа. /2/

Счастливы, счастливы леса Вриндавана,

Где играл Шри Нараяна. /3/

На флейте играл, коров пас.

Намы владыка радость творит. /4/1/

35.

Мой отец, Битхал, Мадхав! Ты щедрый, Кешав, прекрасный
Битхулаи. /1/ повтор.

Держащий в руке чакру, пришел из рая, слона⁹¹ жизнь спас.
На собрании Духшасаны спас Драупади — не дал снять одежды. /1/
Готамы жена Ахалья переплыла, сколько еще, чистыми [став]
переплыли.

Так низкий, без касты, Намдев в твое убежище пришел. /2/2/

36.

В каждом сердце Рама говорит, Рама говорит.

Без Рамы кто скажет? /1/ повтор.

Из одного праха слоны и черви, у горшков разная форма.

В неподвижном и движущемся, в черве и мотыльке, в каждой душе
Рама пребывает. /1/

О Едином думай, о Бесконечном, отринь все другие надежды!

Говорит Нама: «Стал бесстрастным, кто господин — кто раб?» /2/3/

37. Рага «Мару».

Оум! Милостью истинного гуру.

Четыре мукти⁹², четыре [сверхъестественные] силы получил, когда
жениха Прабху убежища достиг.

Получил спасение, в четырех югах стал известен, известности зонт
нало мной простерся. /1/

«Раджа Рам» повторяя, кто же не переплывет?

Наставлениям гуру [внимающих], в обществе

святых [пребывающих] бхактами, бхактами таких называют. /1/

Раковиной, чакрой, гирляндой, тилаком украшенного могущество
увидев, Яма испугался.

Бесстрашным стал, Рамы сила грохочет, рождения-смерти боль
уничтожил. /2/

Абрику⁹³ даровал бессмертие, раджу Вибхишана возвеличил.

Десять сокровищ дал Владыка Судаме, Дхруву

неподвижным [укрепил], до сих пор не передвинулся. /3/

Ради бхакта убил Харанакшаса, Нарасимхи облик приняв, растерзал
тело.

Нама говорит: «Бхакти сила в Кешаве, до сих пор стоит у порога
Бали⁹⁴». /4/1/

38. Рага «Бхайрау».

Оум! Милостью истинного гуру.

Эй, язык, разрежу на сто частей,

Если не произнесешь Шри Гобинд. /1/

Окрасься, язык, Хари именем.

В золотой цвет окрасься, Хари, Хари молись. /1/ повтор.

Ложны, язык, все другие занятия. Ступени нирваны [достигнешь]
лишь благодаря имени Хари.

Бесчисленному множеству других [богов] пуджу совершишь —
Не будет равно пудже имени Рамы. /2/
Молит Намдев: «[Язык]! Сделай это.
Бесконечны формы твои, Нараяна». /4/1/

39.

Чужого богатства, чужой жены не помогающий —
Вблизи него пребывает Нарахари⁹⁵. /1/
Кто не почитает Нараяна,
На того я не взгляну. /1/ повтор.
Тот, чья душа далека [от бога],
Подобен зверю этот человек. /2/
Говорит Намдев: «Пусть лишь носа не будет,
Не будешь миловидным, [даже] обладая 32 признаками
красоты». /3/2/

40.

Молока катору⁹⁶, кувшин воды,
Бурую корову подоив, Нама принес. /1/
Молока выпей, Говинд — раджа!
Молока выпей, моя душа успокоится.
Не [выпьешь] — дома отец рассердится. /1/ повтор.
Золотая чаша полна амритой.
Взяв [ее], Нама перед Хари поставил. /2/
«Лишь бхакт в моем сердце пребывает», —
Увидев Наму, Нараян рассмеялся. /3/
Молоком напоив, бхакт домой отправился.
Перед Намой Хари предстал⁹⁷. /4/3/

41.

Я — безумная [от любви], мой Рама — супруг.
Украшая, украшая [себя], для него наряжаюсь. /1/
Хорошо, браните! Хорошо, браните! Хорошо, браните [меня], люди!
Тело-душу Раме-возлюбленному отдам. /1/ повтор.
Не спорю, не ссорюсь ни с кем.
Сладчайшего Рамы нектар пью. /2/
Сейчас, душа! Знаю, что случилось.
Встречу Гопала⁹⁸ с почестями. /3/
Восхваляй, хули [меня] любой человек.
Намы со Шри Рангом⁹⁹ встреча произошла. /4/4/

42.

Иногда кхиром, сахаром¹⁰⁰, топленным маслом не довольствуешься.
Иногда по домам милостыню просишь.
Иногда из шелухи горох отбираешь. /1/
Где Рама поместил, там и оставайся, брат!
Хари величия никак не описать. /1/ повтор.
Иногда коня-жеребца танцевать заставляешь,
Иногда ногам не достает обуви. /2/

Иногда спишь на белой постели,
Иногда на землю и соломы не подстелишь. /3/
Говорит Намдев: «Только имя — спасение.
Кто встретит гуру, тот перейдет на другой берег». /4/5/

43.

Смеясь, играя, пришел к твоему храму.
Бхакти совершал Нама, [а его] схватили, подняли, [выгнали]. /1/
Низка каста моя, раджа Ядавов!
В касте чхипи родившись, скажи, зачем пришел [я] в этот мир?
/1/ повтор.

Взяв одеяло, ушел, отвернувшись.
Позади храма сел. /2/
Пока Нама достоинства Хари проповедовал,
К бхакту храм повернулся. /3/6/

44. Рага «Бхаирау».

Оум! Милостью истинного гуру.
Как голодный любит хлеб.
Жажда водой утоляет.
Как глупец семьи поддержкой живет,
Такова Намы любовь к Нараяну. /1/
Нама полюбил Нараяна.
Легко стал отшельником. /1/ повтор.
Как чужеземца любит женщина,
Алчный человек богатство любит,
Сластолюбцу красавица дорога,
Такова Намы любовь к Мурари. /2/
Истинна любовь, которой [бог] к себе привлекает.
Милостью гуру двойственность уйдет.
Никогда не разрушится [любовь], наполняющая [сердце].
Нама душу отдал истинному имени. /3/
Как любовь ребенка к матери,
Так Хари душа наполнена.
Говорит Намдев: «Пришла любовь.
Гобинд пребывает в нашей душе». /4/1/7/

45.

[Своего] дома женщину покинувший — слепец.
С чужой женщиной разрушает себя.
Словно попугай, [который] увидев дерево, обрадовался,
[Но] в конце концов попугай приклеился. /1/
Дом грешника в огне.
Будет гореть, никогда не потухнет. /1/ повтор.
[Туда, где] Хари почитают, смотреть не ходит.
Оставив дорогу, на бездорожье попал.
Вновь и вновь будет рождаться.
Амриту отбросил, схватив яд, поедает [его]. /2/

Когда гетера выходит на сцену,
Одевшись красиво, украсившись.
Совершенен ритм, богато дыхание.
[Но] на ее горле — Ямы петля. /3/
На чьем лбу написана карма,
Тот быстро достигнет покровительства гуру.
Говорит Намдев: «Так решил.
Этим способом, о святой, достигнешь спасения». /4/2/8/

46.

Санда Марака ¹⁰¹ пришел, пожаловался:
Не учится [он], мы устали.
«Рама» повторяет, хлопает в ладоши, учеников всех портит. /1/
Рама имя повторяет.
В сердце о Хари-джи ¹⁰² память хранит. /1/ повтор.
«Всю землю покорил раджа», — говорит рани — [мать Прахлада].
Сын Прахлада, сказанного не слушаешь, у него для тебя другое
замыслено. /2/

Противников [Прахлада] собрание было, решение приняли:

«Продлим его жизнь» ¹⁰³.

От падения с горы, воды, огня спас Раджа, Рама майю изменил. /3/
Выватив меч, почернев, в ярости: «Мне скажи, кто тебя спасет?» —
[спрашивает отец Прахлада].

«В желтые одеяния облаченный, владыка трех
миров, в столбе находится Хари», — отвечает [Прахлада]. /4/
Харанакшаса кто когтями разорвал, богам, людям даровал
покровительство.

Говорит Намдев: «Мы о Нарахари размышляем, о Рама, который
дарует спасение» ¹⁰⁴. /5/3/8/

47.

Султан обратился: «Послушай-ка, Нама!
Покажи Рама твоего деяния». /1/
Наму султан связал.
Покажи твоего Раму-Битхала. /1/ повтор.
Мертвую корову оживи.
Не сможешь — голову отрублю на месте. /2/
Падишах! Подобное как произойдет?
Умерших не оживит никто. /3/
Мое деяние ничего не совершит.
То, что Рама сделает, то и будет. /4/
Падишах вспылil, высокомерный.
Слона, слона подстрекает. /5/
Заплакала мать Намы.

Почему не отречешься от Рама? Молись Кхудаи ¹⁰⁵.

«Ни я — твой сын, ни ты — моя мать, — [отвечает Намдев]. —
Пусть умру, все равно буду воспевать достоинства Хари.» /7/

Ударил слон хоботом.
[Но] спасся Нама под защитой Хари. /8/
Говорит падишах: «Кази, муллы приветствуют [меня].
[А] этот индус порочит мое достоинство». /9/
«Падишах! Просьбу выслушай! — [говорит народ]. —
Наме равное [по весу] золото возьми». /10/
«Богатство возьму — тогда в ад попаду, — [отвечает падишах]. —
Отрекшись от веры, буду ли копить богатство?» /11/
На ногах веревка, [но Намы] руки такт отбивают.
Нама воспевает достоинства Гопала. /12/
Если Ганга, Ямуна вспять потекут,
Все равно Нама «Хари» будет повторять. /13/
Когда семь гхари пробило,
Все равно не явился Владыка трех миров. /14/
[Потом] на шумящем крыльями
Гаруде восседая, Гобинд явился. /15/
Своих бхактов защитник,
На Гаруде восседая, явился Гопал. /16/
«Скажи — землю переверну.
Скажи, взяв, буду держать над собою. /17/
Скажи — мертвую корову оживлю.
[Чтобы] все видели, уверились.» /18/
Нама молит: «Сделай наилучшее.
[Чтобы] корову подоить, теленка приведи». /19/
[Намдев] доил, пока молоком кувшин не наполнился.
Взяв [кувшин], перед падишахом поставил. /20/
Падишах во дворец отправился. /21/
Через кази, муллу просит:
«Прости, индус, я — твоя корова». /22/
Нама говорит: «Слушай, падишах!
Такое небольшое утешение дай мне. /23/
У этого утешения такая цель:
В истине и добродетели иди, Султан». /24/
О Намдеве все узнали ¹⁰⁶.
Собравшись, все индусы пришли к Наме. /25/
[Говорят]: «Если бы тогда корова не ожила,
То к Намдеву доверие утратили». /26/
Намы деяния живут на свете. Бхактов взял [и с ними] туда
перебрался. /27/
Все горе на оскорбителей пало.
Нама-Нараяна — нет разницы [между ними]. /28/1/10/
48.
Если [есть у человека] гурудев, то [он] встретит Мурари.
Если [есть] гурудев, то он переплывет,
Если [есть] гурудев, то в рай попадет.

Если [есть] гурудев, то живущий мертв. /1/
 Истина, истина, истина, истина, истина — гурудев.
 Ложна, ложна, ложна, ложна, ложна любая другая служба.
 /1/ повтор.

Если [есть] гурудев, то имя упрочится.
 Если [есть] гурудев, не бегают [человек] во всех десяти направлениях.
 Если [есть] гурудев, от пяти [порочных страстей] далек.
 Если [есть] гурудев, [человек] не умирает от горя. /2/
 Если [есть] гурудев, то [подобны] амрите речи.
 Если [есть] гурудев, то [узнаешь] историю Невыразимого.
 Если [есть] гурудев, то бессмертно тело.
 Если [есть] гурудев, то [человек] имя бога повторяет. /3/
 Если [есть] гурудев, то три мира видит.
 Если [есть] гурудев, высшую ступень постигает.
 Если [есть] гурудев, то головой касается неба.
 Если [есть] гурудев, то всегда восхваляем. /4/
 Если [есть] гурудев, то навсегда отрешен от мира.
 Если [есть] гурудев, клевету отбросил.
 Если [есть] гурудев, плохое-благое считает единым.
 Если [есть] гурудев, на лбу [благоприятное] предзнаменование. /5/
 Если [есть] гурудев, тело не погибнет.
 Если [есть] гурудев, храм повернется.
 Если [есть] гурудев, то крышу перестелят.
 Если [есть] гурудев, то кровать вернется. /6/
 Если [есть] гурудев, в 68 [местах паломничества] совершает
 омовение.

Если [есть] гурудев, на теле чакра укреплена.
 Если [есть] гурудев, 12 служб выполнены.
 Если [есть] гурудев, весь яд [станет] плодами. /7/
 Если [есть] гурудев, то сомнения рассеяны.
 Если [есть] гурудев, то Ямы избежит.
 Если [есть] гурудев, ужасные воды переплывет.
 Если [есть] гурудев, то родившись — не умрет. /8/
 Если [есть] гурудев, восемнадцать [Пуран] — использует.
 Если [есть] гурудев, восемнадцать грузов [жертвоприношений
 сделаны].

Если [есть] гурудев, низким не станет.
 Намдев под покровительством гуру. /9/1/2/11/

49.

Приди, Каландар ¹⁰⁷, Кешава,

Надев Абдали ¹⁰⁸ одеянья.

У кого небеса — шапка на голове, чьи сандалии — семь подземных миров.

В кожу облаченные [существа] — твой храм, так же и ты украшен,
 Гопал. /1/

Черной воды не остерегается.

Язык с удовольствием попадает на крючок.
Так к золоту, женщинам связывает страсть. /1/ повтор.
Если пчела собрала [меда] много,
[Человек] мед забирает, а пчеле дает золу.
Корова для теленка запасает молоко.
За шею привязывает, чтобы подоить ее, пастух. /2/
Ради майи человек многое предпринимает.
То, что у майи взял, в землю хоронит.
Очень старается, но не понимает, глупец,
Богатство на земле [останется], тело же станет прахом. /3/
Сластолюбие, гнев, жадность сжигают [его].
В обществе садху никогда не бывает.
Намдев говорит: «Его защиты [иши].
Бесстрашным став, поклоняйся Божественному». /4/1/

54.

Почему не заключил, Мадхав, со мною пари?
Господин и человек, человек и господин — игру веду с тобой.
/1/ повтор.
Ты — бог и храм, сам себе поклоняешься.
Из воды — волны, из волн — вода, лишь названия разные.
Сам и поешь, сам и танцуешь, сам и на флейте играешь.
Говорит Намдев: «Ты — мой господин, человек несовершенен,
ты — совершенство». /2/2/

55.

У раба, который никому, кроме меня, не поклоняется, мой
собственный облик.
Увидишь на мгновенье — от страданий трех освободишься,
Прикосновение [его] освобождение дарует из колодца семейной
жизни. /1/ повтор.
Мои пути бхакт снять может, связанного бхактом я не могу
освободить.
Если однажды меня поймает [и] свяжет [бхакт], ему ничего
не скажу. /1/
Я достоинствами (гунами) связан, всего сущего жизнь — моя
жизнь — мой раб.
Намдев! Чья душа такова, над тем [моя] любовь сияет. /2/3/

56. Рага «Малар».

Оум! Милостью истинного гуру.
Служи Гопалу — радже, не имеющему семьи, безупречному.
Бхакти дар дай! — просят святые. /1/ повтор.
У чьего дома с каждой стороны — павильоны, [чье жилище] —
райский дворец разукрашенный, [тот]
семь миров наполняет собой.
В чьем доме Лакшми, вечно юная.

Луна и солнце — [его] светильники, шут — время — бедняга ¹¹¹,
судья — Шукра Шри.

Таков раджа Шри Хари. /1/

В чьем доме гончар — Брахма четырехликий, творец, сотворивший
весь мир.

В чьем доме бог пламенный, вселенной гуру, чистой мудрости учит.

Грех и добродетель — его дворцовые, Читра Гупта — писец.

Дхармарадж ¹¹², в потусторонний мир отправляющий — его
привратник.

Таков раджа Шри Гопал. /2/

В чьем доме прислужники, гандхарвы, риши, бедные дхадхи поют.

Все Шастры — [его] актеры, на маленькой сцене труппа сказания
читает.

Помост качающийся его — ветер.

Его ученица — сила, покоряющая мир.

Половинки яйца ¹¹³ чей очаг,

Таков раджа, владыка трех миров. /3/

В чьем доме черепаха — постель, тысячеголовый змей Васуки — его
скатерть.

Восемнадцать грузов овощей — его садовница, миллионов облаков
гирлянда — его водонос.

Пот стоп его — река богов.

Семь морей — водопой.

Все живущее — его чаша.

Таков раджа, хозяин трех миров. /4/

Чьего дома приближенные — Арджуна, Дхру, Прахлад, Амбрик,

Нарада, Неджай, сиддхи, будхи, свита гандхарвов — резвятся.

Столько живых созданий в его доме.

Молит Намдев: «Под его защиту [приди].

Все бхакты — его знамение». /5/1/.

57. Рага «Малар».

Меня ты не забывай!

Ты не забывай, Рамаи! /1/ повтор.

Хозяева храма — заблудшие, на меня разгневались.

«Шудра, шудра», — повторяя, избили, выгнали, что делать,
отец Битхал? /1/

[Мне] мертвому если дашь мукти, об этом никто не узнает.

Эти пандиты меня «низкий» называют — твоя честь тоже падает. /2/

Ты, которого Щедрый, Милосердный называют, Длиннорукий ¹¹⁴.

Повернул храм к Наме [фасадом], к пандитам — тылом. /3/2/

58. Рага «Канара».

Оум! Милостью истинного гуру.

Таков Рам-раджа, Проницательный,

Словно в зеркале — тела отражение. /1/ повтор.

Пребывает в каждой душе, [но на нем] — ни мазка, ни пятна.

От связей свободен, касты не видит. /1/

В воде увиденному лицу подобен.

Намы господин Битхал таков. /2/1/

59. Рага «Прахати».

Оум! Милостью истинного гуру.

Души страдания душа лишь знает, или знающему об этом Расскажи.

Проницательного Рама [имя] повторяя, чего же мне бояться? /1/

Пронзил [меня] Гопал, Всевышний.

Мой Прабху, словно солнце, освещает все. /1/ повтор.

Иллюзорные лавки, иллюзорный город, иллюзорная игра.

Иллюзорны пребывающие [в мире], разнообразные, странствуют
по свету. /2/

Если душа словом гуру прониклась, то двойственность легко
преодолеть.

Всему господин приказывает, сам, бесстрашный, равными всех
считает.

Нама говорит: «[Дарующего] жизнь миру обрел в сердце,
невидимого, прекрасного». /4/1/

60. Рага «Прахати».

[Бог был] изначально — до юг ¹¹⁵, в каждой юге, его конец
неизвестен,

Во всем постоянно Рама живет, солнцу ¹¹⁶ подобно, так о его
форме говорят.

Гобинд грохочет, слово говорит.

Счастливой формы мой Рамаи. /1/ повтор.

Сандал в лесу растет, [аромат] его счастье дарит.

[Благодаря] изначальному, благоуханному и другие сандалом
стали. /2/

С твоим философским камнем [соприкоснувшись], наше железо
стало золотом.

Ты драгоценный, милосердный, сокровище, Нама в истинного
погрузился. /3/2/

61. Рага «Прахати».

Без семьи живущий бог одну игру придумал:

Внутри каждого сердца Брахму спрятал. /1/

Души огонь не знает никто.

И мною содеянное ему известно. /1/ повтор.

Как делают из глины горшки, [так] самого себя творит
Битхал Дев. /2/

Карма на души пути набрасывает.

Что сделал — то твое. /3/

Молит Намдев: «Что думает душа, то и получит.

Бессмертной став, всегда будет с живущим без семьи». /4/3/

**Отправимся в страну,
где милый...**

Из лирики Миры Баи

Предисловие и перевод с хинди Н. М. Сазановой

Предисловие

Мира Баи — раджастанская поэтесса XVI в. Она родилась в 1498 г. в семье правителя раджпутского княжества Мерта. В 1516 г. Мира была выдана замуж за сына махараджи Читтора, но через шесть лет осталась вдовой. Мира подвергалась преследованиям и притеснениям со стороны родственников мужа, особенно младшего деверя, ставшего правителем (раной) Читтора. Знатной родне Миры не нравилась приверженность к бхакти молодой красивой вдовы, сочинение ею стихов и свободное от общепринятых обычаев поведение. Отказавшись совершить сати — обряд самосожжения вдовы вместе с телом мужа — Мира вела жизнь ревностной кришнаитки, считая Кришну своим подлинным возлюбленным и супругом. Преследования родни вынудили Миру бежать в 1531 г. во Вриндаван¹, где она встретилась со многими проповедниками бхакти. Однако ей удалось лишь до 1536 г. оставаться в священных для кришнаитов-бхактов местах Браджа²: вынужденная вновь спастись от преследований раны Читтора, поэтесса скрылась в Гуджарате и нашла приют в Двараке, где и умерла в 1546/1547 г. По многочисленным легендам, Мира Баи либо была убита родственниками покойного мужа, либо скрылась навсегда под чужим именем.

Поэтическое наследие Миры Баи составляет типичная кришнаитская любовная лирика, главным образом — на языке брадж с элементами раджастанского, а иногда и гуджаратского. Количество стихов, приписываемых Мира, колеблется от 69 до 200 и даже 1300 в разных по времени рукописях. Приведенные ниже стихи-пады взяты из так называемой Дакорской рукописи, наиболее ранней (датируется 1585 г.), опубликованной Л. П. Сукулом.

Использованы следующие издания:

Mirābāi kī padāvalī. Samp. Ācārya Parāśurām Caturvedī. Prayāg, 1970.

Mirā darśan. Samp. Murlīdhar Śrīvāstav. Illāhabād, 1964.

Перевод

О сердце, припади к стопам Хари!³

Нежные, лотосоподобные, они даруют миру покой.

Прахлада, их коснувшись, обрел трон⁴.

Даруя приют бесприютным, они сделали стойким Дхруву⁵.

Эти стопы подчинили себе Кали Нага⁶ и танцевали с гопи.

Устыдив громовержца Индру, они спасли жителей Гобардхана⁷.

Мира — служанка прекрасного Гириджара, припав к его стопам,
переплывает океан земных воплощений.

* * *

У меня есть Гириджар Гопал⁸, и никого больше.

Никого больше, о садху⁹, хоть обыскала весь мир.

Покинула братьев, друзей, отеклась от родни и всех близких.
Постоянно сидя с садху, потеряла доброе имя.
Глядя на мир — рыдаю, обрадуюсь, лишь увидев Кришну.
Проливая потоки слез, возрастила побеги любви.
Сбивая сметану, взяла масло, вылив сыворотку.
Рана ¹⁰ послал чашу с ядом, пила и ликовала.
Мира полна любви к Кришне, пусть будет, что будет.

* * *

Поклон тебе, Кришна Банке Бихари! ¹¹
Корона из перьев павлина и тилак на лбу украшают тебя,
среди кудрей серьги!
Издает сладкие звуки твоя свирель, чаруя женщин Баджа.
О красавец Гиридхар джи ¹², своей красотой ты пленил Миру!

* * *

О подружка, поселился в глазах моих Кришна!
С короной из павлиньих перьев, с драгоценными серьгами и тилаком
на сияющем лбу!
Чарующий облик, смуглолицый, с огромными глазами.
Губы извлекают из свирели сладкий напев, на груди —
разноцветная гирлянда.
О Миры саньяси ¹³, Господь Гопал, любящий бхактов!
Посмотри хоть раз в мою сторону, Хари!
Я смотрю, а ты — без вниманья, сердцу тяжело это сносить.
Моя надежда — лишь в твоём взгляде и больше нигде.
Когда с тобой встретимся, ре ¹⁴, ты так далеко.
Все утро провожу, умоляя [о встрече] с надеждой.
Мира, ре, вечному Господу Хари жертвует свою душу.

* * *

Заворожена совершенной красотой Кришны со свирелью в руках.
Вкушаю вечный нектар, наслаждаясь обликом Кришны.
Прекрасные локоны своевольно падают на глаза и брови.
Изогнутый стан, в изогнутой руке — свирель, свисают локоны и жемчуг
из изогнутого тюрбана.
Мира, облик, ре, Господа Кришны снова и снова чарует своей красотой.

* * *

Я жажду увидеть Кришну Мохана! ¹⁵
Прекрасное тело, глаза — лепестки лотоса, смелый пристальный
взгляд, полный любви.

Кришна пасет коров на берегу Джамны, свирель его сладко звучит.
Тело, душу, все мое достояние вручу Кришне со стопами-лотосами.

* * *

Подружка, жаждающие очи влюбились и не могут разлюбить!
Увидев красу [Кришны], поднялись волоски от восторга
и жаждали так остаться.
Я стояла у дома, когда мимо прошествовал Кришна.
С телом, блеском подобным луне, слегка улыбаясь.
Вся семья предостерегает, много слон наговорили.
[Но] глаза не переставали глядеть [на Кришну], стала я рабыней чужого.
Пусть судачат [обо мне] плохо иль хорошо, все снесу
с поднятой головой.
Мира, ре, без Господа Кришны не может прожить и мгновенья.

* * *

Подружка, ри, у моих глаз появилась привычка!
Сладостный облик Кришны владеет душой, в сердце вонзилась стрела
[любви].
Стоя на пороге дома, все высматриваю его на дороге.
Влюбилась в милого Кришну, в нем смысл моей жизни.
Мира посвятила себя Кришне, а люди [говорят], что испортилась.

* * *

Я буду танцевать перед Кришной, подружка!
Танцуя, очарую возлюбленного, буду смотреть на давно милого.
Как ножными колокольцами, связала себя любовью к Кришне,
он воистину мой.
Земной стыд, законы семьи не заботят меня, подружка.
Ни на миг не забываю милого, Мира, ри, возлюбила Хари-Кришну.

* * *

Подружка, я предложила Кришне хорошую цену.
Кто говорит об этом, пряча глаза, — я говорю открыто.
Кто говорит — дорого, я говорю — дешево, я, ри, оценила,
все сопоставив.
Вручу ему тело, всю жизнь, любой бесценный дар.
[Ведь] Мира жаждет увидеть Кришну, пусть обещает встречу [хотя бы]
в другом рожденье.

* * *

Я отправлюсь в дом к Кришне.
 Пойду в любое время — и на рассвете и ночью.
 Как-нибудь его завлеку, день и ночь с ним буду играть.
 Что даст надеть — то надену, поем — чем покормит.
 Моя любовь — давняя, без него не могу прожить и мгновенья.
 Где посадит, там и сяду, если купит — продамся.
 Господу Кришне Мира жертвует всем постоянно.

* * *

Подружка, ри, хотела бы я увидеть своего милого Кришну!
 Думаю и размышляю о Кришне, медитирую постоянно.
 Он идет по земле походкой, как будто танцует.
 Мира, ри, Господь Кришна бродит по лесным тропинкам.

* * *

О, как я люблю Кришну, моего самого любимого!
 Подружка, надела я разноцветные одежды, пошла играть в прятки.
 Играя, увидела темноликого, и отдала ему душу и тело.
 У кого любимый в дальней стране, пишут ему посланья.
 Мой любимый живет в моем сердце, куда денешься?
 О Господь Миры Кришна, день и ночь я высматриваю тебя на дороге.

* * *

Подружка, не останавливай меня, я иду с садху увидеть Кришну.
 Облик Шьяма¹⁶ храню в сердце, никого не люблю, кроме Кришны.
 Когда все видят счастливые сны, я не смыкаю глаз.
 Уничтожается знание, безумен мир для тех, кто не любит
 моего Кришны.
 Темноликий поселился в моем сердце, потому и нейдет сон.
 Кто станет пить воду из колодца в сезон дождей?
 Хари-Кришна, изливая постоянно поток амриты, утоляет мою жажду.
 Я иду, чтобы увидеть прекрасное лицо темноликого.
 Мира, ри, страдает в разлуке, прими ее в свои объятия.

* * *

Совсем, знаешь, заболела я без Кришны.
 Живя подальше от мира, в обществе садху поищу счастья.
 Тело, душа, моя жизнь [пусть] уходят, научите меня [бхакти].
 Моя душа возлюбила Кришну, скажи, сколько еще страдать.
 Миры, ре, Господь, вечный Хари, дай мне прибежище.

* * *

Рана джи, мне кажутся приятными, привычными эти поношения.
 Пусть осуждают, клеймят, пойду я путем необычным.
 На узкой тропинке я встретила гуру, зачем поворачивать вспять?
 Получила знание от подвижника-садху, от всего отреклась,
 осудили недобрые люди.

О Миры Господь! Пусть дурное злословье сгорит на жаровне, в огне!

* * *

Рана джи, почему ты меня ненавидишь?
 Сдается мне, этот рана джи как шипы на деревьях.
 Я отказалась от дома, дворца — от всего, отказалась жить в твоём городе.
 Рана, я отказалась от прав и тики¹⁷, надев одежду бхакта, отреклась.
 Господь Миры Гиридхар обратил яд в амриту¹⁸.

вариант:

Рана джи, почему ненавидишь меня?
 Рана джи, для меня ты как будто шипы на деревьях.
 Отреклась я от дома-дворца, от поместий в деревьях.
 Бхакта облик приняв, все права принесла Кришне в дар.
 Обратил яд в амриту для Миры Господь Гиридхар.

* * *

Привязав к ногам бубенчики, танцую я, подружка!
 Люди шепчут: «Мира безумна». Свекровь говорит: «Порочит семью».
 Чашу с ядом, что прислал рана, выпила Мира, смеясь.
 Душа и тело — у стоп Хари, утоление жажды лишь в виденье Хари.
 Господь Миры — Хари! Прибегаю к твоей защите!

* * *

Темноликого полюбила я, Рана, темноликого полюбила.
 Отбивая ритм в бубен и барабан, танцую я перед садху.
 Думают, что я сошла с ума от любви, что любовь Кришны недолговечна.
 Рана прислал мне чашу с ядом, выпила без размышлений.
 Господь Миры, ре, Гиридхар Нагар, верна [ему] буду во всех рожденьях.

* * *

Подружка, мне надо воспеть достоинства Говинды.
 Раджа рассердился — оставляю его дворец, Хари рассердится —
 куда денусь?

Рана прислал мне чашу с ядом, пила, как будто нектар.
Он прислал в корзине мне змею, распознала в ней шалиграм¹⁹.
Ведь Мира сейчас в любовном безумье, супругом ей будет темноликий.

* * *

Я узнала, рана джи приговорил меня к яду.
Но золото плавится в огне, чтобы стать чище.
Как вода утекли для меня мирские заботы, семейная честь и стыд.
Я сидела взаперти в своем доме, беззащитная женщина.
[Но] стрелы из колчана пронзили мое сердце, безумная идея
пришла ко мне.
Всем святым пожертвовала бы тело и душу, лишь бы владеть
любовью Кришны.
Господь, ты знаешь свою рабыню Миру! Защити ее от клеветы!

* * *

Мира, опьяненная любовью, поет о Хари!
Рана прислал корзину с змеей, Мира взяла ее в руки.
Увидела, совершив омовенье, священный шалиграм.
Рана прислал чашу с ядом, он превратился в амриту.
Совершив омовенье, когда стала пить, обрела бессмертье.
Рана прислал ложе с шипами, чтобы на нем уснула Мира.
Совершив омовенье, в сон погрузилась, как на цветочном ложе.
Господь Миры всегда ее охраняет, все устраняет козни.
Погруженная в молитвы, слагаю их к стопам Кришны.

* * *

Не уходи, не уходи, не уходи, о Йоги, я твоя ученица, припадаю
к твоим стопам.
Разные дороги ведут к любовному бхакти, укажи мне путь.
Я лягу на костер из сандаловых дров и подожгу их своими руками.
Окропив водой кучку пепла, умасти этим свое тело.
Мира молит: «С Господом соедини мою душу!»

* * *

Милый, живи всегда перед моими глазами.
Живи перед моими глазами, не забывай меня, джи.
Я тону в океане сансары, но Кришна обо мне помнит.
Рана прислал мне чашу с ядом, ре. Он дал мне амриту.
Миры Господь Кришна, не продлевай разлуки.

* * *

Посмотри, подружка, как из-за Хари разрывается сердце.
Обещал прийти сегодня, до сих пор его нет, обманул меня.
Еду и удовольствия, разум — все позабыла, как еще жива душа.
Твое обещание противоречит поступкам, почему не выполнил обещания.
Мира, ре, Господь Гиридхар Нагар, без тебя страдает душа.

* * *

Теперь помоги, охрани мое доброе имя.
Беззащитная, прошу защиты Гиридхара, возвысь отверженную.
В океане мирской жизни, кроме тебя, где найду опору?
Во все времена мучили бхактов, будь ко мне милосердным.
Мира в поисках защиты сложила честь к стопам Кришны.

* * *

О, подружка, я не сказала Хари ни слова.
Почему же грешная душа не покинет тело?
Не открыла я лица и слова не молвила, так прошла ночь и настало утро.
Так в молчанье и проведу жизнь, чему тут радоваться!
Хари обещал быть в сезон дождей, я сама это слыхала.
Ночью сверкают молнии, а я считаю часы до утра.
Мира — служанка Кришны; жизнь проходит в страстном
желанье встречи.

* * *

Подружка, Хари не вспоминает меня.
Почему не ушла жизнь из моего грешного тела?
Не открываю лица, не говорю ни слова от заката до заката.
Провела целую жизнь в молчанье, вот и вся хитрость.
Пришел сезон дождей, Хари, приходи, послушай меня.
В темноте ночи сверкают молнии, считаю встревоженно звезды.
Мира, рабыня Шьяма, страстно желает умереть ночью.

* * *

Всю ночь провела без сна, каким придет рассвет!
Пойми, подруга, дрожь пробужденья от грез заставляет забыть разум.
Душа терзается и страстно желает: когда встречу с тобой, Кришна?
Безумие любви овладело мною, милый, узнай о моих чувствах.
Мира, знает сострадание тот, в чьих руках жизнь и смерть.

* * *

* * *

* * *

Без Господа я теряю всякое присутствие духа.
Жизнь моя уходит, без Хари, подружка, ничего не возможно.
Черепашка, лягушка живут в воде, в ней и рождаются.
Вытащи рыбу из воды, она не сможет существовать.
Деревья стали дровами, их может уничтожить жучок-древоточец.
Бросив деревья в огонь, получают золу.
Я ишу, скитаясь по лесам, подружка, не прихожу в себя.
Хоть раз дай увидеть тебя, тогда все страдания будут искуплены.
Меня пронзила такая боль, как будто болезнь поразила тело.
Мира — раба Лала Гиридхара, если встречу — получу счастье.

* * *

Без Хари как еще жива я, подружка!
Без Шьяма стала совсем бестолковой, разум мой, как источенное
жучком дерево.
Не понравился целительный корень, и получила болезнь от любви.
Бродила, искала в лесу Шьяма, услышала голос свирели.
Господь Миры Гиридхар Нагар, встретимся быстрее!

* * *

Прекрасному Шьяму отдала я свою жизнь, Шьяму!
Я отрелась от всего мира ради тебя, забыла о земном стыде
и чести семьи.
Без тебя не нахожу покоя, глаза изливают слез потоки.
Кто послушает и поможет одолеть, ри, тяжкую разлуку.
Господь Миры, дай увидеть Тебя, я припадаю к твоим стопам.

* * *

Выслушай мольбу мою, О Шьям!
Я навечно твоя раба!
Стала безумной, желая увидеть Тебя, боль разлуки терзает сердце!
Из-за тебя, как йогини-отшельница, буду бродить по городам,
искать по лесам!
Намажусь пеплом, надену шкуру оленя, предам тело огню.
Если сегодня не встречу Раму, буду скитаться в лесах, рыдая, и взывать.
Как только Мира встретит Гиридхара, исчезнет страданье,
снизойдет счастье.
Успокоятся тело, душа и сердце, прекратятся скитанья, буду рабой
у твоих ног.

* * *

О владыка мира, посети мой дом!
Страдание сжигает меня, погаси огонь разлуки.
Все ночи, джи, провожу, стенаю и плачу.
Желание пиши ушло, ушел сон, лишь грешная жизнь не ушла.
Из несчастной сделай меня счастливой, дай мне увидеть тебя.
Мира страдает в разлуке, не медли же теперь!

* * *

Тебя не видя, страдают мои глаза.
Как только услышу о тебе, сердце трепещет от сладких речей.
Кому поведаю, как устала в разлуке, ри, очень страдаю.

Нет часа, чтобы не высматривала Хари на дороге, ночь для меня длинной
в полгода.

С тех пор, как покинул меня Хари, не нахожу покоя.

Мира молит о встрече Господа, который сметает горе и дарует счастье.

* * *

Любимый, подари встречу с тобой!

Я постоянно взываю, окажи милость! В любое время года!

В жару месяца джетх, когда без воды страдают птицы.

В знойный месяц ашарх, когда жалуются павлины и вздыхают
по дождю чатаки-птицы.

В месяц саван, когда начинаются дожди и подружки справляют
праздник тидж.

В полноводный месяц бхадон, когда реки наполняются водой,
не будь вдали.

В прекрасный месяц ашвин, когда так виден млечный путь,
что поддерживает сердце.

В месяц картик, когда будут поклоняться богам, будь со мной!

В холодный месяц маргаширш обязательно меня вспомни!

В месяц пауш так холодно, приди, дай тебя увидеть!

Будь со мной в месяце магх на празднике весны, когда звучат веснянки.

И в пхагун, когда играют холи и разжигают костры, приди!

И в месяц чайт снова рождается желание увидеть тебя!

В месяце байсах цветут лесные деревья, кукушка кукует печально.

Обманывает по приметам ворона, день прошел без тебя.

Мира, страдающая в разлуке, когда же увидит тебя?

Меня слушает Хари, спаситель отверженных!

Спаситель отверженных от ужасов перерождений!

Слон тонул, он услышал мольбу, оказал помощь,
устранитель горя бхактов.

Окутал одеждами дочь Драупада, сокрушил высокомерие Духшасана²¹.

Сдержал обещание Прахладе, уничтожил Хираньякашипу.

Оказал милосердие жене риши [Ахалье]²², накормил голодного Судаму.

О Господь, почему ты медлишь отозваться на мольбу Меры?

* * *

Возлюбленный, как прекрасно твое имя!

Слышала, что произнесший его спасается, хотя бы был камнем.

Кто не пел тебе славу, получит дурную карму.

Певичка научила попугая твоему имени и попала в рай.

Слон с верой произнес твое имя и спасся от большой беды.

Оставив Гаруду²³, ты сам поспешил к нему, разрушив
круг перерождений.

Грешника Аджамила избавил ты от смертного страха.

Когда на смертном ложе он позвал сына твоим именем.
 Всем, вызывающим к тебе о защите, ты творил добро, узнавая бхактов.
 Мира — твоя рабыня, протяни ей руку помощи!

* * *

В месяц саван тучи изливаются дождем, ри, саван влияет на сердце!
 Саван, подружка, веселит мою душу, ри, услышав шум дождя,
 Хари придет!

Черные грозовые тучи пришли, сверкают молнии, поток воды
 изливается на землю.

Капли дождя роняют тучи, вест приятный прохладный ветерок.
 А Мира Господу Гиридхар Нагару поет сезонный напев мангал.

* * *

Кто прочтет письмо Кришны, кто прочтет письмо?
 Где же остался сам друг, ведь с письмом пришел Уддхав²⁴.
 Истер все ноги в пути, глаза стали красными от усталости.
 Радха взяла письмо, читает, сердце переполнено любовью.
 Глаза-лотосы льют слезы, как будто течет Ганга-река.
 Ведь в разлуке стала она такой желтой.
 Без Хари жизнь сгорела, будто фитиль в лампе.
 Моя надежда на Раму, ведь спас он слона.
 С глазами-лотосами, он подчинил себе Черного Змея-Кали Нага.
 Огненного змея из Джамны подчинил, станцевал на злобношипящем.
 Не испугался прыгнуть в реку о ты, Господь всемогущий.
 Мире, ре, Господь Гиридхар Нагар, повелитель женщин Брэджа.

* * *

Куда еще я пойду с тобой, Канхейя!²⁵
 На тропинке Вриндаванской роши схватил меня за руку.
 Простоквашу мою съел, горшок разбил, схватил меня в объятия.
 Ох, этот красавец Кришна, схватил, уронил мой кувшин.
 Манмохан будто и не брал подношений, всегда приходит в Гокул.
 Господь Миры Гиридхар Нагар, повелитель всех моих рождений.

* * *

Подружка, мой стыд стал моим врагом.
 Почему не уехала вместе с Лал Гопалом.
 Жестокосердный Акруп²⁶ пришел, а куда увлекла
 украшенная колесница Кришну?
 Акруп увез Гопала на колеснице, а как я горюю.

С тяжелым сердцем рассталась я с Шьямом, в разлуке так страдаю.
Лала Гиридхар, сердце рабыни Миры почему не разорвалось на кусочки!

* * *

Нельзя изменить карму или встать на ее пути.
Благородный раджа Харишчандра опустилсЯ до работы
низкокастового могильщика.
Братья-пандавы и их жена Драупади замерзли в Гималаях.
Сын Прахлады Бали совершал жертвоприношения Индре,
его отправил в ад Вишну-Вамана.
Господь Миры Гиридхар Нагар, ре, яд превращает в амриту.

* * *

Подружка! Понравился мне Вриндаван!
Во всех домах служат Кришне и тулси ²⁷, везде образ Говинда.
Чистая вода струится в реке Джамне, все пьют молоко и простоквашу.
Сидя на троне, здесь царствует Кришна в прекрасной короне.
Утром, когда бродила по лесу, слышала голос свирели.
О Господь Миры Гиридхар Нагар, бессмысленна жизнь человека,
не поклоняющегося тебе.
Молись, сердце, стопам-лотосам вечного Господа!
Все, что видишь, подружка, кругом в мире, все не вечно.
Много ли толку в посещении святых мест, обетах,
труднодоступном знании?
Не гордись этим телом, все станет прахом-землей!
Этот мир — пустая игра, настанет вечер — покинешь его.
Надев желтую одежду, отрেকшись от мира, достигает ли цели отшельник?
Не обретя единения с Богом, даже став йогом, вновь родишься.
Я, слабая женщина, твоя рабыня, зываю к Тебе:
«Господь Миры, Гиридхар Нагар, разорви сети».

* * *

Нектар имени Рамы вкушай, человек, пей сладость имени Рамы!
Отрекись от собрания злых, сядь в беседе достойных,
слушая рассказы бхактов о Раме.
Удали из души вожделенье, жадность, невежество, гнев и гордыню!
Вместе с Мирой погрузись в любовь к Господу Гиридхар Нагару!

* * *

Возьми меня в служанки, милый Гиридхар, возьми в служанки!
Сделаешь служанкой, насажу сад, каждый день буду видеть Тебя!

Каждый день буду петь в рощах Вриндавана об играх Говинда!
 Стану служанкой — смогу встретить Тебя, воспоминанья будут платой!
 Как овладеть твоей любовью — мучаюсь во всех рожденьях!
 На голове твоей убор из перьев павлина, ты в желтых одеждах
 с разноцветной гирляндой!

Милый, играющий на свирели, пасет коров во Вриндаване.
 Сад зеленый-зеленый я насажу, а в середине — цветник.
 Надену я красное сари для встречи с Темноликим!
 О Господь Миры Гиридхар Нагар, сердце в большом смятенье!
 О Господь, даруй мне свидание в полночь на берегу Джамны!

* * *

Знаю теперь, милый, знаю, какая твоя любовь!
 Мне досталась любовь — бхакти, другой не знаю.
 Вкусившей нектара, зачем даешь яд, что за обычай?
 О вечный Хари, Господь Миры — Ты мой единственный друг!
 Поселюсь я в Гокуле, стану браджейкой!
 Душа обретет радость, видя игры Кришны, Брадж дарует счастье.
 Во всех деревнях звучит музыка, все танцуют, так радостно смеются!
 У Нанды и Яшоды, ри, родился сынок, вечный Господь!
 В желтой одежде, на шее — гирлянда, в руках у него — свирель!
 Господь Миры, Гиридхар Нагар, дай же мне, ре, увидеть тебя!

* * *

Отреклась навсегда от рода, семьи, чести и разума!
 Обо всем позабыла, полюбив танцора в короне из павлиньих перьев!
 Увидев такую любовь к Шьяму, люди говорят: «Сбилась с пути».
 Мира знает, что всегда найдет защиту у Господа.

* * *

Подружка, я вся во власти Шьяма!
 Нарядно убравшись, привязав ножные колокольца, танцую, забыв стыд!
 Дурные мысли покинули меня в обществе садху, любовь к Шьяму
 открыла истинный мир!
 Без Шьяма мир — пустыня, земные дороги полны скверны.
 Мира танцует перед Гиридхар Нагаром в поисках любви-бхакти.

* * *

Мира полюбила Хари, и все стало ей помехой.
 Вместо обетов, постов украсила себя браслетами, тилаком, ожерельем.
 Неужели не примешь моих украшений как дара, ведь в этом
 мое сладкое знание.

Пусть меня осуждают, пусть попрекают, а я воспеваю
достоинства Говинда.
Я уйду по той дороге, по которой пожалует ко мне садху.
С царственного слона не пересаживаются на осла, так не бывает.

* * *

Подружка, я буду воспевать достоинства Говинда!
По обычаю, поднявшись утром, пойду на свидание с ним.
В храме Хари буду танцевать и звенеть колокольцами.
Буду петь под музыку имя Хари, тем и достигну брега спасенья.
Этот мир как заросли колючего кустарника ююбы, мешают встретить
на тропинках любимого.
Мира, встретиться бы с Господом Гиридхар Нагаром,
воспеная его достоинства.
Подружка, я буду воспевать достоинства Говинда!
Рассердится раджа — откажусь от подданства, а рассердится Хари —
куда пойду?
Рана прислал чашу с ядом, выпила — узнала вкус амриты стоп Хари.
Прислал черную кобру в корзинке, а оказался в ней
священный шалиграм.
Теперь Мира безумна от любви, хочет получить Темноликого.

* * *

Эй, подружка, я не могу жить без Хари!
Свекровь бранится на моего Кришну, рана в большом гневе.
Охраняет меня, стережет, посадив под замок.
Но ведь моя любовь старая, с прежних рождений,
как могу от нее отречься.
Господь Миры Гиридхар Нагара, неужели не будешь ей защитой.

* * *

Мои глаза жаждут увидеть [Кришну].
День и ночь провожу, глядя на дорогу, подружка, глаза полны печали.
Прилетела и закуковала кукушка, услышала ее голос и запела.
Все мне говорят резкие слова, смеются надо мной!
Мира, ре, предала себя в руки Хари, она его раба во всех рождениях.

* * *

Куда пойду, преисполненная такой любовью?
Я в смятении, не видя Тебя, жизнь провожу в тревоге.
Ради тебя стану йогини, в Каши сама отрублю свою голову,
[принесу в жертву свою жизнь].
Господь Миры, Гиридхар Нагар, я рабыня твоих нежных стоп.

* * *

Полюбила йога и обрела горе.

Полюбила, а счастья нет, подружка, у йога нет друзей, близких!

День и ночь нет покоя, без тебя все напрасно.

Такого состояния никто не видел в этом мире.

Мира, когда же повстречается Господь, только тогда возможно счастье.

* * *

Иметь другом йога — лишь испытывать горе.

Встречаясь, говорит сладкие слова, затем забывает.

Не медлит, срывая, подружка, как цветок жасмина.

Мира, без тебя сердце разрывается от боли.

Господин, куда удалился, любовь внушив?

Покинул, оставив мне лишь надежду, а меня сжигает огонь любви.

Я утонула в океане разлуки, любовь правит лодкой.

Мира, ре, Господь, когда встретимся, без тебя не могу жить.

* * *

Не знаю как и жить без Шьяма!

Пожертвую любимому тело, душу, жизнь, я очарована его обликом.

Не ем, не пью, вся исхудала и увяла.

День и ночь повторяю имя Кришны, глядя на дорогу, когда увижу!

Постоянно обращаюсь к тебе с мольбой, так провожу день и ночь.

Мира, ре, без встречи с Хари, страдая, живет.

* * *

Без милого нейдет сон!

Нейдет сон, страдаю в разлуке, огонь любви сжигает.

Без любимого нет света в храме [души], огонь сострадания не горит.

Одиноко мое ложе без милого, бодрствую, страдаю ночью.

Когда же милый придет в дом!

Квакают лягушки, кричат павлины, кукует кукушка, поют папихи.

Находят бродячие тучи, пугают блеском молний, из глаз текут потоки.

Скажи, верная благородная подружка, когда встречу с милым?

Когда Мира встретит Господа, когда он меня полюбит,

когда побеседует со мной с улыбкой?!

* * *

Без любимого не нравится мне и праздник холи! ²⁸

Грустит село, грустит страна, грустят дом и ложе.

Грустит разлученная, качаясь без милого на качелях, милый ушел,
покинул, разлука принесла горе.
Здесь ли или ушел он в дальнюю сторону, для меня все бессмысленно.
Считала — вычисляла на пальцах, ри, но не пришел Кришна-Мурари.
Звучат тарелки, барабаны, флейты, звучит струнная эктара.
Пришла весна, но не пришел любимый, я объята горем.

Почему забыл меня Шьям?

Стоя, взываю к тебе, Гиридхар, охраня мою честь!
Мире пусть встретится Господь, пусть в рождениях будет она
незамужней, любящей твои стопы.

Ох, без милого мне не нравится дом, не прельщает двор.
Ох, где-то на чужбине милый украшает дом, зажигаются светильники.
Грустная, я орошаю пустое ложе слезами, нейдет сон.
С каких пор, ри, стоя, смотрю на дорогу, день и ночь страдая в разлуке.
Кому поведаю о разлуке, сердце так одиноко, когда увижу милого!
Никто не встречал моего горячо любимого, хоть бы получить весточку!
Когда наступит время и я, радостная, окажусь в объятиях милого? Мира
поет песню холи.

* * *

С кем отпраздную холи, я одинока, милый покинул меня.
Сняла я драгоценное ожерелье, надела на шею четки йога.
Не люб мне дворец и яства, без милого стала безумной,
почему ты так далеко от меня?!
Теперь ты любишь другую, зачем же со мной развлекался?
Много дней прошло, а тебя до сих пор нет, как тянется время,
ох, зачем медлишь!
Господь, подари мне свидание, я твоя рабыня во всех рождениях,
не видя тебя, я так страдаю!

* * *

Ох, очарована моя душа!
Ох, подружка, а он не пришел!
Кому расскажу, все заняты домом и детьми, кому скажу как обманута!
Что делать, куда ушел украшенный павлиньими перьями, что,
так и страдать в разлуке?
Мира, твоя раба, жаждет свиданья, все ее помышления у стоп Хари.

* * *

Подружка, когда увижу Шьяма, сердце празднует, как огни арати,
наполняется священным огнем.

* * *

* * *

* * *

* * *

Пожалуй в мой дом, милый возлюбленный, без тебя весь мир —
одна скверна.
Я вручу тебе душу, тело, богатство и буду петь тебе восхваления!
Ты полон достоинств, а я ничтожная перед их океаном.
Я лишена достоинств, нет ни одного, о ты — всепрошающий.
Мира, скажи Господь, когда встреча, без тебя свет не мил.

* * *

Приди ко мне, Рама, надеюсь на твой приход!
От встречи с тобой я буду так счастлива, воистину прекрасно
это желание.
Между тобою и мной нет различий, как между солнцем и светом.
Душа Миры не чтит никого, кроме красавца Шьяма.

* * *

Йог дал совет.
Йоги — благородные, прекрасные люди, они медитируют
на Шиву со змеей.
Если пойду по этому пути, не смогу жить без милого на чужбине.
Сделай милость, защити, не уходи в свою страну.
Одену на шею бусы из дерева, подружка, возьму в руки черепок.
Став йогини, веками буду скитаться в поисках любимого.
Пришел сезон дождей, где милый, ведь обещал вернуться.
Ре, все считала-считала на пальцах, все их истерла.
Без милого вся пожелтела, подружка, а ведь я совсем молодая.
Мира-рабыня молится Раме, жертвуя ему душу и тело.

* * *

Приди в мой дом Шьям, устроим беседу-праздник!
Радостный праздник устрою, подарю тебе тело и душу!
Я ведь твоя рабыня, вспомни об этом!
С неба раздается гром, тучи изливают дождь.
Услышь голос саранги²⁹, это вызывает разлученная.
Приди в дом Шьям, я припадаю к твоим стопам.
Возьми Миру под твою защиту, прими жертвоприношение.

* * *

С каких пор нет восточки от Шьяма, уйдя, унес разум.
Взберусь на гору, посмотрю на дорогу, буду смотреть и плакать.
Не различаю дня и ночи, сердце разрывается в груди.
Когда Мира встретит Господа, своего друга прежних рождений.

* * *

Приди в мой дом, красавец Шьям!
Если не придешь, потеряю разум, мной владеет такая боль!
У меня нет другого господина, кроме тебя, хочу увидеть Тебя!
Когда, Господь, встретимся, моей душой овладеет радость!
Так трудно встретить Говинда, все бегу ему вослед.

Все ищу, выясняю дорогу, как бы обрести счастье.
Как только сердце тебя узнало, определилась моя судьба.
О вечный Господин Миры, ты моя любовь и в прежних рождениях!

* * *

Припадаю с любовью к стопам твоим, Гопал.
Когда любила мир, то никого не знала, а теперь знаю, каков он.
Окажи милость, дай свиданье, вспомни обо мне!
Мира говорит: «Все жертвую твоим стопам, Господь мой
Гиридхар Нагар!»

* * *

Мира полюбила, ри, священные стопы!
Все мне не мило без свиданья с тобой, мир — это майя или иллюзия сна!
Земной мир — это океан страданий, защита лишь — стопы Хари.
Мира, ре, Господь Гиридхар Нагар, припадает
к милосердным стопам, ри!

* * *

Я припадаю, ре, к твоим стопам, о Рама, ты знаешь,
как переплыть океан!
Я искала тебя по многим священным местам, не могу
смириться с поражением.
В этом мире никто не слышит твоего голоса, о Кришна!
Мира-рабыня надеется на Раму, он спасет ее из западни!

* * *

Без тебя, Гобардхан Гиридхари, кто выслушает мои слова!
На голове у тебя корона из перьев павлина, ты в желтой одежде,
пленительны кудри!
О Мурари-Кришна, ты охранил честь Драупади, защитил ее
в собрание раджей!
Мира, ре, всем жертвует твоим стопам, о Господь Гиридхар Нагар!

* * *

О Шьяма, сегодня я праздную Гангаур — праздник весны
в честь супруги Шивы.
В черно-желтых облаках сверкают молнии, гремит гром.
Кричат лягушки, павлины, папихи, кукушка не устает куковать.
Господь Миры Гиридхар Нагар, я вся в твоей власти!
Пришли тучи, ре, принесли сегодня потоки дождя!

Как звучат капли дождя, подружка, послушай, кричит кукушка!
Кругом все гремит, ликует, источает радость, небо покрыли тучи!
Сегодня милый Кришна придет в дом, подружки поют
величальные песни.

О Господь Миры, вечный Хари, я получила счастливую долю!

* * *

Отправимся в страну, где милый, отправимся туда!
Скажи, где милый в желтой одежде, скажи, где Господь мой!
Скажи, и я распушу волосы и украшу их жемчугом, скажи!
О Господь Миры Гиридхар Нагар, я восхваляю тебя, мой повелитель!

* * *

Ри, близок мой берег, Шьяма выпустил стрелу смерти.
Сжигает мое сердце огонь разлуки, скорбь овладела телом.
Быстрый ум уже не вершит работы, он — в оковах любви.
Разве кто-нибудь знает моего возлюбленного, разве кто-то знает
мою боль?

Не желаю больше жить, подружка, глаза изливают слез потоки!
Мира без свидания с Господом не сможет остаться в живых.

* * *

Моя душа стремится на берег Джамны.
В этой Джамне такая чистая вода, она принесет прохладу телу.
Там играет на свирели Кришна, вместе с ним брат Баларама.
На голове корона из павлиньих перьев, он в прекрасных
желтых одеждах, сверкает в серье алмаз.
Господь Миры Гиридхар Нагар развлекается вместе с Баларамой.

* * *

Хорошо бы поселиться в Гокуле, стать жительницей Гокула!
Женщины Гокула видят Кришну, радуясь, веселятся.
Одна поет, другая танцует, а третья — смеется.
У него желтая одежда, от него веет сладким ароматом!
О прекрасный Господин Гиридхар, повелитель Миры!

* * *

Сакхи-подружка, у меня есть Кришна-Канхейя, часть моего сердца.
На нем корона из павлиньих перьев, желтая одежда, сверкающие серьги.
В рошах, тропинках Вриндавана танцует юноша, сын Нанды.
Господь Миры Гиридхар Нагар со стопами-лотосами, похититель сердца!

* * *

Кришна играет на свирели на берегу Джамны.
 Победила мое сердце песня свирели, не владею рассудком.
 О Шьям Канхейя, Шьям как лотос, Шьям у воды Джамны!
 Слушая звук свирели, все забываю, горит-пылает мое тело.
 О Господь Миры Гиридхар Нагар, утоли поскорее мою печаль.

* * *

Слушая свирель, я стала безумной, подружка, нет счастья мне без Хари!
 Слушая мелодию, я все позабыла, сердце поймано в силки.
 Сегодня, подружка, невежа уташил мое сари, а сам уселся на дереве!
 Ох, и ругалась я сегодня на Гиридхара, подружка, что за невежа!
 Я зашла в Джамну набрать воды, а тут, подружка, и появился Кришна.
 Схватил, невежа, мою одежду, я осталась стоять, подружка, раздетой.
 Свекровь бранится, а Кришна настойчив; ругаясь с ним,
 еле спаслась, подружка!
 Господь Миры, Гиридхар Нагар, стопам-лотосам все жертвую я,
 подружка.

* * *

Идет по моей улочке Гиридхар!
 А я, стыдась, потихоньку спряталась.
 На нем разноцветный тюрбан, желтая одежда, гирлянды из цветов.
 Сверху — корона из перьев павлина, сверкают прекрасные серьги.
 Ниспадает рекой желтое дхоти, сверху надета куртка.
 Идет и поглядывает Кришна, а милая Радха спряталась.
 Как идет ему корона из перьев павлина, у него редкостная
 походка танцора.
 Шею украшает ожерелье из жемчуга, лотосам-стопам его можно
 пожертвовать всем.
 Милая Радха стоит и молит его, выслушай, Кришна!
 Господь Миры Гиридхар Нагар, Мира склоняется к твоим ногам.
 Куда ушел Хари, которого я так любила!
 Он околдовал любовью, так играл на свирели с чувством!
 В душе моей одна лишь мысль: выпью яду, чтобы умереть.
 Покинул, изменив, лодка любви уплыла.
 О Господь Миры, когда увидимся, ты живешь теперь в Матхуре!

* * *

Ушел на второй лунный месяц Шьям!
 Когда жил в рощах Вринлавана, всех уловил в сети любви.
 Господь Миры Гиридхар Нагар, как любить теперь ушедшего далеко?

* * *

Все грехи своей кармы кому передать можно, ре, Уддхав?
Послушай, моя соседка, он хочет нас сделать сумасшедшими.
Сердце мое раньше получило знание, я полна материнской любви.
Я знаю, что никогда не откажусь от Хари, так уж, плохо ли, хорошо ли,
написано в моей карме.
Господь вечный Миры Хари, сними все препятствия!

* * *

Оденусь-ка я как Кришна-пастух, такая мысль мне пришла в голову.
Изменю свой облик, тело по-другому одену.
Возьму в руки свирель, обернусь в желтое дхоти.
Оденусь как пастушок с короной из перьев павлина, пойду пасти коров.
Как было прекрасно в цветущих рошах в сезон дождей во Вриндаване.
Птицы и коровы слушали раскаты грома, звук дождя!
О гуру, скажите, почему так трудно жить в этом мире!
Господь Миры, Гиридхар Нагар, живи здесь и дай свиданье!

* * *

Иду в ту непостижимую страну, где страшусь увидеть смерть.
Там любви источник, там играет лебедь.
Вместе с садху и святыми там получишь знание.
Медитируя на смуглолицего Кришну, ум просветлится.
Став добродетельным, получаешь удовлетворение.
Вся буду в украшениях, одену золотые браслеты.
Я люблю одного смуглолицего Кришну, который дарует счастье.
Ох, подружка, Кришна овладел моей душой!
Что поделаю, куда пойду, подружка, я связала жизнь с ним!
Я пошла по воду, подружка, на голове держала кувшин.
Вдруг повернулся ко мне смуглый юноша и околдовал меня.
Забыла про людской стыд, тут-то все и произошло.
Мира — служанка Гиридхар Нагара, ищет именно такой дар.

* * *

Любимый, любимый, любимый, любимый, люблю тебя,
жестокий возлюбленный.
Пошла я по воду на Джамну, на голове с золотым кувшином, ре.
Всю стыдливость победил, связал Хари, куда влечет, туда и иду, ре.
Господь Миры Гиридхар Нагар, да здравствует темноликий Кришна!

* * *

Играет холи Гиридхар.
Звучит флейта, тарелки, бубны, играет холи с девушками Браджа.

Берите бога задаром!

**Поэтическая автобиография
Тукарама**

Перевод с маратхи И. П. Глушковой

Небольшой городок Пандхарпур площадью около 13 кв. км с населением не более 80 тысяч, расположенный в низовьях реки Бхимы в Южной Махараштре, известен не только в маратхиязычном регионе Индии, но и за его пределами, и прежде всего в соседнем — каннадаязычном штате — Карнатаке. Неувядающая слава и притягательная сила городка объясняются тем, что здесь находится обитель удивительного бога Витхала (Витхобы, Пандуранги), который уже более десяти веков является центральным объектом поклонения у приверженцев «варкари панtha» — регионального варианта общеиндусского религиозно-реформаторского течения бхакти. Варкари, то есть те, кто совершают в строго определенное время «вари» — обязательное ежегодное паломничество в Пандхарпур, направляются в священный город с единственной целью: получить «даршан» — лицезрение — любимого божества и совершить «падаспаршу» — прикосновение к стопам Витхобы.

Храмовый комплекс в Пандхарпуре известен с XII в., в XIII в. — «золотую» эпоху маратхской архитектуры — он был перестроен и значительно расширен в стиле «хемадпантхи», носящем имя одного из знаменитых маратхов, министра Хемадри Панта, главного советника при дворе Рамачандры из первой маратхиязычной династии Ядавов, заложившей собственное государство на территории современной Махараштры. Однако уже в 1325 г. Пандхарпур оказался на землях, контролируемых мусульманскими правителями, и до 1719 г. неоднократно менял «подданство», переходя в ходе междоусобных войн и конфликтов от одного мусульманского султана к другому. На протяжении четырех веков храм неоднократно разрушался и снова восстанавливался, на его месте однажды была возведена мечеть, сноса уступившая место храму, и спокойная история обители Витхобы начинается только в XVIII в., когда он оказался на землях Государства маратхов, возглавляемого пешвами¹.

Происхождение Витхобы-Пандхринатха (владыки Пандхарпура)² все еще таит в себе немало загадок, а судьба его скульптурного изображения не только загадочна, но и трагична. До сих пор ученые не пришли к единому мнению относительно этимологии имени пандхарпурского божества. Вероятно, Витхоба — пастушеское божество дравидских корней, культ которого был поглощен Махараштрой после захвата в XII в. соседнего — дравидского — Карнатака династией Ядавов. К этому хронологическому периоду уже завершился первый этап культурно-исторического процесса соединения и смешения богов «высокой» и «малой» традиций, в результате чего возникли невероятные симбиозы, наделенные многочисленными — нередко противоречивыми — характеристиками и атрибутами³. В сознании адептов Витхоба ассоциируется с Кришной, аватарой — воплощением — Вишну, и для объяснения, как этот бог оказался в Пандхарпуре, сложилась следующая легенда, зафиксированная в средневековых санскритских и маратхских источниках: местный брахман Пундалика, проведший бурную молодость, к зрелому возрасту преисполнился сыновьего почтения и стал надежной опорой своих престарелых родителей. Однажды, когда он омывал им ноги, в поисках

своей рассерженной жены Рукмини, покинувшей Дварку, в Пандхарпуре появился Кришна-Витхоба и, подойдя к жилищу Пундалики, окликнул его. Последний, не прерывая своего занятия, со словами «Подожди, пока закончу обслуживать родителей», кинул богу под ноги камень. Кришна-Витхоба встал на камень да так и остался в Пандхарпуре, потрясенный силой сыновних чувств Пундалики, а народная этимология устойчиво связывает имя Витхобы с корнем «вит-» — «кирпич». Легенда не объясняет, каким образом шиваит Пундалика, почитавший своих родителей, как Гаури (Парвати) и Хару (Шиву), ответственен за воцарение в Пандхарпуре аватары Вишну. Махараштра, впрочем, славится тесным и миролюбивым переплетением шиваитских (более древних для этого региона) и вишнуитских тенденций, а многочисленных поклонников Витхобы нюансы его происхождения не интересуют: для них он — Парамешвара — Верховный Бог Вселенной, Парамартха — Верховная Душа, Парабрахма — Всемогуший и Всепроникающий, но снисходительный и трогательно заботливый, а потому воплощенный в зримом образе.

Пандхарпурское скульптурное изображение Витхобы условно датируется VI в., по ряду параметров соответствуя скульптуре периода династии Гуптов. Однако неизвестно, где и при каких обстоятельствах было изваяно изображение и место его нахождения до XII в. Да и после того, как оно украсило главное алтарное помещение храма в Пандхарпуре, изваяние периодически и на длительные сроки исчезало из храма: при первых признаках надвигающейся опасности преданные варкари надежно упрятывали любимое божество. Так, например, фигура Витхобы отсутствовала в Пандхарпуре в период между XIV и XVI вв., пока (как гласит легенда) брахман Бханудас, пралед великого поэта традиции варкари Эканатха⁴, не возвратил ее обратно в Пандхарпур. В конце XVII в. изображение снова укрывали в различных тайниках, и оно прочно обосновалось в Пандхарпуре только в начале XVIII в. Правда, и здесь неожиданности по-прежнему подстерегали Витхобу: в 1873 г. во время массового паломничества случайно или преднамеренно шиваит-госави⁵ ударом клюки переломил правую ногу божества, и пока скульптура подвергалась реставрации, службы в храме были остановлены. Существует мнение, что в этот момент изображение было заменено на новое⁶, но жрецы пандхарпурского храма с возмущением его отвергают: антропоморфное изваяние Витхобы традиционно считается «самовозникшим», а не рукотворным, и следовательно, не подлежащим обновлению.

Пандхарпурское изваяние Витхобы не носит следов артистического совершенства: черты божественного лица безыскусны, взгляд невыразителен, а сама фигура груба, примитивна и лишена характерного для классического канона «троичного излома», когда голова, торс и ноги располагаются в различных плоскостях. И все же это и изготовленные по его подобию изображения Витхобы в других махараштранских храмах представляют уникальное явление в индусской иконографии. Во-первых, общепризнанное вишнуитское божество увенчано головным убором в виде «лингама» — фаллического сичвола Шивы. Во-вторых, изобразительная

специфика Витхобы отличается яркой индивидуальностью — он всегда ваяется или изображается только в вертикальном положении и никогда сидящим, облокотившимся или лежащим; руки упираются в бока (поза «акимбо»), а ноги с параллельными стопами стоят на камне. Эти признаки в сумме безошибочно выделяют Витхобу из сонма других индусских богов, и именно они являются неизменными объектами поэтического восхищения одаренных представителей традиции варкари. Впрочем, весь облик и аксессуары темнолицего божества, а также приписываемые ему внутренние свойства вызывают не меньшее восхищение. В гимнах поэтов-проповедников Витхоба выглядит гораздо более значительным и впечатляющим, чем в реальности, что и не удивительно: адепты, вызывая о богоявлении, видят его не анатомическим зрением, а глазами души через призму своих мистических настроений. А Пандхарпур, город, где царит Витхоба, является не только «тиртой» и «кшетрой» — священным местом паломничества, но воспринимается как земное воспроизведение Вайкунтха — небесной обители Вишну.

Величию Пандхарпура
 Какие найдутся сравненья?
 Нет более места такого,
 [Где] сразу же бог встречается.
 Иные святые места есть,
 Приход в них, [однако], не сразу дарует успех —
 Молвит Тука: [этот] город —
 Вайкунтх на земле.

(2400) ⁷

К Вайкунтху ведет мучительная аскеза ⁸,
 Жизнь подвергается существенным разрушениям.
 Благодеяние совершил Пундалика —
 Для облегчения ноши земной
 Сделал дорогу легкой. [Так] говорит Тука:
 В наземный Вайкунтх [превратил] Пандхарпур.

(2401)

Благословен Пандхарпур, благословен берег Бхимы,
 Смыслом наполнил Пундалика эти места.
 Благословенны [живущие в нем] божьи люди,
 Счастье любви в каждом доме.
 Благословенны земля и деревья,
 Благословеннен святой водоем,
 Благословенны мужчины и женщины, имя во рту [державшие] ⁹,
 [К богу] взор [обратившие] ¹⁰.
 Мир весь ликует от радости,
 Благословенны звери и птицы, черви и камни —
 [Там] воплотился Нараяна ¹¹ —

Тука сказал: благословенна жизнь тех,
Чьи чувства окрашены цветом [любви к] Хари.

(2414)

Красиво изваяние это, на камне стоящее,
С руками, упертыми в боки,
На шее [висит] ожерелье из тулси ¹², бедра [прикрыты] накидкой.
Именно этот образ нравится неизменно.
Рыбовидные серьги сверкают в ушах,
На горле красуется сокровище Кришны ¹³.
Вот оно счастье мое, — [так] говорит Тука, —
Буду с любовью смотреть на святое лицо.

(3)

Руки в боки, ожерелье из тулси —
Облик этот яви взору, Хари.
Ноги, вросшие в камень, —
Облик этот яви взору, Хари.
На бедрах накидка, изящный узел —
Именно этот единственный облик яви.
Стоящий вблизи гарудпара ¹⁴
Образ на память приходит.
Таю, в скелет превращаюсь,
Приди, Пандхринатх, на встречу.
Желанье мое исполни, — [так] говорит Тука, —
[Не наполняй] печалью прошение мое.

(8)

Тукарам родился в деревушке Деху на берегу реки Индраяни неподалеку от города Пуны в 1608 г., хотя называют и другие — более ранние — даты. Семейные предания хранят память о том, что восемь поколений предков Тукарама, не пренебрегая мирскими занятиями, поклонялись Витхобе как родовому божеству. Такая же судьба была уготована и Тукараму, но жизнь распорядилась по-своему, и Тукарам, незаметный и малограмотный лавочник из низкой касты, стал блистательным и самым популярным поэтом-проповедником традиции варкари. Предельная искренность созданной им яркой поэзии не только придала мощный импульс культу почитания Витхобы, но вошла в сокровищницу маратхской национальной культуры как одно из самых дорогих украшений, не меркнувших ни под разрушительным воздействием времени, ни вследствие неизбежных перемен в ценностной ориентации. Творческое наследие Тукарама — более 4500 абхангов — представляет собой бессознательно воспроизведенный автопортрет поэта в контексте его взаимоотношений с Витхобой. Можно схематизировать этот портрет, отбросив все второстепенное и малосущественное, но можно прислушаться к голосу самого Тукарама, который в различных обстоятельствах и на различных этапах

своего духовного совершенствования снова и снова обращается мыслями к метаморфозам своей судьбы. И тогда второстепенное окажется немаловажным, а малосущественное превратится в необходимые подробности, придающие объем и глубину воссоздаваемой жизни праведника и подвижника ¹⁵.

По касте шудра ¹⁶, по традиции рода занимался торговлей,
Издавна этот бог — для наших семейных молитв.
Говорить не хотел, да слово держу, [данное] сантам, ко мне
обратившимся.

Беды мирские меня [привели] к печали —
Отец и мать этот мир покинули,
В недородную пору иссякло богатство, почтение ушло,
Жена одна, о еде моля, умерла,
В жизнь вошел стыд, горем измучился,
В делах торговых увидел прореху,
И бога храм разналился —
Вновь его возвести душа пожелала.
Спел киртан ¹⁷ сперва на одиннадцатый день ¹⁸,
[Но] разум мой в это не погружался.
Выучил некоторые изречения сантов ¹⁹,
Веря в них и их почитая.
Если пели — присоединялся
С чувством, помыслы очистив.
К сантов ногам припадал,
В душу стыд не пуская.
Получалось — делал добро другим,
Даже если тело измученным было.
Сродственников слушать перестал,
Подступило отвращенье ко всему мирскому.
Правду-неправду душа различать начала.
Мнению многих внимать перестал,
[И] наставление гуру ²⁰ воспринял во сне,
На имя с твердостью уповая.
После пришло поэтическое вдохновение,
В мыслях уцепился за ноги Витхобы.
Запрет [на стихи] разразился бедой ²¹ —
Это мой разум в печаль погрузило.
Тетради в воду швырнул и сел в знак протеста.
Нараяну это удовлетворило.
Рассказывать в подробностях
Долго, хватит пока.
Сейчас что думаю — ясно,
Потом что — знает лишь бог.
Никого из верующих не обойдет вниманием,
Милостивый он — это уже я постиг.

Тука молвит: все мною прожитое
Выразил речью моей Пандуранга ²².

(35)

Слушайте речь эту, санты,
Никчемный я совершенно.
Любите за что?
Почему почитаете?
Разум мой меня убеждает —
Истина [в том, что] я не доплыл ²³.
Подражая кому-то,
И другой меня признает.
Многое претерпел в жизни мирской —
Хвосты крутил ²⁴, скот подгоняя.
[Достатка] не принесло,
Задумался [из-за этого].
Богатство, [что было,] ушло —
Я от него не отрекся,
Нищим и брахманам раздав.
С любимой, сыном и братом
Связи порвал.
Сразу стал отрешенным,
Обделенным судьбой, невезучим.
Лица не показывал людям,
Задворками пробирался, по лесу бродил.
Одиночество — знайте —
В привычку вошло.
Боль в животе совсем истерзала
И мысль, что нет доброты.
[Кто-то] окликал — «Хорошо», —
Так приговаривал.
Было в роду служение этому богу,
Поэтому и стал я ему молиться.
Не из-за веры, — молвит Тука, —
Если кому-то так показалось.

(36)

Наивысший наставник милость мне оказал,
Хотя и не сделал я ничего.
На дороге [он] оказался, когда [я] шел для омовения к Ганге ²⁵,
И руку на лоб возложил мне.
Чуток топленого масла ²⁶ к еде попросил,
Во сне я забыл об этом ²⁷.
Что-то [нам] помешало,
И он поспешил уйти.
•Рагхава Чайтанья, Кешава Чайтанья• ²⁸, —

(61)

(66)

(29)

(37)

Так повествует Тукарам о событиях своей жизни, предшествующих духовному перерождению. Недостающие звенья в цепочке земных страданий Тукарама восстанавливаются из абхангов его последователей и учеников Бахинабаи³⁴, Нилобы³⁵ и биографа всех поэтов-проповедников традиции наркари Махипати³⁶. Груз жизненных забот свалился на Тукарама в достаточно юном возрасте: стареющий отец не решился передать семейное дело в руки Саваджи, старшего брата Тукарама, с раннего детства отрешенного от мирской суеты, и тринадцатилетний Тукарам был вынужден осваивать азы торговли и «махаджанки» — мелкого ростовщичества. Благополучный период длился недолго — умерли родители и жена старшего брата, Саваджи избрал долю бродячего аскета; во время голода, вызванного катастрофической засухой 1629–1630 гг., умерла первая жена Тукарама и его старший сын. Из-за стечения обстоятельств или из-за отсутствия у Тукарама практической хватки и смекалки семья разорилась, и Тукарам оказался банкротом. С лихвой испив чашу людского презрения, он в полной мере осознал тленность и иллюзорность мирского благополучия. Однако путь к Богу не был ни простым, ни легким: каждый мистик живет в ожидании «друшанта» — осязаемого явления Витхобы, означающего, что бог принимает на себя обязательства в отношении верующего. Несмотря на уже сознательные усилия Тукарама, направленные на установление мистического контакта с божеством, Витхоба не отзывался, и сверхостро ошущавший свою обездоленность Тукарам впал в эмоциональное неистовство, обрушив на Витхобу поток богохульных песнопений. Среди эпитетов, которые в запале произносил деревенский торговец, — «вор» и «шлюха», «лягушка» и «собака» и даже совсем нецензурные «задница» и «сношающийся член».

Известно мне теперь —
В тебе нет силы.
И в имени [твоем] нет мощи —
Разрушена любовь к тебе.
Становится помехой грех
И нарастает гнев.
[Вот] качество [твое], — [так] Тука говорит, —
Бессильный ты, Виттхал.

(1390)

Хватит, довольно [с меня] компании твоей,
Хватит общения с тобой, Витхоба.
В нищих, подобно себе,
Слуг ты своих превращаешь — все это знают.
Облика нет у тебя, имени нет,
Делаешь нас такими же, боже.
Сам в узлах запутался, — молвит Тука, —
И нас запутываешь тоже.

(1354)

Ясна [твоя] божественная суть,
 Кто сохранит теперь секрет твой?
 Вплоть до сегодняшнего дня бьешь почему меня?
 Теперь тебе отвечу,
 Все, что скажу, твое.
 Бесстыжий [ты], без касты и без роду,
 [Ты] вороватый, знай, и похотливый,
 Ешь камни, землю, существа живые и деревья,
 И голый [бродишь] вдаль.
 Осел [ты] и собака — ясно мне,
 Ты, боже, бык навьюченный,
 Ты лживый — знали многие,
 И то же самое известно стало мне.
 Меня, запальчивого, ты раздухорил, —
 [Так] Тука говорит, —
 Теперь мой рот не остановишь.

(1516)

«Рот», или язык, эмоционального и импульсивного Тукарама действительно было не удержать. Сравнивая себя с рыбой, выброшенной на берег и испытывающей страшные мучения, он переступал границу, отделяющую человека от бога, и чувствовал себя на равных с Виттхалом не только в любви, но и в гневе. Выбрав направление жизненного пути, Тукарам уже не сворачивал с него, но хладнокровие и выдержка, а вернее, еще не достигнутое состояние бесстрастия, неоднократно подводили его. «Темная ночь души» — состояние надломленности, через которое проходили многие мистики, усугублялась невыносимой обстановкой в доме, где жена Тукарама, сварливая Джидзабаи, во многом справедливо упрекала мужа за пренебрежение к обязанностям семьянина. Измученная нищетой, Джидзабаи винила в обрушившихся бедах прежде всего Витхобу, из-за которого, по ее мнению, Тукарам просто сошел с ума. Однажды она даже попыталась причинить физическую боль богу, приложив к губам изваяния плошку только что закипевшего молока в качестве ритуальной пищи. В абхангах Тукарама прорывается и ее голос:

В доме мешок появился,
 Зерна не дает детям.
 Желудки других наполняет
 Подохший, ворюга, обжора.
 Сошедший с ума взбесился,
 Бьет в ладоши, как ракшас³⁷.
 Молвит Тука: эй, бабка,
 Нажитое кармой — ложно³⁸.

(42)

Дети, что теперь будете есть?
 Муж помешался на боге,

До самой макушки навешал гирлянды,
Забросил дела [по дому].
Заботится о себе,
На нас — никакого внимания.
В руках тарелочки, рот раззявил,
В храме у бога поет.
Что теперь будем делать?
Нет его дома, в лес уходит.
Тука молвит: мужайся,
Я еще здесь пока.

(43)

Хорошо, что ушел,
Сегодня все получили.
Наемся теперь до отвала
Лепешек с подливкой и без.
Сколько еще мне, жене
Рот выворачивать в крике.
Тука молвит: жене
Нравится фырчать.

(44)

Феномен творческого наследия неизменно и даже простодушно искреннего Тукарама именно в том и заключается, что его абханги содержат в себе не конечный результат поисков духовного совершенства и религиозно-философских идеалов, но описывают процесс этого поиска в обрамлении множества неудач и разочарований, а затем и последующий шудра Тукарам становится непререкаемым нравственным и духовным авторитетом. Сам он усматривал в этом только волю Витхобы и не позволял гордыне и высокомерию поселиться в своем сердце:

Низка моя каста,
Но славят меня санты.
От этого гордыня прокрадывается в тело,
Чтобы меня поразить.
Кажется, я один
Наделен [верным] знанием.
[При таком восприятии] жизнь уходит впустую.
Молвит Тука: сбереги меня, владыка Пандхарпура.

(1020)

В отношении своего неожиданно проявившегося поэтического дарования Тукарам испытывает то, что лучше всего передается выражением «поэт милостью божьей». Ответственность за произвольное стихоизвержение Тукарам возлагает на Витхобу, определяя себе скромное место рупора или, по его образному выражению, «формы для заливки металла», из которой возникают «отлитые» божеством песнопения. Он даже

не всегда уверен, что полностью осознает произносимые им сентенции и продолжает терзаться недостатком собственной веры:

Дай мне прочувствовать, [что именно ты] говоришь.
 [Если откажешься], то надо мной надсмеешься, о боже.
 Может быть пища вкусной без соли?
 Безжизненный труп зачем украшать?
 Без мастерства лицедейство совсем как насмешка,
 Облик красивый без достоинств бессмыслен,
 Без жениха и невесты брачные мантры
 Означают впустую ушедшие деньги.
 Тука молвит: то же творится со мной,
 Не обжигает изнутри огонь любви.

(256)

Как повелел, так пробормотал,
 Криво ли, прямо — знает сам бог.
 Ради кого это все сотворилось?
 Божий замысел богу известен.
 Тука молвит: я в стороне от этого,
 Погрузил на Гопала ³⁹ всю ношу.

(153)

Скажет кто: мол, стихи я слагаю,
 Нет, эту речь не я говорю.
 Не из моих ухищрений выходит,
 Через меня говорит Вишвамбхара.
 Знаю ли я, ничтожный, разницу смыслов?
 То говорю, [что меня] заставляет Говинда.
 [Он] усадил [меня] под предлогом [стихи] отмерять.
 Сам я никто, мошью хозяина [все происходит].
 Я только верный слуга, — молвит Тука, —
 Ставлю печать имени [бога].

(3370)

Божьим промыслом Тукарам считает не только свой поэтический дар, вызывающий изумление как у него самого, так и у его приверженцев. Для Тукарама весь окружающий его мир представляется наполненным божеством и проявлением его божественной воли. Яростный теизм поэта растворяется в пантеистических представлениях:

Отдельный ото всех
 Тайком играет в игры.
 Как в представлении с марионетками,
 Бог дергает за нити,
 Сам оставаясь в стороне,
 В пляс запускает [всех].
 Отпустит ежели веревку,

Падет тот бездыханно,
[К кому привязана она].
Узнайте это, — Тука молвит, —
И подружитесь [с ним].

(1104)

Нет различия между нами,
[Раньше] я просто шутил.
Ты — моя форма,
Я — это ты.
Я, боже, в тебе,
Тела моего услуги [ты] берешь.
Я неизменно в тебе,
Сила твоя во мне.
Ты говоришь моим ртом,
Я, находясь в тебе, счастлив.
Тука молвит: о боже,
Различаемся мы [только] именами.

(1850)

Солнечный луч и солнце
Нельзя разделить.
С нами случилось то же —
Бог живет в нашем теле.
Сахар и сладкий вкус
Как разделить [на две части]?
Тука молвит: звук рождается [в небе]
И в небо уходит.

(1677)

Сладость это [прежде всего] сахар,
Так и бог распространился повсюду.
Как мне теперь исполнить бхаджан ⁴⁰ —
Бог — и внутри, и снаружи.
От воды отделить
Нельзя волну.
Украшение — [только] другое имя золота.
Тука молвит: так же и с нами.

(1678)

Как вознести тебе молитву, о Кешираджа ⁴¹,
Сомнения одолели в связи с этим.
Окропил бы водой ⁴², но вода — это ты.
Что свое мне отдать тебе, боже?
Наисладчайший из ароматов, запах цветов — [это ты],
Что я, бессильный, могу [тебе] дать?
Бетель, и рис, и плоды — от тебя,

Что мне тебе подарить, Ананта?
 Богатство бы отдал, но это — ты,
 Брахмы⁴³ кроме еды нет другой.
 Спел бы тебе — ты [сам] повторение ОМа⁴⁴, [все] звуки,
 Места для танца нигде не осталось.
 Тука молвит: мое все — твое: и имя,
 И масло, и светильник, и [мантра] — «Рама Кришна Хари».
 (1695)

Может создаться впечатление, что основным философским принципом мировоззрения Тукарама является «адвайта», то есть признание нераздельности мира, составной частью которого является индивид, и бога. Однако для Тукарама — не сознательного, обученного, а стихийного философа, адвайта и двайта переплетаются и представляют собой части одного целого. Если даже мир и бог или человек и бог и едины, то для практикующего вишнуита — а к таковым относит себя Тукарам — восприятие бога как отделяемой величины существует уже потому, что дает возможность определить конкретный объект почитания и конкретную — достижимую — цель.

Санчита, прарабдха, криямана⁴⁵ —
 Все превратилось в Нараяну.
 С нами ничто не связано —
 Смерть и помехи прочие.
 Бог разлился повсюду —
 Как двайта или адвайта —
 Молвит Тука: Хари
 Играет нами изнутри.
 (1749)

Что за спор — раздельность или нет,
 Только верой постигается Парамананда⁴⁶.
 Быстро проходит жизнь,
 Думай, где пользу искать.
 Тука молвит: польза в вере с любовью,
 Лицемерие — колющее украшение.
 (3468)

Пусть полыхает огнем мое понимание,
 [Которое] меня растворяет в тебе.
 В [искренней] привязанности
 Хороший способ [это] опровергнуть.
 Ты — хозяин, я — слуга,
 Высокий статус и низкий.
 Этим следует наслаждаться,
 Это не должно нарушать.
 Вода не поглотит воду,

А дерево — свои плоды,
Их потребляет другой,
Им воспринимается сладость.
Бриллиант оттеняет оправа,
Золото играет в украшении.
[А если] они едины,
Как узнает другой [о существовании первого]?
Из-за зноя желанна тень,
Для ребенка сочится молоко у матери.
Осознается счастье тогда,
[Когда] одно встречает другое.
Тука сказал: пользу
В таком [разделении] душа моя видит,
Не надо освобождения —
Это я осознал.

(1935)

Нам не трудно достичь освобождения —
Вот оно — в нашем узелке.
[Но] душа жаждет праздника любви —
В исполнении [этого] — чудо.
Какая заслуга отдать то, что есть?
Признаем за пользу и с радостью берем.
Тука говорит: дай круг перерождений,
Чтобы было в нем место для нашей любви.

(1931)

Освобождение твое, о боже,
Бессмысленно. Оставь его себе.
Мне нравится любовь [к тебе],
В душе нет сладости к освобождению.
Все остальное
При себе держи, даритель.
Лишь встреча, — Тука говорит, —
[Нужна] с тобой в конце концов.

(1931)

Послушай-ка скажу что, Пандуранга,
Освобождать меня не надо.
Дай много мне перерождений,
Чтобы ногам твоим служить.
Я ртом своим твою исполню славу,
Станцую в счастье пред тобой.
Хочу стать бедняка беднее,
Но дай мне место при твоём дворе.

[И] молвит Тука: в мире смертных лучше
Тобою [быть] отмеченным, о Пандуранга.

(1947)

Так «мокиша», или «мукти», — освобождение, слияние с любимым божеством, которое признается нормативной целью индуса, — отступает перед конкретной и осязаемой радостью бхакти — сопричастностью богу, возможной только при осознании своей от него отдельности. Именно поэтому Тукарама не страшит «самсара» — бесконечный круг перерождений, поскольку именно новые земные существования позволяют вновь ощутить подлинную сладость бхакти. Кстати, «сладкий» — один из наиболее частых эпитетов, употребляемых Тукарамом, в отношении Витхобы, фигура которого располагается в диапазоне от «ниргуна», то есть невоплощенного, до представленного в зримом облике — «сагуна». Наделенный атрибутами и милосердием как ключевым качеством, бог оказывает бхактам милость и облегчает возможность божественного контакта: он является во сне или верующий отправляется на встречу с вожделенным образом в Пандхарпур. Далекий от абстрактного философствования, Тукарам наполняет любовь к богу конкретным содержанием и преломляет ее в общепонятном мирском контексте. Поэт самоотождествляется с томящейся и страдающей в доме мужа женщиной, которая мечтает — хотя бы о кратковременном — возвращении в уютный и заботливый родительский дом в Пандхарпуре. Витхоба — одновременно и отец, и мать или только матушка — Витхаи — представляется единственной опорой и защитой в недоброжелательном и ненадежном мире.

Девушка уходит в дом свекра,
Оборачиваясь смотрит назад.
То же случилось и в жизни моей —
Когда я увижусь с Кешавой? ⁴⁷
Мать потерявший [в толпе]
Ребенок с нетерпением ищет [ее].
Как рыба, вырванная из воды,
Бьется в мучениях Тука.

(644)

На дорогу смотрю, руку к глазам приложив,
И взор, и душа обратились к дороге в Пандхри.
Смотрю, когда же родители придут,
Минуты и дни считаю на пальцах.
Левый глаз поддегивает, правая рука дрожит ⁴⁸,
Утратив связь с телом, в нетерпении душа.
Даже на ложе счастливом в мыслях нет счастья.
Забыты дела по дому, голод исчез, жажда пропала.
Тука молвит: благословен будет тот день,
Когда на дороге к Пандхри увижу гонца.

(191)

На дорогу из Пандхарпура смотрю беспрестанно,
Руку к глазам приложив.
С идущими запрос в родительский дом посылаю:
Забыли меня почему в доме родителей мужа?
Кто там виднеется подобный Витхалу,
Сидящий на Гаруде, четырехрукий? ⁴⁹
Тука молвит: душа не в силах терпеть,
Когда мы увидимся, о Пандуранга?

(2456)

Не отведу глаз от дороги из материнского дома,
Пусть сколько угодно кричат, что работа стоит.
Что с того? Здесь время — пустое.
Сколько пришлось пережить за все эти дни.
Мысль о доме не отпускает,
Душа рвется своих увидеть.
Даже жизнь уйдет если, — Тука сказал, —
Вера в бога дойдет до цели.

(2481)

Боже ты наш милосердный,
взращивающий бхактов ⁵⁰,
заботящийся о бедных,
Мать ты, матушка нежная, тащишь весь груз [на себе].
Тревожишься обо всех, защищаешь
[того, кто] пошел по-кривому,
Сантам затем поручаешь, страшно оставить нас.
Ни забот, ни страха не знаем,
жизнь и смерть — одно и то же,
Тот мир пришел в этот мир,
повсюду раскинулся Вайкунтх.
Ночь ли, день — уже не понять,
вечный разлился свет.
Сколько буду описывать с упоением
наплывы радости волн?
Драгоценность имени твоего ⁵¹
теперь и меня украшает.
Тука молвит: разве могут быть
Свойственны нам недостатки,
[Если ты обладаешь] такими качествами?

(2597)

Тоска Тукарама достигает апогея в те дни, когда, занемогший и обес-
силенный, он не в состоянии отправиться на встречу с Витхобой в Панд-
харпур и находит отдохновение в общении с варкари, возвращающимися
после паломничества:

О благополучии отца и матери спрошу сначала,
 О горе и радости своих не поведу сразу речь,
 Не буду торопиться выложить свое.
 Внимательно послушаю, расскажут что они.
 Санты и так увидят мое состояние,
 Весточку из дома мне передалут.
 К ногам [их] головы склоню с почтением,
 С нахлынувшим чувством любви обниму.
 Тука говорит: сделаю все, что надо,
 Дурной от них глаз отведу.

(2513)

Из дома матери пришедшие,
 [Как сам] материнский дом для меня,
 С ними счастливую беседу поведу.
 К ногам [их] голову склоню, руками обхвачу,
 Изопью, торопясь, воды, [омывшей им] ноги.
 Все в порядке ли, [какие] новости, спрошу,
 [Какое] удобно время [родителям для встречи со мной],
 Души моей радость и горе прочувствованно
 Им расскажу — все, как есть [на самом деле].
 Тука молвит: никогда не приесться то, что любимо,
 Буду [вновь] говорить о сказанном уже.

(2519)

Теперь я отправлюсь в родительский дом,
 Из рук этих сантов известие получив.
 Ушами своими услышали [они] о моих делах,
 Жалость в душе испытали.
 Зов передали с одеждой и сладостями ⁵²,
 Кто-то идет, чтобы меня проводить [к ним].
 К дороге прикована душа моя,
 [По которой] идут из дома матери.
 Тука молвит: теперь придут, чтобы [меня] забрать
 Сами родители мои.

(162)

Иногда Тукарам прибегает к более сильной, наполненной негативными оттенками в контексте индийской культуры, аллегории, уподобляя себя женщине, отвергнувшей собственного мужа ради любви к «постороннему мужчине» — Витхобе:

Забыла [свой] род и правила благочестия,
 Мужа и деверей — старшего и младшего,
 и благополучие дома.
 Отмела [от себя] мирские [условности]
 — стыд, беспокойство, страх.
 Моя душа погрузилась в Ананту.

Уговаривать кто-то будет, —
Тука молвит, — уши [мои] оглохли.

(2725)

Ничего другого не вижу, не слышу и не говорю,
Этот Хари в мыслях уселся.
Свекра дом и матери дом исчезли —
Все воедино слилось⁵³.
Обвиняли меня в неуживчивости.
Тука молвит: [Хари] подтвердил, что это так.

(2726)

Не менее эмоционально и восприятие Тукарамом Витхобы как преданной и заботливой матери, обеспечивающей физическое и психологическое спокойствие и благополучие своего маленького, беззащитного перед всем миром ребенка:

Разве матери говорят: «Забиться о ребенке?»
Собственное чувство ее к нему тянет.
Почему я должен о себе заботиться?
Груз этот чей, тот пусть и думает.
Сладости для него откладывает,
[даже когда он] не просит,
От того, что [сама] ест,
удовольствия не получает.
Заигрался, забылся [ребенок] — понимает,
[что голоден он].
И сама, усадив, силой к груди прижимает.
Мучает что-то если [ребенка],
Изведется сама, словно ее рвут на части.
Тука молвит: полностью забывает себя,
Предотвращая удар, [который может] обрушиться.

(457)

Матери о жажде и голоде говорит ребенок,
Сам [разве] знает, как их преодолеть?
Так и ты ухаживай за мной,
Навалив на себя весь груз.
К чему размышлять о грехах и добродетелях?,
Я греховен весь, о Нараяна.
Бесполезный [я], бедный, пороков вместилище —
Теперь-то что думать об этом?
В миг, когда мысли [мои] потекли за [твоими] ногами,
Понял я, что пользу найду.
Многим помог пересечь [океан], — молвит Тука, —
И обо мне позаботься чуть-чуть.

(522)

Потакает упрямству [ребенка].
 Сию же минуту
 Таковую еще мать отыщи, как
 Милостивый Пандуранга.
 Взяла к себе на колени [если],
 То больше уже не отпустит.
 Тука молвит: шепотку
 Божественной благодати в рот кладет.
 (4040)

Витха-матушка — тень прохладная ⁵⁴,
 Бьет поток любви из ее груди.
 Прикоснусь к груди, припаду к струе,
 Выпью столько, сколько осилю.
 Милостивая, молоком своим [мою] плоть укрепляет,
 От нее струится животворная сила.
 Разлилось в душе моей [море] радости,
 Не сравнится с ним океан.
 Поведу [себя] кое-как, горе ей,
 [Все равно] не бросит, поддержит.
 Тука молвит: я не знаю забот никаких,
 [Я] любимчик крошечный Витхи-матушки.
 (1803)

Разве знает лотос [свой] запах?
 Им наслаждается шмель.
 И тебе неведомо [благо] имени твоего —
 Счастье с любовью мы ощущаем.
 Молока материнского радость [знает] ребенок.
 Невдомек тому, у кого что-то есть.
 Тука говорит: [есть] жемчужина в лоне раковины,
 Но не ощущает та этого.

(2170)

Обретя уверенность в том, что он принят Витхойой, Тукарам спешит поделиться своим духовным опытом и помочь тем, кто еще находится в неведении относительно пути бхакти — наиболее краткого и прямого пути к постижению бога. Тукарам старается привлечь как можно больше сторонников и зазывает их, используя профессиональные приемы и слог торговца, известные ему от рождения:

— Хоть кто-то возьмите бога, бога возьмите,
 К дому пришел и предлагаю в виде готовом.
 Не нужен бог, не нужен бог ⁵⁵,
 Забиты уже кладовые.
 Бог уценен, бог уценен,
 Цены не осталось — что делать?

Берите бога задаром, берите хотя бы задаром.
Не нужно, не стоит того он.
Бедный Тука: взял бога в кредит,
Теперь [на мне] долг повиснет.

(3371)

Мы любовь в узелок завязали,
На базаре кричим: возьмите хоть кто-нибудь!
На базаре благодати
Вещи на продажу разложили — имя Рамы ⁵⁶ [в том числе]
Бесплатно, [это] — суть всего,
Подмога для пересечения океана.
Те великие, раньше жившие,
Тот же самый товар покупали —
Ни обмана в нем нет, ни подделки.
Пусть душа будет чистой, — молвит Тука.

(2201)

Лавку открыли,
Проходим дары преподносят
Добрые сенты, добрые.
Хранилище Анантой заполнили ⁵⁷,
Просителей желания удовлетворяют,
И для других остается.
Тука сказал: богом мешки
Заполненные пустыми не будут.

(2106)

Лавку открыли,
Есть, что угодно,
Мы — божьи кладовщики,
Отмеряем словами ⁵⁸, когда даем и берем.
Здесь обменивается старое,
Невозможное приобретается.
Сверток, — Тука молвит, —
Даем по размеру цены заплаченной ⁵⁹.

(3377)

По твердому убеждению Тукарама, безграничная вера и преданность Витхобе являются залогом обретения счастья еще в этом мире. Этому содействуют сенты — святые приверженцы Витхобы, подающие пример и оказывающие необходимую духовную поддержку всем страждущим. Сенты, или вишнуиты, своим присутствием воссоздают среди людей божественное пространство. Именно их наделяет Тукарам наивысшими моральными качествами, обнаруживая в них совпадение этических и эстетических идеалов и утверждая идею коллективного мистического озарения:

Бриллиант, положенный на наковальню,
Выдерживает молота удар
И получает подлинную цену.
Фальшивый разлетится вдребезги.
Привязанная к мохре ⁶⁰ нить гореть не будет,
Так проверяем нефальшивость мохры.
Сант тот, — [так] Тука говорит, —
Выдерживает кто удары жизни.

(2059)

И руки, и ноги сандала ⁶¹ — сандал,
Париса вся ⁶² источает силу,
Светильника если нет, повсюду темно,
Сладка любая сахара крупинка.
Таковы и добропорядочные, — молвит Тука, —
Нет в них изъяна.

(2092)

Лезвия, серпы, мечи — из железа,
Но разные цена и назначение.
Из камня одного ступенька и изваяние,
Но величие у каждого свое.
Тука молвит: одинаковыми [кажутся] и сенты,
И люди, но это неверно.

(2119)

Всех без различий приветствуют,
Они не подвластны гордыне,
Их простодушие украшает,
Другие свойства утрачены.
Собраны в них девять видов любви ⁶³,
А также милость, покой, прощение.
В их поселениях нет места печали,
В живых существах они видят Нараяну,
Мир для них Брахмы чистая благодать,
Они не подвержены осквернению.
Тука молвит: празднуют в Вайкунтхе [в их честь],
И на этой земле [им] слава.

(2103)

Только тот вишнуит,
Чья богу любовь отдана
И других интересов нет —
К телу, богатству, соблазнам и людям.
Даже в тяжкое время
Он порядка не нарушает ⁶⁴ —

Тука молвит: какой бы он ни был касты ⁶⁵
И самой низкой даже.

(2066)

В беду попавших людей
Кто называет своими,
Именно тот — садху ⁶⁶,
Именно там — бог.
Масло кругом мягкое —
Такая душа у истинных,
Опорой не обладающих,
Кто держит в сердце своем.
Слугу и служанку любит,
Словно [родного] сына,
Сколько еще повторять, — молвит Тука, —
Тот воплощение бога.

(2065)

У одного тарелочки в руках ⁶⁷,
Трешотка у другого,
Кричат и хлопают в ладоши,
[Порывом] опьяненные вишнуиты.
Изображают, что угодно,
Освобождение им не нужно,
Им только киртаны нужны.
Кричат, вопят, поют, звенят —
Это их счастье и праздник.
Ни видят ни дня, ни ночи,
Утратили вкус к паломничеству ⁶⁸,
К чему удаляться в лес! ⁶⁹
Тука молвит: земля вся
Заполнена Харихарой ⁷⁰.

(2105)

Пусть встретится мне кто-нибудь из касты моей ⁷¹,
Чтобы умерить привязанность [к мирской жизни].
Предан Хари кто сердцем всем —
Такая душа мне нужна,
Моя душа по такому терзается,
[Его] будут ждать глаза.
Успешным это рождение станет ⁷² тогда,
[Когда] обниму вишнуитов.
Тука молвит: в тот радостный праздника день
Будем петь [гимны] Гопалу до полного удовлетворения.

(2023)

[Где бы не] жил, — Тука молвит, —
Кто [косо] на него посмотрит?

(1157)

Бог покоряется вере, что в нас,
Именно тот, [в ком вера], ноги [бога] обнимет ⁷⁹.
Сам от себя отрешусь, [чтоб]
Со стороны восхититься.
Не нужно груза причин,
Не надо расстрачивать речь.
Тука молвит: сердцем затянут узел [встречи с богом],
И уже не разжать объятий.

(1170)

Для чего молиться камню и медяшке,
Прочим восьми металлам ⁸⁰ без веры?
Вера — главное, вера — главное
В достижении освобождения, — так говорят.
Что толку от четок и ожерелий,
Если про себя перебираешь вещи?
Речью пандита ⁸¹ [овладеешь если],
Что приобретешь гордыни кроме?
Заработаешь ли пением искусным,
Коли жалкий ум внутри и грязный?
Тука молвит: веры нет, богослужением
Разве станешь приближенным к богу?

(1178)

Счастья от любви не ведают иные
Пандиты, книжники ⁸² и знатоки.
Обращенные в себя при жизни свободны стали,
Но счастье любви им незнамо.
Тука молвит: милость окажет Нараяна [если],
Станет доступен им [подлинный] смысл.

(1182)

Тукарам отвергает все то, что создает помехи на пути к излюбленному божеству и запутывает человека в сетях мирских привязанностей и соблазнов. Он предупреждает против гордыни, связанной с осознанием своего превосходства вследствие высокого происхождения или элитарного знания; против лживости, ханжества и лицемерия. Он панически боится даже напоминания о материальном благополучии, и сама мысль о женщине — не в контексте божественной аллегории — приводит его в раздраженное состояние. Мир Тукарама четко расколот на две части — божественную, наполненную высокими идеалами и прекраснодушными иллюзиями, и профанную, ответственную за все страдания и унижения, но вполне реальную, а потому диктующие свои законы.

[Если] вода нечиста,
Что ожидать от мыла?
Помыслы [если] грязны,
Толк какой в наставлении?
Не плодоносит дерево,
Чем поможет весна?
Нет у бесплодной детей,
Что может сделать муж?
С утратившим силу мужчиной
Что поделает женщина?
[Если] жизнь из тела ушла,
Будет [оно еще] двигаться?
Тука молвит: без воды,
Знайте, не быть урожаю.

(3736)

Содействующий людям дурным⁸³
Будет наказан сам.
Доля [грехов] распутной на сводника [падет].
Лживому — общество лживых.
[Усилия] одного с другим совпадают —
Трением [совместным] огонь возжигается.
Тука молвит: [таким] отрежем носы,
[Не то] они и других научат.

(3384)

Не дам [никому] обругать твои ноги, о Хари,
Пусть жизнь уйдет — не будет этого, клянусь.
Жена другого подобна Ракхумаи⁸⁴,
Рвоты презренной богатство считаю.
Тука молвит: стыд испытывает [от несправедливости]
Тот, кто бедным помогает.

(225)

Алчущий землю в дар, власти, богатства,
Знайте, бога [нигде] не найдет.
Ношу несет на спине наемный работник,
Но выгоды он не дождется.
Погруженный [только] в молитву⁸⁵
Камню [подобен, который] к камню взывает.
Тука молвит: поступки результата ждущих
[Подобны] кокетству распутницы.

(3755)

Себялюбивы низкого душа и ум,
Ему совет дающий разочарован будет.
Не знает строгости у грешника душа,
Нет смысла украшать вдову⁸⁶.

Не внемлет низкого душа,
Что толку собственную душу утомлять, [ему толкуя]?
Как если аромат сандаловый придать ослу,
Намазать лоб свиньи шафраном ⁸⁷.
Говорено обманывающей мужа сколько было,
Не видит истины ее душа.
Не обладающему верой, — молвит Тука, —
Нет смысла повторять, душа устанет.

(3839)

Одежды богов и не снятся ⁸⁸,
Женщине шлет дорогой наряд.
Мысль за коровой приглядеть ⁸⁹ не придет,
А лошадь щеткой сам выскребает.
Мчится ребенку задницу мыть,
Не скажет — ноги омоем дваждырожденным ⁹⁰.
Тука молвит: плюйте такому в лицо,
[Он] будет страдать в мире Ямы ⁹¹.

(3050)

Человека плохого запах словно запах дерьма,
Хочется сразу убраться подальше.
О добропорядочный, послушай мою речь,
Не говори [с ним] и не приближайся.
Тело дурного оскверняет все,
Речь его — то, что течет из текущей,
Опасаться следует его,
[Словно] собаку взбесившуюся.
Нет ничего хорошего в общении с дурным человеком —
Пураны предписывают бежать от него.
Тука молвит: сколько еще повторять,
Тело такого — ад Кумбхапака ⁹².

(3858)

Грудью трется о грудь, [когда] жену обнимает,
При встрече с сантами съезживается.
К незванному гостю стоит спиной,
Свойственнику навстречу торопится.
В голову не придет дваждырожденному почет оказать —
Ведет себя, как сын мусульманской прислуги.
Тука молвит: не ропщите,
Поделаешь что с природой своей?

(3051)

Если охряного окраса собака ⁹³,
Разве доступен ей опыт?
Отрастив оселедец ⁹⁴, бродит повсюду —
И шакал делает то же.

Выкопав нору, устраивает жилище,
Крыс ли мало, [живущих так же]?
Тука молвит: к чему это делать,
Тело бессмысленно изводить?

(3247)

Находится под влиянием жены,
Один его вид порождает преграды,
Зачем такие живут в миру?
Подобно обезьянам, [слова] приручившего [выполняют],
[Что] в голову придет жене, то — верно.
Несчастливым полностью жена [владеет].
Молвит Тука: живет, [как] безмозглый осел,
Ест торопливо, [словно] собака.

(3049)

Богатство и женщины — ложны,
Сломили многих великих.
Отказ от того и другого
К счастью всегда ведет.
Быть всем невзгодам причиной
Смысл обоих явлений.
Отбросивший все надежды
Сможет познать себя.
Алчность калечит тело,
Яма его хватает.
Так говорит Тука:
Не жди, не лелей надежды.

(4029)

Не нужно, Нараяна, общества женщин,
Их изваяний — из дерева, камня и глины.
Бог на ум не идет, бхаджан совсем не звучит.
К ним душа прирастает, и нет на нее управы.
Брошенный взор и чувства сразу приносят смерть,
Кроется в их красоте корень печали.
Если огонь за садху принять, — молвит Тука, —
Он все равно обожжет и вызовет боль.

(41)

Абханги Тукарама сложны для сегодняшнего чтения и понимания: они наполнены архаической лексикой и периферийными грамматическими оборотами, а их стиль напоминает лишенный необходимых стяжений язык телеграмм или речь перевозбужденного и потому «проглатывающего» целые слова и предложения человека. Тукарам постоянно изменяет точку обзора, с которой он оценивает происходящее — он то обращается из сакрального мира, в котором царят иные законы и положения, —

и строгая кастовая иерархия, подчиненное и бесправное положение женщин и приверженцев других конфессиональных течений в его представлениях размываются, а поэзия приобретает мажорный настрой. Или же он возвращается в деревушку Деху, и мир людей вынуждает его жить по другому уставу, и тогда его абханги обретают минорную тональность, а его скромное социальное положение ведет к смирению и неизбежности приятия всего окружающего. И все же мощь его блистательного дарования разрушает predetermined форму и содержание и взрывается неожиданным словом, сравнением, мыслью, отмеченными неподражаемой и непредсказуемой поэтической красотой и совершенством; многочисленные строки из его произведений обогатили идиоматику языка маратхи. Именно поэтому Тукарам так любим в сегодняшней Махараштре: маратхские поэты считают его поэзию эталоном поэтического звучания и все слои общества воспринимают его как общемаратхское национальное достояние.

Воеет шакал до тех пор,
Пока не увидит льва.
Бушует океан до тех пор,
Пока не встретит Агастью ⁹⁵.
Бесстрастны речи до тех пор,
Пока взор не приметит красавицу.
Смелы речи до тех пор,
Пока не придет герой.
До тех пор гирлянды и прочий почет [даруют другим],
Пока не появится Тука ⁹⁶.

(1630)

Будет кичиться галька,
Пока бриллиант не сверкнет.
Будет кичиться светильник
До солнца восхода.
Будут болтать о святости,
Пока не придет Тукарам.

(1573)

Когда таскаешь воду,
Когда отдыхаешь в покое,
Как выпадает на долю,
Так себя и ведешь.
Когда различные яства,
Когда сухая лепешка.
Когда сидишь на повозке,
Когда идешь босиком.
Когда в роскошных одеждах,
Когда в потертых лохмотьях.
Когда в доме полный достаток,

Когда приходит беда.
Когда ты среди достойных,
Когда посреди никчемных.
Знай, — говорит Тука, —
счастье и горе — одно.
(3675)

«Эй, невестка, послушай,
Не трать молока с простоквашей!»
В Пандхарпур собралась старуха,
Но от калитки вернулась в дом.
«Слушай меня с почтением.
Хоть и разбита плошка,
Ты ее береги.
Мною замешанную корку из глины ⁹⁷
Ты без меня не ломай.
Прикрытый наростом сосуд ⁹⁸
Ты без меня не вскрывай.
Ступка, мутовка, жернов —
Просто залезли в душу.
Нищий заглянет в дом,
Скажешь, что я в Пандхарпуре ⁹⁹.
Ты на еду не бросайся,
Зерна не расходуй много».
«Свекровь, о духовном помыслите,
Мирские оставьте думы».
Речь такую невестки услышав,
Совсем свекровь взволновалась.
«Нечестны шаги соперницы.
Ждет, чтоб я дом покинула.
Зачем мне идти в паломничество?
Что я увижу там?
Здесь дети, хозяйство и дом,
Мой Пандхарпур — здесь!»
[Так] говорит Тука: люди такие,
Как эта, в сети иллюзий попались.
(3055)

Деревья, лианы, звери лесные — это родные мои,
И звонкие сладкоголосые птицы.
Аромат одиночества с ними вдыхаю.
Здесь не страшит ни плохое, ни хорошее:
Небо — шатер [над моей головой], лежанка — земля,
Душа наслаждается здесь, в игры играя.
Рядом со мной — одеяло лоскутное, из тыквы сосуд,
Время от времени ветра порыв ощущаю.

Киртан о Хари — это еда,
Из него получаются разные яства.
Молвит Тука: я веду здесь беседу с собой,
Спорю один со своею душою.

(307)

В море радости — волны радости,
В радостном теле — радость.
Как описать то, что нахлынуло?
Некуда больше идти — радостно здесь.
То, что желает плод, желает и мать,
Радость беременной в плод струится.
Молвит Тука: чтоб получить искомое, форму заляют,
Радость моя стихом через рот изливается.

(1813)

Ты ласковой, чем мать,
Прохладной, чем луна,
Ты жиже, чем вода,
Ты всплеск любви.
Ну с чем еще сравнить?
И для чего сравненья?
Пронзило твое имя мою земную жизнь.
Амруту сделал ты ¹⁰⁰,
Но слаще ты ее.
Создатель элементов ¹⁰¹,
Ты властелин всего.
Довольно говорить,
К ногам твоим склоняюсь.
Владыка Пандхарпура, — так Тука говорит, —
Прости грехи мои.

(128)

Ступайте в Пандхарпур,
Пришедшие в мир перерождений.
Там — Пандуранга, родственник бедных,
Стоит в ожидании. Любит он встречи,
Милости полный, нетерпеливо ждущий.
Прошлое сгинет,
Не будет усталости в будущем ¹⁰²,
Если случится встреча,
Он о пришедшем всегда позаботится.
Так молвит Тука: душу заполнит всю, ничего не останется.

(2543)

В 1649 г. или в 1650 г. Тукарам исчез из Деху. По распространенной легенде, за ним была прислана божественная колесница, и он, не утрачивая телесной оболочки, был поднят в Вайкунтх. По другим версиям,

он либо утонул, либо был загублен брахманами, так и не смирившимися с духовным превосходством шудры¹⁰³. Через 300 лет «Прабхат филм компани», знаменитая киностудия, стоящая у истоков индийской киноиндустрии, сняла фильм «Сант (святой) Тукарам». Роль Тукарама сыграл известный актер Вишнупант Пагнис. По завершении съемок он не смог выйти из образа и умер в сумасшедшем доме, продолжая воображать себя Тукарамом. Поскольку портрета лавочника-мистика из деревушки Деху наверняка не существовало, то уже ставшие теперь привычными олеографические изображения Тукарама, которые можно встретить почти в каждом махараштранском доме, являются не чем иным, как воспроизведением физиогномических черт Пагниса. Рядом с Тукарамом нередко изображается воспетый им со страстным самоотречением бог Виттхал, хотя нельзя с достоверностью утверждать, что Тукараму удалось хоть раз в жизни добраться до священного Пандхарпура, где находится главный храм бога с руками, упертыми в бока, получить вожденный «даршан» и обнять любимые ноги¹⁰⁴.

Половина рассказа

Банараси Дас.

Семейная хроника XVI–XVII вв.

Предисловие и перевод с хинди Е. Ю. Ваниной

Предисловие

Агра, столица империи Великих Моголов, поражала иноземцев своим великолепием и многолюдством. Это был огромный город, население которого к началу XVII в. составляло около миллиона (почти втрое больше, чем в Лондоне). Императоры, стремясь прославить свое имя, руками искусных мастеров возводили роскошные дворцы, величественные мечети и мавзолеи, мощные водоподъемные сооружения, позволяющие обеспеченным горожанам в летний зной наслаждаться прохладой у прудов и фонтанов. К могольскому двору приглашались известные поэты, музыканты, художники, актеры, ученые; большим уважением пользовались историки-летописцы. Они должны были восхвалять мудрость, щедрость и военную доблесть государя, описывать сражения, дворцовые интриги, мятежи, роскошные увеселения двора... Делали они это по-разному, одни не выходили за дозволенные рамки и, заслуживая награды своего царственного патрона, запечатлевали в летописях то, что он хотел там увидеть; другие проявляли известную независимость и объективность, но именно благодаря придворным хроникам мы, во многом, и знаем историю этого периода индийского средневековья.

Но в сороковые годы XVII в. жил в Агре человек, решивший написать и оставить потомкам историю своей семьи и хронику собственной жизни. Звали его Банараси Дас или просто Банараси, жил он не в императорском дворце и не в каком-либо из роскошных особняков Агры, а где-то в торговом квартале, вблизи от одного из многочисленных столичных базаров. Был он торговцем-ювелиром, содержал небогатую лавчонку; в отличие от знаменитых «финансовых королей» того времени, кредитовавших императорский двор, не имел крупного состояния, да и купцом, по-видимому, был неважным, часто разорялся или терпел убытки. И вот именно этот человек решил вступить в заочное состязание со знаменитыми хронистами и писателями своего времени и предложить современникам и потомкам историю, в которой нет ни героических подвигов, ни дворцовых интриг, а есть обыденная жизнь одной семьи, происходившей из того самого народа, который всегда оставался лишь фоном для придворных хроник и героических поэм индийского, да и не только индийского, средневековья. И название своей хронике Банараси дал совсем не героико-политическое, как это было принято, а вполне приземленное и шутовское — «Ардхакатханака», что на хинди означает «Половина рассказа». Такое необычное название автор объяснил следующим образом: в джайнизме, религиозной традиции, к которой принадлежал Банараси (о ней речь пойдет ниже), многие легендарные мудрецы и духовные наставники жили сто десять лет, а в тот декабрьский день 1641 г., когда Банараси закончил свой труд, ему было пятьдесят пять лет. Банараси отнюдь не считал себя равным божественным вероучителям, просто избранное им заглавие отражало то чувство юмора, которое на страницах «Ардхакатханаки» он проявлял не раз по отношению к разным людям, и прежде всего — к самому себе.

Что заставило небогатого торговца взяться за перо? Скорее всего, это было присущее мыслящим, незаурядным людям всех эпох и народов стремление запечатлеть для будущих поколений собственный жизненный опыт и историю своего времени, как выразился сам Банараси, «дурные и хорошие события прошлого, обычаи настоящего». Банараси не мог не знать, что его скромному творению не под силу тягаться со знаменитыми хрониками и биографиями великих людей эпохи. Он прекрасно представлял себе, какая судьба постигнет его произведение: «Недруги посмеются, друзья будут читать и слушать», да и вряд ли он мог рассчитывать на какую-то более широкую аудиторию, чем узкий круг родственников и друзей. Но для тех, кто интересуется историей и культурой индийского народа, «Ардхакатханака» ценна именно своей камерностью, именно скромным характером непритязательной семейной хроники, ибо эта небольшая книга раскрывает мир индийского средневековья с той стороны, которая почти не была отражена в придворных анналах и официальных документах.

Бурные политические события эпохи, включившей в себя правление трех могольских императоров — Акбара, Джахангира и Шах Джахана — практически не оставили следа на страницах «Ардхакатханаки», скромной семейной хроники, далекой от политических страстей и придворных интриг. Но именно удаленность автора и основных персонажей «Ардхакатханаки» от политики и великосветской жизни придает книге уникальный характер, ибо она позволяет нам увидеть жизнь Могольской Индии глазами человека, принадлежавшего, как принято сейчас говорить, к среднему классу. Не дворцы знати и не поля сражений, а торговые кварталы и базары городов, караван-сарай, торговые пути из города в город — вот фон, на котором разворачивается повествование. Повседневная жизнь горожан, торговые и финансовые операции купцов, взаимоотношения деловых партнеров, религиозная и светская жизнь торгового сословия — обо всем этом «Ардхакатханака» дает материал гораздо более яркий и богатый, чем хроники, официальные документы и записки иностранных путешественников, на основании которых построены многие индологические исследования. Со страниц семейной хроники во всем своем многообразии встает индийский средневековый город с его ремесленными и торговыми кастами, произволом феодальной администрации, богатством и бедностью, деловыми буднями, праздниками и трагическими днями эпидемий, войн, мятежей. Особенно интересный материал предоставляет «Ардхакатханака» тому, кто хочет изучить жизнь и быт средневековой купеческой семьи, распространенные в то время этические нормы торгового партнерства, деятельность купеческих компаний и фирм Северной Индии, взаимоотношения купцов и феодальной администрации города.

Не менее интересный материал содержит «Ардхакатханака» о религиозной и культурной жизни средневековых городов Индии. Важнейшим фактором, определявшим развитие культуры и вообще духовной жизни в то время, было взаимовлияние и взаимодействие индусской и мусульманской культур. Юность Банараси пришлось на правление падишаха

Акбара (1556–1605), провозгласившего главной целью своей политики «мир для всех» — равноправное существование всех религий, отказ от признания какого-либо героисоповедания единственно верным, а всех прочих — ложными; недопущение дискриминации по религиозному принципу кого-либо из подданных. Именно при Акбаре, может быть, впервые в правление мусульманского государя, немусульмане почувствовали себя равными тем, кто исповедовал ислам, а не «презренными кафирами». Именно этим, видимо, объяснялась та неподдельная скорбь, которая, согласно яркому описанию Банараси в «Ардхакатханаке», охватила горожан при известии о смерти Акбара.

И сама «Ардхакатханака», и жизнь ее героев несут на себе яркий отпечаток эпохи Акбара, когда взаимовлияние ислама и тех культур, для которых Индия была родиной, ощущалось во многих сферах жизни. Авадхи — восточный диалект хинди, на котором была написана поэма, обогащен многими заимствованиями из фарси; сам Банараси, как и его дед Мулдас, владел фарси, что однажды помогло нашему автору понять крайне опасный для себя разговор чиновников-мусульман. В свою очередь, мусульманский вельможа, с которым подружился Банараси, охотно занимался изучением санскритских текстов, в чем ему помогал автор «Ардхакатханаки». Среди образованных горожан большой популярностью пользовались любовные поэмы, написанные на хинди поэтами-суфиями, желавшими в близкой индуистским литературным традициям форме изложить основы мусульманского мистицизма; впрочем, большинство читателей ценило эти произведения за их литературные достоинства, а не за религиозно-философский подтекст. Банараси рассказал о том, как любил в компании друзей читать суфийские любовные поэмы. Вообще, «Ардхакатханака» представляет собой ценный источник по культуре средневекового города. Банараси подробно сообщает о том, какое образование получали дети в купеческих семьях, о своих литературных занятиях, о развлечениях (в том числе любовных), о духовных поисках. Значительную роль в повествовании играет религия, о которой следует рассказать читателю подробнее.

Семья автора «Ардхакатханаки» принадлежала к джайнизму — религии древней, но изученной гораздо меньше, чем индуизм, буддизм и другие вероучения Индии. Может быть, это случилось потому, что, в отличие от буддизма, джайнизм не распространился за пределы Индии и, в отличие от индуизма, никогда, даже в период своего расцвета, не был религией большинства. Все же, последователей джайнизма в Индии сейчас около двух миллионов, это ничтожное меньшинство, но тем и интересна Индия, что в ней никогда ничего не пропадает, ничего не исчезает бесследно и не уничтожается «до основания». Это океан, в массе воды которого каждая капля видна, значима и играет особую роль.

Джайнизм возник, видимо, одновременно с буддизмом, его основатель Вардхамана, известный также как Махавира (великий герой) и Джина (победитель, джайны — последователи Джины), был современником Будды, и легенды о нем во многом похожи на легенды о Будде, так

что некоторые ученые даже предполагали, что обе религии возникли из одного источника. Вместе с тем, как утверждает джайнская традиция, Джина на самом деле был лишь последним из двадцати четырех великих учителей этой веры (тиртханкаров — буквально «указывающих путь», «создателей переправы»). Предполагают, что один из тиртханкаров — Паршва — еще за сто лет до Махавиры основал секту, называвшую себя «ниргрантха» (лишенные уз). Видимо, Джина присоединился к этой секте и реформировал ее, придав учению законченную форму.

Джайнизм — религия, которую некоторые исследователи называют «атеистической», ибо, согласно представлениям джайнов, Вселенная вечна и не сотворена богом, хотя джайнизм и не отрицает представлений о божестве; мир не создан богами и существует по собственным, извечным законам. Согласно этим законам, мир проходит в своем существовании бесконечное число периодов подъема и упадка, сменяющих друг друга. Кульминацией подъема является «золотой век», кульминацией упадка — всеобщий кризис и одичание людей, и так до бесконечности. Время представлялось джайнам как вращение колеса, ось которого неподвижно закреплена; вверх — вниз, подъем — упадок, царство гармонии — царство порока, и так без конца.

Основу мироздания, по мнению джайнов, составляет взаимодействие живых душ (джива) с материей (пудгала), временем (кала), эфиром (акаша), средством движения (дхарма), средством покоя (адхарма). Душами, полагают джайны, обладают не только люди, но и практически все объекты живой и неживой природы. Душа по своей природе чиста, идеальна и обладает совершенным знанием, но все деяния, совершенные в прошлом и данном рождении, порождают особую материю (карма), частицы которой отягощают и замутняют душу, подобно тому, как пылинки загрязняют стекло. Добродетельные деяния создают карму легкую, порочные же деяния создают карму тяжелую, которая тянет душу вниз, к грешной земле, ко все новым и новым перерождениям, причем не только в человеческом облике. И лишь только душа, очистившаяся от «загрязнения» кармы, воспаряет в небо, где и пребывает в вечном блаженном покое.

Чтобы очистить душу, необходимо соблюдение священных обетов: ненасилие, непричинение вреда живым существам, нестяжательство, непременное, правдивость, аскетические обеты и подвиги. Но достичь очищения и спастись от перерождений могут одни монахи, в то время как джайны-миряне соблюдением обетов и добродетельной жизнью могут лишь частично освободить душу от налипшей кармы. Монахи обязаны соблюдать суровые посты, неукоснительно подчиняться обету целомудрия, отказаться от собственности, подвергать себя мучительным аскетическим процедурам, жить подаянием в вечных странствиях. Джайны-монахи завязывают рот повязкой, дабы не вдохнуть мошку и не погубить ее, процеживают воду, чтобы не проглотить вместе с водой живое существо, метут перед собой дорогу, чтобы не наступить на какого-нибудь червячка. Последователи Джины и он сам отвергали даже одежду, ходили совсем

обнаженными. Впоследствии община раскололась на два направления: дигамбары, то есть «одетые пространством», нагие, и «шветамбары», то есть «одетые в белое». Эти две секты сохранились, хотя в наше время, да, видимо, и во времена Банараси, большинство монахов-дигамбаров носят одежду (как правило, простую белую), и джайны причисляют себя к той или иной секте просто по семейной традиции. Но большинство аскетических процедур и правил, суровая дисциплина джайнского монашества сохраняется и в наши дни¹.

Джайны-миряне, к которым принадлежала семья Банараси, не должны были, разумеется, соблюдать все церемонии и правила, обязательные для монахов, но определенные обязанности и запреты накладывались и на них. Джайнам-мирянам запрещалось заниматься земледелием, ибо земледельцы срезают траву, косят хлеба, то есть губят живые растения, да к тому же, обрабатывая землю плугом, уничтожают насекомых. Поэтому миряне должны были заниматься ремеслами и торговлей, и именно из представителей торговых и ремесленных слоев формировалась джайнская община. И монахам, и мирянам был рекомендован интеллектуальный труд, и считалось добродетельным поступком изучать, комментировать, переписывать книги, хотя бы и не джайнские, поэтому джайнизм создал богатую литературу, религиозную и светскую, и джайнская община дала Индии немало крупных ученых.

Миряне были обязаны соблюдать строгое вегетарианство, не употреблять в пищу некоторые овощи и специи, считавшиеся равными живым существам. В своих храмах (наиболее известны храмы в Абу и Белголе) джайны поклоняются изображениям тиртханкаров, совершая перед ними обряды, очень похожие на индуистский ритуал почитания богов. Помимо этого, монахи и миряне обязаны соблюдать периодические посты, заниматься медитацией перед изображениями тиртханкаров, ежедневно каяться самому себе в совершенных грехах, повторять священные заклинания (мантры), налагать на себя различные обеты, посещать священные места.

Религиозная жизнь джайнов-мирян нашла яркое отражение на страницах «Ардхакатханаки». Здесь и паломничества, и обеты, и посты, и покаяния, и благочестивые беседы с «учителями» — духовными наставниками-монахами, которых имела каждая семья. Но в то время, когда писалась «Ардхакатханака», религиозная жизнь джайнов подвергалась сильному влиянию индуизма. Так, родители Банараси совершают паломничество к месту самосожжения индусской вдовы-сати; таких женщин в индуизме почитали святыми, места их гибели становились священными и притягивали к себе тысячи паломников, жаждавших обрести исполнение заветного желания (семья Кхарагсена, отца Банараси, стремилась обрести сына и отправилась на поклонение сати, хотя джайнизм не одобряет самосожжение вдов). Поскольку джайнизм не создал собственных социальных традиций и ритуалов, то все его обряды, связанные с рождением, совершеннолетием, браком, похоронами и т. д. ничем не отличаются от индуистских, и это очень ярко описано нашим автором.

Индусское население считало джайнов не чужаками, но людьми особой касты, и сам джайнизм принял кастовое деление, хотя первоначально в джайнской общине все были равны. О каком бы человеке ни упоминал Банараси, он всегда указывал его касту.

Джайнизм оказал глубокое воздействие на мировоззрение Банараси. Так, смерть человека, будь то близкий или чужой, рассматривается им как освобождение от уз земной суесть; умерший сравнивается с усталым носильщиком, сбросившим тяжелую ношу, с птицей, покинувшей клетку. Все неблагоприятные поступки, как собственные, так и других людей, Банараси объясняет воздействием кармы, налипшей еще с прошлых рождений. Джайнизм помог Банараси с удивительным мужеством перенести все свалившиеся на него беды и тяжкие утраты, в том числе смерть всех девяти детей: ведь смерть, учил Джина, есть только освобождение души. «Ардхакатханака» проникнута философскими размышлениями о жизни и смерти, которым автор предавался в тяжелые минуты, но, несмотря на все это, человек оставался человеком, и смерть близких была и для глубоко верующего джайна трагедией, вызывавшей вполне естественную для всех времен и племен реакцию.

Банараси был искренне верующим человеком, но, обладая природным умом, образованностью и насмешливо-критическим взглядом на мир, он не мог даже в религии предков принимать все как есть. Любовь и уважение к родителям не мешали ему относиться с откровенной насмешкой ко многим сторонам их религиозной практики, обрядам, паломничествам, суевериям. Так, откровенно сатирически описаны обряд посвящения новорожденного младенца тиртханкару и жрец, изображавший погружение в транс. Насмешку автора вызывает совершенное родителями паломничество, кончившееся тем, что на пути к святым местам супруги были дочиста ограблены. В отличие от многих людей своего круга Банараси не мог бездумно совершать обряды, его попытки обрести обычное для мирянина благочестие и быть как все терпят провал. И в конце семейной хроники мы видим, как умудренный жизнью, много видевший и передумавший Банараси становится последователем одного из реформаторских течений в джайнизме, стремившегося пересмотреть многие традиционные воззрения.

Д-р Мукунд Латх из Джайпура, издавший текст «Ардхакатханаки», привлёк интереснейший источник — «Юктипрабоддху», сочинение джайнского монаха Мегхавиджайи, написанное в конце XVII — начале XVIII в. Часть этого сочинения, написанного уже после смерти Банараси, представляет собой полемику с автором «Ардхакатханаки», оставившим после себя группу или секту последователей, называвшуюся Варанасия — от имени города Варанаси и Банараси Даса. Мегхавиджайя повествует о том, как Банараси был сперва благочестивым джайном, но потом, «повинуясь влиянию времени и будучи ослеплен ложным представлением», начал сомневаться в истинности своих прежних убеждений. Он стал задавать вопросы типа: «Какова была первоначальная форма, данная учению тиртханкарами, и в какой форме учение соблюдается ныне монахами

и мирянами?». Он также спрашивал у монахов, может ли достичь цели человек, который соблюдает (религиозную) практику в ее внешней форме, в то время как мысли его не чисты... Он говорил: «Я не вижу прока в соблюдении формальных обрядов. Душа привязывается к миру при помощи кармы, основой которой является ложь. Поэтому человек, желающий освобождения, должен отринуть ложь. Бесплезны обряды или аскетические упражнения, человек должен сосредоточиться на правде». Он критиковал джайнскую веру в «десять чудес», высказывал собственное мнение и собрал вокруг себя большую толпу последователей. Мегхавиджайя полагал, что Банараси придерживался учения дигамбаров, но он признавал лишь те священные тексты, которые «разъясняли духовную доктрину», но при этом «отказывался от ритуалов». Мегхавиджайя указывал, что главными членами секты Банараси, главой которой после смерти нашего автора стал некто Кунварпал, были, в основном, купцы, «люди, либо незнакомые с джайнскими текстами, либо разочаровавшиеся в них, не способные подчиниться дисциплине, но приверженные чувственным наслаждениям». Сам Банараси называл себя «искателем истины» и критиковал обряд подношения роскошных одежд и драгоценностей статуям тиртханкаров, что было одной из основ джайнского ритуала. Мегхавиджайя полагал, что распространение еретических взглядов, подобных воззрениям Банараси, было проявлением «дурного характера времени», колесо которого в тот период «находилось в своей низшей точке вращения», отсюда упадок нравов, нежелание даже богатых людей «тратить деньги на милостыню, подношения тиртханкарам и монахам», распространение безверия и стремление к удовольствиям, поэтому «многие люди стали последователями Банараси»².

Банараси, таким образом, разделил судьбу многих мыслителей древней и средневековой Индии, о мировоззрении которых мы узнали только в изложении идейных оппонентов, часто необъективном и откровенно враждебном. Но из «Ардхакатханаки» (к сожалению, другие произведения Банараси до нас не дошли) и из записок Мегхавиджайи мы видим, что Банараси и его друзья представляли реформаторское течение в джайнизме, которое имело немало общих черт с учением бхактов.

Разумеется, сама идея мистической любви к богу, явившаяся краеугольным камнем этого учения, вряд ли могла найти отголосок в джайнизме, который вообще не признает богов или не считает бога творцом. Но отказ от внешней обрядности, аскетических излишеств, монашества, критическое отношение к профессиональному жречеству, неприятие роскошных церемоний и пожертвований — все это мы видим в воззрениях Банараси, которые с этой точки зрения весьма сближаются с учением бхактов (особенно тех, кто отражал взгляды торгово-ремесленных слоев).

«Ардхакатханака» поражает разнообразием характеров и удивительно внимательным отношением к внутренней жизни человека, к его индивидуальным особенностям, свойствам личности. Все характеры сложны, неоднозначны, противоречивы. И прежде всего это касается образа са-

мого автора. В отличие от всех литературных канонов того времени, на страницах семейной хроники мы видим не просто жизненный путь Банараси, но и развитие его личности, изменения не только внешние, но и внутренние. Перед нами не просто ребенок, юноша, зрелый муж; мы становимся свидетелями активной духовной жизни человека яркого, неординарного, ищущего. Банараси активно наблюдает жизнь, учится, много читает, рассуждает о проблемах бытия, ищет истину в религиозных обрядах, священных книгах, потом вдруг отбрасывает все прежние кумиры, бросается к новым... Автор ведет повествование о самом себе в третьем лице, слегка отстраненно, с высоты жизненного и духовного опыта повествуя о том, как Банараси то проявлял религиозное рвение, то пускался в круговорот порока, то становился добропорядочным обывателем-мирянином, то вновь погружался в скептицизм... Присущее нашему автору чувство юмора чаще всего направлено на самого себя: чего стоит, например, эпизод с йогом-проходимцем, заставившим Банараси читать заклинания в отхожем месте для того, чтобы через год обрести там чудесный клад! Банараси удивительно откровенен в описании собственной жизни, ее светлых и темных сторон, хотя и в описании своего «любовного недуга», например, он предпочитает оставить что-то недосказанным, а один дурной поступок, совершенный «по глупости», лишь упоминает, не раскрывая сути, ибо «об этом лучше помолчать». Завершается «Ардхакатханака» любопытным анализом — перечислением дурных и хороших сторон характера автора. Все это создает живой, яркий, противоречивый образ.

..«Ардхакатханака» стала известна ученым только в XX столетии. Рукопись была обнаружена индийским обществом по распространению деванагари и опубликована дважды в 40-и 50-е годы. В 1981 году в Джайпуре д-р Мукунд Латх опубликовал исправленное и дополненное издание «Ардхакатханаки» с английским переводом, комментариями и дополнением — фрагментами записок Мегхавиджайи. Мы использовали это издание, включая и некоторые из комментариев, хотя в английском переводе д-ра Мукунда Латха, по нашему мнению, есть ряд неточностей, обнаруживаемых при работе с оригинальным текстом на хинди.

«Ардхакатханака» написана в стихах, несколькими размерами, характерными для поэзии хинди той эпохи (доха — двустишие с цезурой в каждом полустииши, чаупай — четверостишие, каждая строчка которого состоит из шестнадцати слогов, савайя — двух-и четырех стопный размер, и так далее). В тексте Банараси постоянно указывал размер соответствующей строфы, но мы решили снять эти указания, чтобы не затруднять восприятие текста, который изложили прозой — иначе бы было трудно добиться научной точности перевода. Нумерация строф, указанная в тексте, сохранена.

Перевод выполнен по изданию: *Mukund Lath* (ed., tr.) *Half a Tale. Ardhakathanaka*. Jaipur, 1981.

Перевод

Хвала Шри Параматме!³ Вот «Ардхакатханака» Банараси Даса.

- ¹ Сверхив обряд возлияния воды⁴, [я], преданный раб,
 Душой, преисполненной любви, склоняюсь перед Паршвой
 и Супаршвой⁵.

- ² О городе Бенаресе:

Впадают в Гангу две реки — Варуна и Аси.

А меж ними расположен прославленный город Бенарес⁶.

Округа эта называется Кашивар, поэтому [другое] название
 города — Каши.

Он считается родиной Паршвы и Супаршвы.

Там берут свое начало и путь Джины⁷, и путь Шивы,

И с того времени [город] известен как Шивпури⁸.

Вот откуда пошло название города Бенареса,

А все прочие объяснения — ложны.

- ³ Джайн, [имя которого] — точно перстень-печатка с названием
 города Джины,

Повествует Банараси о событиях собственной жизни.

- ⁴ [Я] — джайн из почтенного рода Шримал⁹, зовусь Банараси.
 Пришла [мне] в голову мысль поведать о своей жизни.

- ⁵ Все, что слышал и видел своими глазами, что узнал от других,
 Поведаю дурные и добрые дела прошлого, обычаи настоящего,

- ⁶ А что до будущего, то оно известно лишь мудрым.

Расскажу подробно, как пришло на ум.

- ⁷ На языке Мадхьядеша¹⁰ поведаю сокрытое, распахнув свое сердце.
 [Сперва] поведаю о прошлом. Слушайте внимательно, друзья мои.

- ⁸ В этой благословенной земле Бхарата¹¹ есть область Мадхьядеш,
 Стоит там город Рохтагпур¹², близ него селение — Бихоли.

- ⁹ В селении Бихоли жили раджпуты¹³ царского рода,
 Приняли они веру джайнов из уст гуру, чудесным образом
 преодолев карму¹⁴,

- ¹⁰ Стали носить гирлянды со священными мантрами¹⁵, откуда имя
 Шримал¹⁶,

Из готры¹⁷ Бихолиа, то есть из Бихоли.

- ¹¹ Родословная длинная, но довольно и следующего:

Жили в Рохтагпуре Ганга и Госал,

- ¹² Их потомком был Баста, приобретший славу и почет,
 Сын Бастапала — Джетхмал, сын Джетхмала — Джинадас,

- ¹³ Старшего сына Джинадаса звали Мулдас.

Знал он грамоту на хинди и фарси, был удачлив и силен.

- ¹⁴ Мулдас Бихолиа занимался торговлей.

Стал он торговым агентом у одного могола¹⁸, переехал в Малву¹⁹.

- ¹⁵ Есть в благодатной области Малва чудесный город Нарвар²⁰,
 Там был джагир²¹ могола, храбро [служившего] шаху Хумаюну²².

- ¹⁶ Был [он] милостив к Мулдасу, доверял ему заниматься
ростовщицеством от своего имени.
Это было в 1600 г. ²³ А через восемь лет,
- ¹⁷ В воскресенье, в пятый день светлой половины савана ²⁴, родился
сын у Мулдаса.
На радостях растратили много денег, нарекли сына Кхарагсеном.
- ¹⁸ Прошло еще два счастливых года, и родился второй сын, Гханмал,
Но через три года он скончался.
- ¹⁹ Скрылся Гханмал, как облако, унесенное вихрем судьбы,
Словно засохшие деревья, остались мать и отец ²⁵.
- ²⁰ В непрестанной скорби о младшем сыне умер Мулдас,
В один год скончались оба — и сын, и отец.
- ²¹ Осиротели Кхарагсен с матерью, предались они горю.
Дошли вести до могола, который был тогда в деревне.
- ²² Живо он вернулся домой, услышав о смерти Мулдаса,
Велел дом опечатать, конфисковать все имущество ²⁶.
- ²³ Несчастные мать и сын перенесли много страданий,
Видя всюду одно лишь горе, отправились [они] на восток.
- ²⁴ Есть на востоке город Джаунпур, стоит он на реке Гомти ²⁷.
Эта река Гомти течет следующим образом, по словам знающих:
- ²⁵ Сперва на юг, потом на восток,
Потом на север течет эта глубокая река,
- ²⁶ Окружала [город] с трех сторон, берег изрезан, тянулась река далеко.
Джауна-шах из рода патханов ²⁸ основал здесь поселение.
- ²⁷ Прочли хутбу, подняли зонт ²⁹, сел он на трон, гордый своей
славой,
Власть его окрепла, и город назвали Джаунпур.
- ²⁸ Поселились там в это время [люди] четырех варн и 36 каст:
Брахманы, кшатрии, вайшьи без числа и шудры — 36 пауни ³⁰.
- ²⁹ Стеклодувы, портные, бетельщики ³¹, красильщики, молочники,
Плотники, каменотесы, маслоделы, стиральщики, чесальщики
хлопка,
Кондитеры, водоносы, зеленщики, винокуры, горшечники,
садовники,
Лошильщики [тканей], изготовители бумаги, крестьяне,
шелкоткачи,
Рисовальщики, сверлильщики жемчуга, бари ³², лакировщики,
медники, белильщики [тканей],
Изготовители шнуров, кровельщики, брадобреи, торговцы жареным
зерном,
Ювелиры, кузнецы, точильщики, пиротехники,
Рыбаки, кожевенники — всего тридцать шесть.
- ³⁰ Город Джаунпур расположен в красивом месте, высятся его
монастыри, дома, купола храмов,
Украшен богатыми семиэтажными домами, на крышах —
павильоны с флагами ³³.

- 31 Пятьдесят два каранан-сарая в нем, в округе — пятьдесят два паргана ³⁴,
Пятьдесят два базара [в городе] и пятьдесят два манди ³⁵.
- 32 Правили там, сменяя друг друга, девять государей, назову их по порядку:
Первым был Джауна-шах, вторым — Баккар-шах,
33 Третьим — Сурхар-султан, четвертым — Дост Мухаммад,
Пятым был Низам-шах, шестым — Ибрахим-шах,
34 Седьмым — шах Хусейн, восьмым — Гази Саджит Саин.
Девятым был Бахья Султан, покрывший себя великой славой ³⁶.
- 35 Вот девять государей, владевших Джаунпуром.
На востоке — Патна, на западе — Итана ³⁷,
- 36 На юге — горы Виндхья ³⁸, на севере — река Гхагхра ³⁹.
Славилась земля княжества в течение трех столетий.
- 37 Слышал я сам об этом от старших,
Как слышал, так и поведал, без лжи и обмана.
- 38 Все это дело прошлое, минули хорошие времена.
Послушайте-ка, друзья, о том, что было после 1600 года.
- 39 Жил в Джаунпуре Мадан Сингх Шримал
Из джайнской готры Чиналия, торговал он драгоценными камнями.
- 40 Разыскав с помощью людей дом ювелира Мадан Сингха,
Пришли туда, по воле кармы, Кхарагсен с матерью.
- 41 Этот Мадан Сингх был Кхарагсену дедем по матери.
Принял он их с радостью, окружил заботой.
- 42 Спросил Мадан Сингх: «Какая беда с тобой приключилась, дочка?»
Дочь рассказала ему о смерти мужа и сына,
- 43 Как отнял у них все вельможа, рассказала по порядку.
Плача, сказал Мадан Сингх дочери: «И один сын будет [для тебя] всем!
- 44 Не кручинься дочка, сменяют друг друга радость и горе».
Обнял он дочь и внука, одел и накормил.
- 45 Зажили они счастливо, дом деда — родной дом.
Минуло три года, каждый день [полон] счастья и покоя.
- 46 Когда мальчику исполнилось восемь, отдали его в школу.
Осваивал он грамоту, учился проверять монеты,
- 47 Учился оформлению торговых счетов, ведению коммерческих дел,
Учился вести запись приходам и расходам, на базаре осваивал ростовщичество.
- 48 Прошло четыре года, и решил он заняться собственным делом.
На востоке, в Бенгалии, правил султан Сулейман из рода патханов.
- 49 Был у него зять Лоди-хан, точно родной сын.
У Лоди-хана [служил] диваном ⁴⁰ Раи Дхана из рода Шримал,
- 50 Готры Сингхар, поселившейся в Бенгалии. Служило ему 500 человек
из рода Шримал,
Все они стали потдарами ⁴¹, разбогатели по воле судьбы.

- 51 Доверяя им, [он] не требовал с них отчетов, выдавал расписки ⁴².
Соблюдал он свято обряды и парикраману ⁴³, дал обет не строить
нового дома ⁴⁴.
- 52 Кхарагсен Бихолиа, услышав о Раи Дхана,
Поклонился матери и рано утром пустился в путь.
- 53 Мать, тайком от деда, дала ему денег.
Сел он на коня и отправился к Раи Дхана.
- 54 Встретившись с Раи Дхана, рассказал ему все о себе.
Тот ободрил [Кхарагсена] и обласкал его.
- 55 Поразмыслил, и по прошествии дня
Дал Кхарагсену четыре паргана,
- 56 Сделал его потдаром, дал под начало двух чиновников.
Отправился Кхарагсен в свои паргана, стал собирать налоги.
- 57 Все собранное отправлял в казну Раи Дхана и Лоди-хану.
Прошло так 6–7 месяцев, отправились [джайны в паломничество]
на гору Самет ⁴⁵.
- 58 Возглавлял их Раи Дхана, получивший от султана разрешение.
Поклонившись святыне, пустились в обратный путь и возвратились
домой.
- 59 В сумерки уселся Раи Дхана в палатке,
Погрузился в созерцание, перебирая четки.
- 60 Соблюдая обет молчания и поста, повторял лишь «пять
намокара» ⁴⁶,
Вдруг желудочная колика сотрясла его, поднялся [вокруг]
переполох.
- 61 Не произнеся ни слова, он в одночасье скончался.
Рухнула стена его тела, и душа устремилась к новому обиталищу.
- 62 Был [он] по воле судьбы богат, имел колесницы и слуг, слонов
и коней в конюшнях,
Все тяжелей была ноша земных богатств, которую нес он на голове.
Но в конце концов под тяжестью мирского бремени он рухнул,
Усталый носильщик сбросил свой груз и скрылся за стеной.
- 63 Так внезапно умер Раи Дхана. Вся округа пришла в смятение.
Услышав об этом, Кхарагсен обратился в бегство.
- 64 Под видом нищего шел он тайными тропами ⁴⁷.
Через реки, села, леса и горы, наконец пришел в Джаунпур.
- 65 Вернулся он домой, поклонился наставникам,
Отдал матери все, что нажил.
- 66 Прошло четыре года. Когда Кхарагсену минуло восемнадцать,
Отправился он на запад. Было это в 1626 году.
- 67 Приехал Кхарагсен в Агру, где жил его дядя Сундардас.
Был он ювелиром и ростовщиком, принял Кхарагсена с любовью.
- 68 Кхарагсен привез с собой деньги, объединил состояние с дядиным.
Стали они компаньонами, оба искусные, богатые и щедрые.
- 69 Любили они друг друга. «Словно отец и сын», — говорили люди.
Еще четыре года прошло, поехал Кхарагсен в Мератх жениться.

- 70 Жил в Мератхе Сурдас Шримал.
Взял Кхарагсен его дочь в жены, вернулся в Агру.
Торговал на базаре, увеличивая свой капитал.
Построили с женой дом отдельно, ибо с теткой не ужились.
Прошло два-три года, и Сундардас скончался.
Умер, оставив все богатство; не было у него сыновей, одна дочь.
- 71 Дочь была не замужем. Кхарагсен устроил ее свадьбу,
Одарил богатым приданым.
- 72 Все наследство Сундардаса, опись которого составил, собравшись,
панч ⁴⁸,
Отдал [двоюродной] сестре, ничего себе не взяв ⁴⁹.
- 73 В 1633 году [Кхарагсен] вернулся в Джаунпур,
[При нем] — конь, повозка, много слуг и деньги.
- 74 Прошло дней десять; торгуя на джаунпурском базаре,
Нашел себе [Кхарагсен] компаньона, чтобы росли доходы.
- 75 [Это был] богатый купец Рамдас из касты агарвал-шинаитов ⁵⁰,
Стали они партнерами для пользы дела, жили в почете и дружбе.
- 76 Удвоили они ростовщический оборот, продавали жемчуг,
самоцветы, чунни ⁵¹.
Счастливо текло время. Наступил 1635 г.
- 77 У Кхарагсена родился сын. На радостях растратили много.
Но на десятый день он умер, было глубоким горе.
- 78 В 1637 г. отправились [супруги] на поклонение сати ⁵².
По дороге ограбили их воры, всю поклажу забрали.
- 79 Одну одежду оставили. Едва-едва добрались до дому.
Ходили они молить о сыне — и вот что из этого вышло.
- 80 На богомолье отправились, не ведая, что [это] — обман.
Ведь даже увидев обман своими глазами, ничего глупцы не поймут.
- 81 Вернувшись домой, занялся [Кхарагсен] торговлей. Мадан Сингх
устал,
Отринув майю ⁵³, обрел покой. Прошло три года.
- 82 В 1641 г. Мадан Сингх скончался.
Набожность его [была] прославлена всюду. А через два года
- 83 Кхарагсен вновь отправился на поклонение сати.
И вот в 1643 г., в светлую половину месяца магх ⁵⁴,
- 84 В одиннадцатый день, когда Луна была в созвездии Тельца,
У Кхарагсена родился сын.
- 85 На радостях назвали его Викрамаджитом, красавицы спели
величальную ⁵⁵.
Много добра раздали. Сын родился через восемь лет [после
первого].
- 86 Через шесть-семь месяцев отправился Кхарагсен поклониться
Паршве.
Взял свою семью с собой, совершил [положенные] обряды.
- 87 Совершив возлияние, протянул [Кхарагсен] ребенка жрецу.
Тот воззвал [к Паршве]: «Кладу дитя к твоим стопам.

- 88 Даруй ему долгие годы, будь ему хранителем,
Будь милостив к своему рабу».
- 89 При этом жрец сделал вид, что впадает в транс,
Полчаса сидел, погруженный в молчание, потом повернулся
и сказал: «Слушай,
- 90 Друг, явился мне якша ⁵⁶, посланец владыки Паршвы,
И вот что сказал: “Не беспокойтесь об этом ребенке!
- 91 Дайте ему имя в честь родного города владыки Паршвы,
И будет он жить долго”. Так сказав, исчезло божество».
- 92 Услышав это от жреца, Кхарагсен ожил душою,
Хвала Паршве, вся семья была счастлива.
- 93 Словно во второй раз родился [ребенок], назвали его Банараси Дас.
Дав сыну имя, вернулись в Джаунпур.
- 94 Ребенок рос в довольстве и счастье. Настал 1648 г.
И было предопределено ему кармой тяжело заболеть дизентерией.
- 95 Много испробовали лекарств, но мальчик все слабел.
- 96 Целый год мучился, потом ему полегчало.
Следующий год он не болел, а в 1650 г. заразился оспой.
- 97 Заболел оспой, но она скоро прошла.
Тем временем у Кхарагсена родилась дочь.
- 98 Когда сыну исполнилось восемь, пошел он в школу.
Учился у пандита ⁵⁷ чтению и письму.
- 99 Ходил в школу целый год, день ото дня становился разумнее.
Окончил школу в 1652 г.
- 100 Кхарагсен торговал рубинами, жемчугами, кораллами,
Тем временем Банараси исполнилось девять лет.
- 101 Жил в городе Хайрабаде купец по имени Парбат Тамбе,
У его сына Кальянмала была дочь.
- 102 Явились от них [с предложением] пурохит и цирюльник ⁵⁸.
Привезли письмо от Кальянмала Кхарагсену.
- 103 Устроили помолвку, поставили [жениху] на лоб тилак ⁵⁹.
Решили, что свадьба состоится через два года ⁶⁰.
- 104 Помолвка была в 1652 г., минул 1653 г.,
Отмеченный в Джаунпуре голодом и недородом.
- 105 Шли дни за днями, настал 1654 г.
В светлую половину месяца магх сыграли свадьбу.
- 106 [Новобрачные] прибыли в дом Кхарагсена, где в это время
Родилась еще одна дочь и умерла старая бабушка.
- 107 Смерть бабушки, рождение дочери, приезд сына с невесткой —
Все эти события произошли в один и тот же день в одном доме!
- 108 Этот мир — всего лишь обман, полон он печали.
Мудрые отринули его, а глупым невдомек.
- 109 Прошло еще два месяца. Приехал дядя невестки,
Звали его Тарачанд Шримал. Увез он ее домой ⁶¹.
- 110 Уехали они в Хайрабад. А тем временем в Джаунпуре
Бедой приключилась. Наместник, наваб Килич ⁶²

- 111 Бросил в тюрьму всех ювелиров,
Стал требовать от них того, что у них не имелось.
- 112 Разгневавшись, приказал всех их избить.
Связали ювелиров, точно воров,
- 113 Избили кнутом до полусмерти.
Когда же отпустили, разбежались они по домам
- 114 И разошлись, куда глаза глядят,
Захватив пожитки. Что за проклятие пало на них!
- 115 Разлетелись во все стороны, как солома на ветру.
Взяв семью, Кхарагсен отправился на запад, пересек Гангу,
- 116 Есть там город Шахзадпур близ Кара-Маникпура⁶³.
Когда шли туда, начались дожди, дороги размокли.
- 117 Темной дождливой ночью остановились в караван-сараях.
Кхарагсен и его домочадцы рыдали, как несчастные сироты.
- 118 Вся семья — жена, сын, дочь, — накопленное богатство,
По воле злой судьбы стали воплощением горя.
- 119 Жил в этом городе богатый купец Карамчанд Махур.
Освободил он свой дом, сам переехал в другой.
- 120 Глубокой ночью пошел он искать Кхарагсена, громко расспрашивал
о нем,
Разыскав Кхарагсена, явился к нему.
- 121 Поздоровавшись, сел рядом и сказал: «Я — ваш слуга, вы — мой
господин.
Прошу вас, поедем со мной. Садитесь верхом, я пойду рядом.
- 122 Есть у меня подходящая хижина. Прошу, пойдите скорее!»
Отправился Кхарагсен с семьей к нему в дом.
- 123 Отдохнули они там, а дом этот был великолепен.
Много новой посуды, шелковые занавеси, пуховые перины.
- 124 Кладовая полна зерном, не счесть и другой снеди.
Все было в изобилии, каждый добр [к гостям].
- 125 Отказывался Кхарагсен, но хозяин его умолял остаться.
Проявил большую настойчивость, отринул гордость.
- 126 Так отдал Карамчанд в разгар дождей свой дом.
Как поведать о таком благоденствии!
- 127 Кхарагсен счастливо там зажил. Стоит подумать о случившемся:
Горе причинил наваб Килич, счастье пришло в Шахзадпуре.
- 128 С одной стороны, разница велика, с другой, — горе и радость
равны.
Кто печалился, того ждет радость. Кто радовался, испытает горе.
- 129 В радости — радуемся, в горе — печалимся.
В глазах глупца горе и радость различны,
- 130 Мудрый же одинаково переносит и счастье, и беду.
Точно солнце, которое равно сияет на восходе и на закате.
- 131 Купец Карамчанд и Кхарагсен Шримал
Подружились, не расставаясь ни днем, ни ночью.

- 132 Так прожила семья в Шахзадпуре десять месяцев.
Затем Кхарагсен уехал в город Праяг близ Тривени ⁶⁴.
- 133 Город Праяг близ Тривени называется также Аллахабад,
Там правил сын падишаха Акбара.
- 134 Кхарагсен поступил к нему на службу.
Юный Банараси, оставшись [в Шахзадпуре], стал торговать
каури ⁶⁵.
- 135 Зарабатывал танка ⁶⁶ или два, гордился своим успехом.
Скопив толику денег, отдал все бабушке [матери отца].
- 136 Бабушка раздала сласти и печенье ⁶⁷,
В честь первого заработка внука устроила молебен сати Аут.
- 137 Она поклонялась сати Аут и верила, что сати даровала ей внука.
Часто во сне видела она питри ⁶⁸, проснувшись, передавала их
волю.
- 138 Целыми днями и ночами размышляла об увиденном. Глуп род
людской.
Но что говорить об этом, не помогут слова. Каждый поступает как
разумест.
- 139 Прошло еще три месяца, всего тринадцать [со дня бегства].
Пришло письмо от Кхарагсена, звавшего [семью] в Фатехпур ⁶⁹.
- 140 В двух паланкинах, сопровождаемый четырьмя слугами,
Банараси с семьей отправился в Фатехпур.
- 141 Прибыли они в Фатехпур, где жило много семей из касты оснал,
Жила там семья Басу Шаха, последователя адхъятмы ⁷⁰.
- 142 Сын Басу Бахагавати Дас поселил [семью Банараси] у себя.
В доме его стал жить Банараси со своим семейством.
- 143 Дни шли в радости и покое, в удовольствиях и развлечениях.
Получив письмо отца, отправился Банараси в Аллахабад.
- 144 Уехал Банараси, оставив семью в Фатехпуре.
Встретились сын с отцом, к большой радости обоих.
- 145 Добрый ювелир Кхарагсен торговал драгоценными камнями.
Давал взаймы деньги правителю Даниялу ⁷¹.
- 146 Так прошло четыре месяца: то радость, то печаль.
Затем переехали в Фатехпур, там соединилась семья.
- 147 Через два месяца узнали, что Килич уехал в Агру ⁷².
Тогда Кхарагсен с семьей вернулся домой в Джаунпур.
- 148 Все ювелиры, кто бежал или спрятался,
В 1656 г. вернулись к своей торговле.
- 149 Целый год все было мирно. Вдруг пришел к Джаунпуру Шах
Салим ⁷³,
Принц-наследник, любимый сын шаха Акбара.
- 150 Явился он охотиться в лес Колхубан. Падишах же заподозрил
[мятеж] ⁷⁴.
Шлет он указ наместнику Джаунпура Нурам Султану, брату Килича.
- 151 Вот что говорилось в указе Акбара: «Наследник отправился
в Колхубан.

- Ты должен любой ценой не допустить его туда».
- 152 Нурам Султан возложил на голову указ государя ⁷⁵.
И начал он укреплять джаунпурскую крепость.
- 153 Велел перекрыть все дороги и гхаты ⁷⁶,
Поднять мосты, закрыть ворота, готовиться к бою.
- 154 Собрал [в крепости] много всадников и пехотинцев, расставил
посты,
На зубчатых стенах установил пушки.
- 155 Собрал в городе большой запас провианта, воды, тканей,
Доспехов, лестниц, мушкетов, много пороха и разного оружия.
- 156 Много потратил казны, приготовился к бою.
Народ был охвачен страхом, разбежался кто куда.
- 157 Обезлюдел огромный город, пришло [вражеское] войско!
Собрались все ювелиры: «Город опустел,
158 Кто придумает теперь, что делать? С семьями тем более трудно.
Остаться — плохо, бежать — плохо, поймали нас, как змея крысу!»
- 159 Собрались они и пошли к Нурам Султану за советом.
Сказал Нурам: «Слушайте, купцы, решайте сами, уйти или остаться.
- 160 Мне самому погибать здесь, так что я могу вам посоветовать?»
Вернулись ювелиры по домам: «Бежим, а там — что бог даст».
- 161 И все они разбежались кто куда по одному,
Кто нашел убежище у кого-то, кто скитался без приюта.
- 162 Кхарагсен отправился туда же, куда и Дулха Сахи.
Пришли в деревню Лакшманапур, где чоудхри ⁷⁷ Лакшмандас.
- 163 Он помог им, укрыл в джунглях.
Прожили там шесть-семь дней, услышали, что в Джаунпуре все
успокоилось.
- 164 Шах Салим, [придя] на берег Гомти, послал одного эмира,
По имени Лала Бег, послом к Нурам Султану.
- 165 Уговорил его речами и мягкими, и суровыми, привел [к принцу],
Поклонился [Нурам] принцу в ноги, и был им прощен.
- 166 Услышав эту весть, все успокоились.
Люди разошлись по домам, избавились от болезни страха.
- 167 Кхарагсен и Дулха Сахи отправились домой,
Со своими семьями возвратились и занялись вновь торговлей.
- 168 В это время Банараси исполнилось четырнадцать лет.
Стал он учиться у пандита Девадатта.
- 169 Изучал он «Намамалу» ⁷⁸ и «Анекартху» ⁷⁹,
Астрономию, поэтику, «Лагху Кока» ⁸⁰, четыреста шлок ⁸¹
«Кхандаспхута» ⁸².
- 170 Учился и наслаждался знаниями. Было это в 1657 г.
Отринув родовую честь и стыд, занялся Банараси любовными
похождениями.
- 171 Влюблен был, без памяти, точно суфий-факир ⁸³.
Увидев [возлюбленную], лишь о ней думал. Стал тратить свое
и отцово богатство.

- 172 Воровал [у отца] чунни, рубины, украшения, покупал бетель,
сласти, камфару,
Посылал в подарок [возлюбленной], называл себя [ее] несчастным
рабом.
- 173 Так прошло четыре месяца. Настали зимние холода.
Пришли два ученика [мудреца] Абхайдхармы из секты
Кхаратагачча⁸⁴.
- 174 Один был муни⁸⁵ Бханчанда, другой — юный Рамчанда, носивший
одежду домохозяина.
Пришли они в Джаунпур. Собрались [на встречу с ними] все
шравака⁸⁶.
- 175 Во имя родовой дхармы юный Банараси с отцом посетили обитель.
Привязавшись к Бханчанде, стал [Банараси] целые дни проводить
с ним.
- 176 Стал [Банараси] учиться у мудреца. Изучал он «Панчасандхи»,
Священные гимны, заучивал отдельные шлоки,
- 177 Правила медитации, обряды, «Чхандакошу» и «Шрутабоддху»⁸⁷,
И прочие тексты, заучивал «восемь добродетелей»⁸⁸.
- 178 Когда приходил на учебу, когда погружался в любовные
похождения.
Сочинил новую книгу, было в ней тысяча доха⁸⁹ и чаупай⁹⁰.
- 179 Все девять раса⁹¹, но больше всего — о любви.
Дурным стихоплетом стал Банараси, начал писать лживые книги.
- 180 Когда учился, когда развлекался, голову потерял от того и другого.
Даже о еде не думал, заработка никакого.
- 181 Так прошло два года. Мать и отца не слушал.
Занимался любовью и учебой. Настал 1659 г.
- 182 В возрасте шестнадцати лет без двух месяцев
Отправился мудрый Банараси в дом тестя [за женой].
- 183 Нарядился он, сел в паланкин и, взяв с собою слуг,
Благополучно прибыл в город Хайрабад.
- 184 Прошел месяц, и зимой, в месяце пауш⁹²,
В наказание за грехи прошлых рождений, скрутила его болезнь
вата⁹³.
- 185 Стал Банараси безобразным, словно прокаженный,
Все кости болели, волосы вылезли,
- 186 Тело покрылось болячками, руки и ноги — как отрублены,
Ни тесть, ни шурин — никто в доме с ним вместе не ел.
- 187 Так плохо было дело, никто близко не подходил,
Только теща и жена ухаживали за ним.
- 188 Кормили и поили [больного] с ложки,
Заткнув нос, натирали [его] мазью.
- 189 Некий цирюльник нашел способ лечения:
Стал кормить [больного] сухим горохом без соли, и денег не взял.
- 190 Через четыре месяца [Банараси] полегчало,
А еще через два месяца Банараси выздоровел.

- 191 Окреп, совершил омовение, дал цирюльнику подарок,
Сложив руки, поклонился ему, сказав: «Ты мой верный друг!»
- 192 Довольный, цирюльник пошел домой.
А Банараси еще дней десять прожил в Хайрабаде.
- 193 Потом сел в паланкин и отправился домой.
Тесть и теща жену с ним непустили⁹⁴.
- 194 [Дома] упал он в ноги отцу, мать, рыдая, била себя в грудь,
Кричала она, как птица куринджи⁹⁵, видя состояние сына.
- 195 Было Кхарагсену стыдно за сына, осыпал он его ругательствами.
Плакал Банараси, какое-то время провел в смущении,
- 196 Дней десять-двадцать дома грустил, потом пошел в обитель.
Когда учился, когда веселился — все пошло по-старому.
- 197 Прошло четыре месяца, Кхарагсен уехал в Патну,
А Банараси — в Хайрабад. Явился [к тестю] со смущенным видом.
- 198 Целый месяц дома сидел, на базар не ходил.
Потом уехал домой на коне, везя в паланкине жену.
- 199 Вернулся в Джаунпур. Собралась вся семья и родные.
Сказали наставники: «Любовное безумие подобает дервишам⁹⁶.
- 200 Учатся много брахманы и бхаты⁹⁷. [Ты] сын купца, так сиди
на базаре.
Много учиться будешь — нишим станешь. Послушай старших,
сынок!»
- 201 Все поучали его, дали много добрых советов.
Но Банараси никого не слушал, жил, как хотел.
- 202 Ходил в обитель учиться, еще больше предался любви.
Нет проку в увещаньях. Как [человек] мыслит, так и поступает.
- 203 Согласно карме, развлекался Банараси. Настал 1660 г.
Вот что важного произошло в этом году:
- 204 Кхарагсен вернулся из Патны домой,
Выдал замуж старшую дочь, потратив [на свадьбу] спрятанные
ранее деньги.
- 205 У Банараси родилась дочь, через шесть-семь дней умерла.
Заболел Банараси, прописали ему долгий пост.
- 206 Мучился от голода, молил о пище, но запрещали есть наставники.
Тогда попросил хоть взглянуть на пури⁹⁸. Две пури по полсера⁹⁹
весом
- 207 Сташил и спрятал под кроватью. Так Банараси воровал еду.
Съел тайком и поправился. Дивились люди [такому исцелению].
- 208 В 1660 г. Кхарагсен, набравшись смелости, совершил одну
[опасную] сделку,
Получил прибыль один к ста. Все в доме ликовали.
- 209 Было это в 1660 г. Расскажу о том, что сам видел.
Еще в месяце саван предыдущего года некий подлый аскет
- 210 Встретился случайно с Банараси и сказал ему вот что:
«Знаю я одно заклинание. Повторяй его постоянно,

- 211 Ежедневно, в течение целого года,
В нужнике сидя, не ошибись ни в одном слове.
- 212 Послушай, что получишь, когда сбудется заклинание:
Каждый день на рассвете будешь во дворе находить динар.
- 213 Так будет в течение целого года. Захочешь еще — повторишь все».
Выслушал его Банараси, решил, что это великий святой.
- 214 Охваченный алчностью, склонился к его ногам, оказал почет
[аскету].
- Тот научил [Банараси] заклинанию, написал слова на бумаге.
- 215 И отправился прочь, а Банараси стал повторять заклинание.
Целый год старался, не сбился ни разу.
- 216 Как минул год, вышел Банараси во двор,
Искал, искал, но ничего не обнаружил.
- 217 Пришел на следующий день, но и во сне динар не явился.
Ни к чему не привела алчность, лишь возросла забота.
- 218 Поведал Бханчанде свою печаль. Тот объяснил, что все это обман.
Узнал Банараси истину, успокоился, появился у него аппетит.
- 219 Пришел тут еще один йог, одурачил Банараси.
Дал ему священную раковину¹⁰⁰ и прочее, что нужно для обряда.
- 220 Сказал: «Вот образ Шивы. Молись, и обретишь благо».
Обрадовался Банараси, стал ежедневно молиться Шиве.
- 221 Проникся благочестием, совершал обряды восьми видов.
«Шива, Шива», — повторял по сто раз, испытывая в душе радость.
- 222 Ел, лишь совершив обряд, а иначе — каялся,
В наказание весь следующий день питался только сухой пищей.
- 223 Так много дней тайком поклонялся Шиве.
Настал месяц чайт¹⁰¹ 1661 г.
- 224 У [наследника престола] Шаха Салима был муким¹⁰² Хирананд,
Ювелир из касты освал, богатый купец.
- 225 Он отправился в паломничество в Праяг,
С группой [паломников] пересек Ганг близ Джаунпура.
- 226 Повсюду разослал письма [собратьям по вере] с доброй вестью.
Получил письмо и Кхарагсен с предложением присоединиться.
- 227 Отправился он в путь верхом на коне,
Присоединился к Хирананду, оставив дома семью.
- 228 Уехал Кхарагсен, а Банараси совсем отбился от рук.
Что ни день, ссорился с матерью. Чтобы достичь святости,
- 229 Простоквашу, молоко, топленое масло, рис, горох, масло, бетель,
цветы —
Все это отринул, пил только воду, упрямый мальчишка.
- 230 Это было в месяце чайт. Прошло шесть-семь месяцев.
Настал священный месяц картик¹⁰³. Отправились все на богомолье.
- 231 Шиваиты — совершить омовение [в Ганге], джайны — молиться
Паршве.
- С ними и Банараси отправился в Бенарес,

- 232 Пришли в город Каши, искупались в Ганге,
Почтили Паршву и Супаршву, очистив свою душу.
- 233 Все, от чего отказался по обету Банараси,
Подносил тиртханкару, поклоняясь его стопам.
- 234 Десять дней провел Банараси в городе Бенаресе,
Каждый день с самого утра посвящал молитве.
- 235 Так поклонялся он Паршве с любовью,
А вернулся домой — и снова стал поклоняться Шиве.
- 236 Лишь поклонившись Шиве, он ел что-нибудь,
Дома и не дома, тут и там — никогда не забывал [об этом].
- 237 Раковина — образ бога Шивы, большой раковиной стал
Банараси ¹⁰⁴.
- Слились оба воедино, соединился раб с господином.
- 238 Тем временем у Кхарагсена родился еще сын.
Умер он вскоре, и сказать о нем нечего.
- 239 В 1661 г. вернулись паломники. Неудачным было возвращение.
Многие заболели, кто помер, кто спасся.
- 240 Кхарагсен доехал до Патны, и тут случилась беда.
Свалила его тяжелая болезнь желудка, причинив большие
страдания.
- 241 Добрался он до Джаунпура, Хирананд [тоже] остановился
в Джаунпуре.
- Кхарагсен очень страдал, дома сразу же лег в постель.
- 242 Хирананд, украшение рода людского, пробыл в Джаунпуре 4 дня.
На пятый день пересек реку и остановился в парке. На шестой —
отправился в Праяг.
- 243 Распалась связь [паломников], каждый сам по себе, разошлись
на все четыре стороны,
Точно лодки на реке, расстались, больше не встретились ¹⁰⁵.
- 244 Прошло еще несколько дней. Кхарагсен поправился.
Потекли дни спокойно, хотя и не без печали.
- 245 Родился сын в доме Банараси,
И умер вскоре, покинув злополучную телесную оболочку.
- 246 Наступил 1662 г. Пришел месяц картик, кончились дожди.
В городе Агре умер император Акбар, Шах Джалал ¹⁰⁶.
- 247 Пришла весть в Джаунпур. Осиротел народ.
Горожан охватил страх, сердца наполнила скорбь, лица пожелтели.
- 248 Банараси, внезапно услышав о смерти Акбара,
Упал с лестницы, голова у него закружилась.
- 249 Стало ему дурно, не удержался на ногах.
Разбил голову, полилась кровь, воскликнул он: «О господи!»
- 250 Ударился он сильно, окрасил кровью двор.
Все заахали, родители были в отчаянье.
- 251 Мать положила [голову сына] на колени, приложила к ране корпию.
Уложили в постель Банараси, мать обливалась слезами.

- 252 А тем временем в городе царило смятение.
Двери домов были закрыты, замерла торговля.
- 253 [Одни] закапывали в землю украшения и дорогие ткани,
[Другие], погрузив добро на повозки, спасались бегством.
- 254 Повсюду запасались оружием, одевались в грубое платье.
Надевали одеяла или грубые накидки, даже женщины оделись
в рубища.
- 255 Не различить было высоких и низких, сравнились богачи с
бедняками,
[Хотя] разбойников нигде не было видно. Напрасно тревожились
люди 107.
- 256 В смятение прошло дней десять, затем все успокоились.
Потом пришло письмо следующего содержания:
- 257 «Падишах Акбар правил пятьдесят два года,
Скончался он в месяце картик 1662 г.
- 258 Старший сын Акбара, Шах Салим
В городе Агре воссел на трон, подобно Акбару.
- 259 Принял он [тронное] имя Нур ад-дин Джахангир Султан.
Весть об этом была распространена по всему государству».
- 260 Вот что было в письме, шла весть из дома в дом,
Когда дошла она до Джаунпура, началось всеобщее ликование.
- 261 Радость пришла в дом Ххарагсена, печаль рассеялась.
Банараси совершил омовение, устроил праздник, раздал дары.
- 262 Как-то раз Банараси, сидя дома один на крыше,
Задумался крепко: «К чему поклонялся я Шиве?
- 263 Когда упал я без чувств, не поддержал меня Шива».
Подумав так, бросил он почитать Шиву, не совершал больше
обрядов.
- 264 С того дня не лежала душа к обрядам [шиваитов], отложил
раковину.
Однажды, взяв с собой книгу собственного сочинения, вместе
с друзьями
- 265 Пошел Банараси на реку Гомти, уселись они на мосту.
Начал читать друзьям книгу, и вдруг [его] пронзила мысль:
- 266 «Кто раз солжет — узнает муки ада.
Я же лгал постоянно, ни слова не сказал правды!
- 267 Что же случилось со мной — внезапно я прозрел!» —
Сказав так, взглянул на реку и швырнул туда книгу, точно мусор.
- 268 Друзья заахали: «Река такая глубокая,
Все листы водой унесло, кто их теперь соберет?»
- 269 Долго сокрушались они, говоря: «Удивительно движение кармы!»
Потом разошлись, а Банараси вернулся домой.
- 270 Услышав эту историю, Ххарагсен обрадовался в душе:
Сын взялся за ум, честь семьи сохранена!
- 271 С того дня Банараси вел себя как подобает.
Бросил дурные привычки, зажил по обычаям семьи.

- 272 Не поучения исправляют человека, а жизненный опыт.
Проходит детство, кончаются юношеские забавы.
- 273 Возвышается добрая карма, убывает дурная.
Так вот и Банараси вступил на путь добродетели.
- 274 Вставал на рассвете, шел в храм, до этого даже зубы не чистил.
Выполнял четырнадцать обрядов, погружался в медитацию, каялся
в грехах.
- 275 Дал обет не есть зелень и баклажаны ¹⁰⁸.
Ежегодно соблюдал 8-дневный обет почитания тиртханкаров.
- 276 Ежедневно слушал джайнские предания.
Человеческому роду не дано предвидеть будущее.
- 277 Раньше была у Банараси дурная слава, теперь стала добрая.
Наступил 1664 г., поведаю теперь о нем.
- 278 У Кхарагсена было две дочери.
Одну он выдал в Джаунпуре, другая была не замужем.
- 279 Ее свадьба состоялась в месяце пхалгун ¹⁰⁹ 1664 г.
Уехала она к мужу в Патну, и с ней ушла забота.
- 280 У Банараси родился еще один сын,
Но через несколько дней улетел, покинув телесную клетку.
- 281 Когда горе, когда радость. Так минуло еще три года.
Радовался Кхарагсен: сын вел себя очень хорошо.
- 282 Настал 1667 г. Кхарагсен собрал в своем доме товар,
Составил список, указав цены: ювелирные украшения и отдельные
камни,
- 283 Два браслета-запястья, два перстня, 24 рубина, 34 жемчужины,
Девять голубых сапфиров, двадцать изумрудов, четыре мешка
с чунни и блестками,
- 284 Два бурдюка масла, гхи двадцать манов ¹¹⁰,
Джаунпурский муслин — всего товару на 200 рупий.
- 285 Частично затратил свои деньги, частично взял в кредит,
Когда товар был готов, Кхарагсен поразмыслил,
- 286 Позвал сына Банараси и сказал ему так:
«Возьми эти товары и отправляйся в Агру торговать.
- 287 Пора тебе взвалить на плечи ношу, пора кормить семью».
Поставил ему на лоб тилак и вручил товар.
- 288 Нагрузив товаром повозку, спрятав драгоценности в одежде,
Привязав их к концу собственного дхоти ¹¹¹, отправился в путь
Банараси.
- 289 Собрались повозки в караван, ежедневно проходили по 5 косов ¹¹².
Таким порядком прибыли в Итаву.
- 290 Близ города Итавы составили повозки кругом,
В сумерки на пустыре сошли люди с повозок.
- 291 Стустились тучи, хлынул ливень,
Взмолились все: «Где найдем приют?»

- 292 Накинув одеяло, отправился Банараси пешком,
Зашел в караван-сарай, но там остановились два эмира, [мест
не было].
- 293 Полно народу на базаре, нет места на рынке,
Негде остановиться, все двери домов закрыты.
- 294 Ходил, выбился из сил, негде было присесть,
Ноги вязли в грязи, сверху поливал дождь.
- 295 Стояла темная ночь, был холодный месяц агхан ¹¹³.
Какая-то женщина позвала к себе, но муж [ее] выгнал [Банараси]
палкой.
- 296 Банараси добрел до городских ворот,
Рядом с ними в хижине сидели стражники.
- 297 Подошел к ним Банараси, было с ним еще два монаха.
«Вы кто такие?» — спросили стражники у несчастных скитальцев.
- 298 Ответил им Банараси: «Мы — торговые люди,
Плохо нам без пристанища, скитаемся по воле судьбы».
- 299 Сжалились стражники и сказали: «Заходите сюда в хижину,
Мы скоро пойдем по домам, а вы можете тут расположиться.
- 300 Но вот еще что: утром начальство узнает, что вы здесь,
Вас не выпустят отсюда без бакшиша; дайте и уйдете».
- 301 Все понял Банараси, уселся в хижине,
Вымыл ноги, просушил одежду.
- 302 Уснул, расстелив солому. Вдруг ввалился какой-то силач,
Заорал: «Ты кто такой? Эта хижина моя!
- 303 Тут моя постель, я сплю здесь, а ты откуда свалился?
Убирайся вон, а не то отведаешь моей плетки!»
- 304 Банараси и его спутники хотели было уйти,
Но сжалился тот над ними, видя, как идут они под дождь.
- 305 Дал им старую циновку, сам же расстелил кровать.
Сказал: «Ложитесь на циновку, я же без кровати не усну».
- 306 «Пусть будет так», — сказал Банараси и вскоре уснул.
Что напрядешь, то и соткешь, что посеешь, то и пожнешь.
- 307 Уснул этот человек, а трое улеглись под кроватью,
Прошла ночь, одеяла предохранили от холода.
- 308 К утру дождь перестал, земля подсохла,
Собрался караван и отправился дальше.
- 309 Прибыли в Агру, снова шел дождь, [на дорогах] — грязь.
Оставив ткани, масло и гхи на одном берегу [Джамны],
переправился Банараси через реку
- 310 И задумался: где остановиться?
Решил он отправиться к Жемчужному базару.
- 311 Там, близ дома Чампси ¹¹⁴, жил муж младшей сестры Бандидас.
Отправился [Банараси] прямо к нему. Говорят же: «Лучшая
[помощь] — от родича или святого».
- 312 Так размышляя, отправился Банараси в дом зятя.
Бандидас тепло его встретил и спросил: «Где оставил товар?»

- 313 Ответил Банараси, что оставил товар в одной котхи ¹¹⁵.
Через несколько дней поставил он павильон в некоем месте,
314 Там разместил кипы тканей, стал ежедневно ходить на базар.
Продав ткани, подсчитал. Получилось — торговал в убыток.
315 Потом съездил на тот берег [Джамны] за маслом и гхи.
Продал их, получив доход в четыре рупии.
316 Получив вексель, взятый отцом за часть тонара, а какую — бог
ведь,
Погасил его из вырученных денег и взялся за драгоценные камни.
317 Давал в долг всем, кто ни попросит, не разбирал, кто честен,
кто нет.
Кто ни скажет, давал [камни в долг] без залога.
318 Не знал дурень, как ведут торговлю в Агре.
Худо шли дела, со всех сторон убыток.
319 Хранил Банараси ожерелье и камни, прикрепив их к шнурку
шаровар.
Лопнул раз шнурок, упали драгоценности и были утеряны.
320 Пропали ожерелье и камни, что прятал [Банараси] там.
Молча снес он удар, никому не сказал ни слова.
321 Рубины же держал [Банараси], привязав к шнурку шаровар, дома.
Перегрызли шнурок крысы, и пропали рубины.
322 Продал Банараси два браслета покупателю.
Забрал [выручку] сборщик пошлины, совсем разорил.
323 Еще одно кольцо потерял Банараси.
Когда привязывал его к шнуру, упало оно, так и не нашли.
324 Остались у Банараси одни безделушки, две кипы одежды, кипа
ткани,
Слонялся он по дому, денег не осталось.
325 Тут в наказание за грехи скрутила Банараси лихорадка, точно яд.
Тяжко заболел Банараси, десять дней ничего не ел.
326 Потом вылезился, целый месяц на базар не ходил.
Получал от Кхарагсена письма, но сам не отвечал.
327 Ювелир Уттам Чанд, младший сын Дулаха,
Муж старшей сестры Банараси, приходившийся ему зятем,
328 Написал [Кхарагсену] письмо из своего дома [в Агре],
О том, что разорился Банараси, впал в нищету.
329 Когда в Джаунпуре Кхарагсен узнал о том, что случилось,
Заголосили от горя все в доме, начался скандал.
330 Поссорился Кхарагсен с женой, говорил ей, плача:
«Сказал же я, что этот сын пустит нас по миру!»
331 Сбылись мои слова, сын стал нишим,
Без жалости растратил капитал, пропало наше дело!»
332 Впал в отчаянье [Кхарагсен], тяжело дышал, говорил всякий вздор.
Жена Банараси тем временем уехала в Хайрабад.
333 Так было в Джаунпуре, а [в это время] в Агре
Продал Банараси домашний скarb и все проел,

- 334 Даже мелочи, какие были, все продал,
Обноски — и те спустил, осталось [у него] несколько танка.
- 335 Сидел дома Банараси, на базар не ходил,
«Малхумалати» и «Мригавати», две благородные книги ¹¹⁶,
- 336 Читал по вечерам, приходило [к нему] десять-двадцать человек.
Пели, беседовали, уходя, благословляли [Банараси].
- 337 Не было порой в доме и куска на завтрак.
Приходил один человек, торговавший качаури ¹¹⁷, слушать истории.
- 338 У него брал Банараси в долг, покупал качаури по серу,
Этим они и питались, вставая на рассвете.
- 339 Когда ходил на базар, когда сидел дома,
Так и жил [Банараси], ел качаури в долг.
- 340 Как-то раз Банараси, улучив момент,
Поведал торгунцу свою тайну.
- 341 «Ты много дал мне в долг, если и дальше будешь давать,
[Знай], что у меня ничего нет, негде взять денег».
- 342 Ответил торгонец: «Бери еще [качаури] на двадцать рупий.
Никто ничего тебе не скажет, делай что хочешь».
- 343 Умолк Банараси, никто не знал об этом деле.
Снова занялся чтением, так прошло шесть-семь месяцев.
- 344 Однажды, когда [Банараси] читал [друзьям], Тарачанд Тамбе,
Брат тестя Банараси, сын Парбата Тамбе,
- 345 Явился под вечер в дом Банараси,
Пока сидели все [гости], хранил молчание [Тарачанд].
- 346 Когда же гости попрошались и разошлись по домам,
Повел Тарачанд с Банараси ласковую речь.
- 347 Ласково уговаривал его: «Прими мое приглашение на завтра,
Завтра обязательно пообедай у меня».
- 348 Сказав это, пошел домой, вновь явился наутро.
Упрашивал Банараси, который еще спал, прийти, ибо еда уже
готова.
- 349 [Сказал Тарачанд]: «Пойдем ко мне, поешь, потом пойдешь
на базар».
- Задумал Тарачанд хитрость. Банараси пошел к нему домой,
- 350 [А Тарачанд] прислал человека забрать его жалкий скарб,
Уплатил, что полагалось, за аренду дома, поклонился в ноги
Банараси;
- 351 Стал умолять его Тарачанд: «Оставайся здесь, не ходи туда!»
Настаивал он, пока Банараси не согласился. Поел Банараси у него
в доме.
- 352 Прошло еще два месяца. Стал Банараси компаньоном Дхарамдаса,
Который был братом Джасу и Амарси, джайнов-освал из Дели.
- 353 Они вели большую ювелирную торговлю. Дхарамдас вел себя
скверно.
Водился с дурной компанией, транжирил деньги, курил опиум.

- 354 Все же стали партнерами Дхарамдас и Банараси, составили запись, капитал внесли [братья] 500 рупий.
Подружились Банараси и Дхарамдас, стали вести торговлю вместе.
- 355 Ходили вдвоем по базару Агры, домой приходили вечером.
Вели куплю-продажу рубинов, чунни, жемчуга.
- 356 Аккуратно вели прихода-расходную книгу. Стали уважать их люди.
Покупали, продавали — дело шло. Отдал [Банараси] долг за качаури.
- 357 Долгу было на четырнадцать рупий. Все выплатил Банараси
За три раза. Обрадовался торговец качаури.
- 358 Так прошло два года, потом настало разочарование.
Решил Банараси покончить с делом и уехать в Хайрабад.
- 359 Пошел он к Джасу, брату Дхарамдаса, сообщил о своем решении.
Сказал: «Я уезжаю, возьми весь капитал, что вложила наша семья».
- 360 В ответ Джасу велел Банараси продать оставшиеся камни,
Чтобы из вырученного забрать вложенный им капитал.
- 361 Сделал это Банараси, отдал выручку Джасу,
Оказалось там ровно 500 рупий, ничего не осталось Банараси.
- 362 Два года продолжалось партнерство, заработал [Банараси]
200 рупий.
Торговал он на базаре, все больше запасаясь терпением.
- 363 В 1670 г. подсчитал [Банараси] свой доход.
Отделился Банараси, распалось партнерство.
- 364 Что нажил, все потратил, ничего не осталось.
Пропали труды, остался ни с чем, ни каури не нажил.
- 365 Сбивал океан, получил улитку¹¹⁸. Точно в сказке о торговце
хингом¹¹⁹.
Сидел, подсчитывал доход, получил убыток.
- 366 Так случилось и с Банараси. Вновь он обнищал.
Полтора года вертелся, пошел домой с пустыми руками.
- 367 Раз по дороге на базар, в переулке близ дома,
Глянул вниз Банараси и увидел на дороге кошелек.
- 368 Поднял его Банараси и открыл дома.
Оказалось там восемь жемчужин, больше ничего. Обрадовался в душе.
- 369 Заказал себе медальон, спрятал туда жемчуг,
Держал его на теле, точно чинтамани¹²⁰.
- 370 Не расставаясь с [найденным] богатством, отправился Банараси
на восток.
Шел, шел и добрался до Хайрабада.
- 371 Вечером пришел в дом своего тестя Каллу и остановился там.
Ночью стала жена расспрашивать Банараси, как было дело в Агре.
- 372 Соврал ей Банараси, но жена сказала: «Это все обман».
Тогда поведал Банараси правду: «Ничего у меня нет».
- 373 Все, что нажил, растратил, с пустыми руками явился».
Утешила его жена: «Слушай, супруг мой, горе и радость — от бога».

- 374 Было время печали, придет время радости.
За дурные и добрые дела воздастся в будущем».
- 375 Беседовали они о делах в Агре. Минула ночь, настало утро.
Утром, когда муж был один, дала ему жена двадцать рупий.
- 376 «Эти деньги я скопила, они тебе пригодятся.
Не тужи, господин, пока человек жив, все [у него] будет».
- 377 Пошла она к своей матери и сказала ей по секрету:
«Не говори никому, матушка, тут дело идет о моей чести.
- 378 Ты — мне мать, я дочь твоя, помоги же мне.
Не то через несколько дней муж мой меня покинет.
- 379 [Он] очень застенчив, страдает, не говоря ни слова».
Услышав о причине печали, сказала мать:
«Есть у меня двести рупий.
- 380 Дам их тебе тайно, чтобы вновь поехал он в Агру».
Сказала дочь: «Спасибо, матушка. Ночью я поговорю с ним».
- 381 Ночью повела она ласковую речь и спросила Банараси:
«Что ты решил, господин? Уедешь или останешься здесь?»
- 382 Сказал Банараси жене: «Поедем вместе в Джаунпур».
Ответила жена: «Слушай, милый, там [жлут нас] беды
и неприятности.
- 383 Поезжай снова в Агру. Лучше места нет».
Сказал Банараси: «Знаешь, жена, бесцельна жизнь человека
без денег».
- 384 Успокоила его жена: «Закупай товар, я дам деньги!»
И дала ему двести рупий, что тайком получила от матери.
- 385 Ожил Банараси, вновь взялся за дело.
Закупил ткань, отдал ее белить. Искал [на рынке] рубины, жемчуг,
алмазы.
- 386 Вновь стал сочинять, работал над «Аджитанатха ке чханд»
и «Намамала» 121.
Так занимался четырьмя делами сразу.
- 387 Так прошло четыре месяца, закончил [Банараси] четыре дела.
Написал двести строф «Намамалы», закончил
«Аджитанатх ке чханд»,
- 388 Ткань была готова, драгоценные камни собраны.
И вот в 12-й день светлой половины агхана отправился в Агру.
- 389 Так прибыл Банараси в Агру во второй раз.
Остановился он в квартале Катла Парвез,
привез [туда] свой товар.
- 390 В Катла Парвез было торговое заведение тестя. Там Банараси поел,
Провел ночь в котхи, утром встал и пошел на базар.
- 391 Сколько ни старался, не было спроса на ткани.
Ходил туда-сюда, вновь не повезло [не разгадал тайну судьбы]!
- 392 Зато жемчужное ожерелье, купленное за сорок рупий,
Продал за семьдесят [Банараси], доход составил тридцать.

- 393 Подумал Банараси, что лучше торговать камнями.
Жемчуг принес доход в три четверти, а ткани не проданы.
- 394 Четыре месяца старался, повисли ткани мертвым грузом.
А тем временем Нароттам Дас, внук Бениласа из готры Кхобра,
- 395 И Тханмал Бадалиа стали близкими друзьями Банараси.
День и ночь весело проводили время, все трое были
одинаково дружны.
- 396 Однажды они наняли повозку, отправились на богомолье.
Помолились, предстали [перед статуей] и все трое сложили руки.
- 397 Обратились [к тиртханкару] с просьбой:
«Пошли нам, господин, удачу.
Если мы разбогатеет, то вновь придем и почтим тебя!»
- 398 Затем отправились домой. Трое друзей [близки], точно одно тело.
Не разлучались целыми днями, вели между собой разговоры.
- 399 Пришел месяц пхалгун. Собрался жениться Балачанд,
[Его родственник] Тарачанд Мотхиа, сын Неми,
- 400 Пригласил Банараси участвовать в свадебной процессии.
Чтобы добыть денег [для поездки], продал за тридцать две рупии
жемчуг.
- 401 Продав, добыл денег, сделал все, что нужно
для свадебной процессии.
Отправился с процессией Банараси, был с ним рядом и друг
Нароттам.
- 402 Все деньги там растратил. Кончилась свадьба, вернулся домой.
С убытком в четыре рупии кое-как сбыв хайрабадские ткани.
- 403 Оплатил проценты [по долгам], вновь остался ни с чем.
Пришел домой к Нароттаму,
Там поели оба друга, повели разговор с любовью.
- 404 Сказал Нароттам: «Оставайся жить в моем доме.
[Мы] — родные братья, любим друг друга без фальши».
- 405 Возразил Банараси: «Твоим домашним это не понравится».
Сказал Нароттам: «Кто в моем доме скажет тебе [противное]?»
- 406 Настаивал [Нароттам], оставил у себя, называл [Банараси] братом,
был с ним неразлучен.
Как-то раз беседовал Нароттам с Тарачандом Мотхиа,
- 407 Предложил тот Нароттаму с Банараси съездить по торговому делу
в Патну.
Дал им с собой денег. Поставив на лоб тикку, переправились они
через реку,
- 408 В благоприятный день ¹²² тронулись в путь, наняли повозку.
Было их трое джайнов-шримал, слуг с собой не взяли.
- 409 Первым был тесть Нароттама, вторым — сам Нароттам,
Третьим — Банараси, более никого.
- 410 Повозку наняли в Фирозабаде ¹²³ до Шахзадпура ¹²⁴.
В Шахзадпуре разгрузили вещи, дальше решили идти пешком.

- 411 Уплатили за повозку, на ночь устроились в караван-сараяе.
Чтобы двигаться дальше, наняли носильщика.
- 412 Прошло полторы стражи ночи ¹²⁵. Луна светила так ярко,
Словно бы начался день. Решили двинуться в путь.
- 413 Отправились они, носильщик нес на голове поклажу.
Сбились с пути все четверо, свернув на юг, углубились в лес.
- 414 Когда они зашли в чащу джунглей, заплакал кули от страха,
Бросил поклажу и пустился наутек.
- 415 Стали совещаться [путники], разделили поклажу на три части.
Каждый взял свою долю, связал и понес.
- 416 То на плечах, то на голове. Послал господь несчастье!
Так мучились до полуночи, то плакали, то пели песни.
- 417 Блуждали, пока не вышли к разбойничьей деревне ¹²⁶.
Окликнул их кто-то: «Вы кто такие?» Молчали, рот пересох
[от страха].
- 418 Взмолились про себя богу. Тот, кого они встретили, был атаман.
Прочитал Банараси шлоку ¹²⁷, обманул [атамана].
- 419 Сказал атаман, подойдя: «Почтенные брахманы, я ваш слуга.
Прошу вас в мою чаупари ¹²⁸, бог свидетель, [я вас не обижу]».
- 420 Все трое отправились туда, куда указал атаман.
Испуганные, дрожащие от страха, лица побледнели.
- 421 [Оставшись одни], добыли хлопка, сплели себе из нитей джанеу ¹²⁹.
Три [джанеу] надели на себя, четвертый оставили напоказ.
- 422 С земли добыли глины, из пруда достали воды,
Приняли вид брахманов, поставили тикку на лоб ¹³⁰.
- 423 Минули две стражи, рассвет окрасил небо,
Явился атаман верхом и с ним двадцать человек.
- 424 Склонив голову и сложив руки, поздоровался. Получил
благословение.
- Сказал атаман: «Почтенные пандиты, я покажу вам дорогу».
- 425 Встали все трое, на лбу — тилак, на плече — джанеу.
Поставили поклажу на голову. Шли три коса по джунглям.
- 426 Вывел их атаман на Фатехпурскую дорогу.
Сказал: «Вот дорога. Позвольте нам теперь уйти.
- 427 Фатехпур там, за деревьями». — «Живи долго», — сказав это, ушли
все трое.
- Через два коса — Лакхраун, до Фатехпура три коса.
- 428 Добрались до Фатехпура, наняли двух кули.
Затем из Фатехпура отправились в Аллахабад, до которого
шесть косов.
- 429 Остановились в караван-сараяе, поели на берегу Ганги.
Пошел Банараси в город повидать отца.
- 430 Поклонился отцу в ноги, отец прижал сына к груди.
Спросил отец, как дела. Поведал Банараси свою историю.

- 431 Рассказ сына поразил [Кхарагсена] в самое сердце, упал он
на землю,
Лишился чувств, остался недвижим.
- 432 Целый час пролежал без сознания, потом пришел в себя.
Нароттам и Банараси наняли паланкин.
- 433 Отправились вместе в Джаунпур.
Кхарагсен в паланкине, Банараси с друзьями пешком.
Пришли в Джаунпур.
- 434 Банараси и Нароттам, друзья, отправились в Бенарес торговать.
Там поклонились они Паршве и принесли ему обеты:
- 435 Не есть после захода солнца и сразу после восхода.
Жертвовать по полпайсы [бедным], сделать это ежедневным
правилом.
Ежедневно, перебирая четки, произносить намокара.
В случае, если с утра обет будет нарушен, весь день не есть гхи.
- 436 Соблюдать пост каждый четырнадцатый день.
Отказаться от пятидесяти овощей, запрещенных для джайнов.
- 437 Жениться не более двух раз,
Никогда не заглядываться на чужих жен — такой дали обет друзья.
- 438 Было это в светлую половину байсакха ¹³¹ 1671 г.
Дали священный обет друзья, обрели в душе покой.
- 439 Вернулись домой, поели, угостились бетелем.
Занялись успешной торговлей. Пришло вдруг письмо от Кхарагсена.
- 440 Горькие вести были в письме. Прочли оба друга:
В Хайрабаде родился у Банараси сын.
- 441 Это был третий ребенок. Но радость сменилась горем.
Через пятнадцать дней после родов умерли оба — и мать, и дитя.
- 442 Сестру покойной отец решил выдать [за Банараси], послал об этом
весть,
Приехал от них цирюльник. Назначили день свадьбы.
- 443 В одном письме и радость, и горе. Точно клеши в руках кузнеца.
То в огонь попадут, то в воду. Так и здесь: радость и горе.
- 444 Читая это письмо, плакали оба друга.
Горько рыдал Банараси, потом умолк, скрепив сердце.
- 445 Вновь взялся за дело. Работа стала лекарством.
Продавали и покупали рубины, жемчуг, изумруды, чунни.
- 446 Иногда один уезжал в Джаунпур, другой оставался в Бенаресе.
Работали изо всех сил, и дело встало на ноги.
- 447 Времени свободного не было даже на обед.
Так в неустанных трудах прошло 6–7 месяцев.
- 448 Трудились, точно загнанные кони. И вот что послал бог.
Эмир Чини Килич-хан позвал их к себе, вручил сиробао ¹³².
- 449 [Это был] старший сын Килича, эмир, [владелец мансаба] в четыре
тысячи ¹³³.
- Управлял он городом Джаунпуром, был щедр, образован и храбр.

- 450 Чини Килич и Банараси встретились,
[Он] был очень добр к Банараси, считал его другом.
451 Продолжалось это много дней, разное случалось.
Но тут появился один недруг, копивший злобу еще с прошлых
рождений.
452 Много принес он зла [Банараси], что говорить об этом!
Пусть ни с кем больше не случится подобного!
453 И Банараси, и Нароттама мучил, не давал покоя.
Причинял всяческое зло, вымогал деньги.
454 Так прошло два месяца. Уехал куда-то Килич.
Вернулся, захватив какую-то крепость. Вновь сдружился с Банараси.
455 Изучал с ним «Намамалу», «Чхандакошу», «Срутабоддху»,
Был добр [к Банараси], никогда не случалось [меж ними] разлада.
456 Банараси ничего не говорил, но враг его испугался.
Собрал он панчаят из четырех [старшин], и ссора была улажена.
457 Уладив ссору, обрадовался Банараси, точно птица, покинувшая
клетку.

В середине 1672 г. умер Чини Килич.

- 458 Банараси и Нароттам отправились в Патну торговать.
Прожили там 6–7 месяцев, мало дохода, много трудов.
459 Потом разъехались по домам. Банараси отправился в Джаунпур.
Там ему повезло в торговле. Но об этом говорить не стоит.
460 «Возраст, богатство, домашние дела, благодеяния, честь и бесчестье,
Лечение, любовь, тайная мантра — об этом помалкивай» — говорит
поговорка.
461 [Удача Банараси] — одно из этих девяти, поэтому о ней умолчим.
Поведаем о хорошем и дурном. В Патне, Бенаресе, Джаунпуре
462 Прожил два года [Банараси]. Потом вот что случилось:
[Был] эмир Ага Нур. Падшах пожаловал ему сиробао, [послал
в эти места].
463 Услышав о его приезде, люди бросились бежать кто куда ¹³⁴.
Тогда оба друга вернулись в Джаунпур,
464 Спрятали свои семьи и отправились на север.
Шли друзья вместе, шли пешком, в руках — палки.
465 Дошли до Айодхьи ¹³⁵, поклонились святыне, но там не остались.
Отправились в Раунахи ¹³⁶, стали служителями [тиртханкара]
Дхарманатха.
466 Прятались там под видом монахов неделю, поклонялись святыне.
Потом отправились домой, в дороге узнали страшные вести:
467 Ага Нур свирепствовал в Бенаресе и Джаунпуре.
Замучил многих людей, забил до смерти.
468 Прав ли, виновен ли — хватал всех: ювелиров, ростовщиков,
Банкиров, менял, маклеров-посредников.
469 Кого били кнутом, кого сажали на цепь,
Кого жгли огнем, кого бросали в тюрьму — всем досталось.

- 470 Услышали эти вести Банараси и Нароттам от путников,
Шли [друзья] домой, но испугались.
- 471 Отправились в Сурхурпур¹³⁷, переплыли реку на плоту.
В этой лесной крепости решили остановиться.
- 472 Жили там сорок дней, потом узнали вот что: положение
изменилось.
Ага Нур уехал в Агру, отпустил горожан с миром.
- 473 Но несколько богатых горожан, избив без жалости,
Увез с собой, связав; по праву ли, нет ли — бог весть.
- 474 Узнав об этом, друзья без страха вернулись домой.
Соединились с семьями. Пришло письмо от Сабал Сингха.
- 475 Сабал Сингх Мотхиа, масанд¹³⁸, сын Немидаса Саху,
Написал собственноручно: «[Вы], оба компаньона, приезжайте
вместе [в Агру].
- 476 Пожили на востоке, возвращайтесь ко мне».
Вот что было в письме, которое прочитал Банараси Дас.
- 477 Отец Нароттама тоже написал письмо.
Было оно тайным, предназначалось одному Нароттаму.
- 478 Прочел Нароттам письмо и передал его Банараси:
«Прочти, вот что написал твой дядюшка¹³⁹ собственной рукой».
- 479 Стал читать Банараси, было [в письме] восемь-десять строк.
Сначала шли приветствия, а потом вот что:
- 480 «Кхарагсен и Банараси — оба большие мерзавцы.
Обманом и ложью втерлись к тебе в доверие.
- 481 Если с ними свяжешься, станешь нищим.
Будь осторожен, предупреждаю тебя».
- 482 Банараси прочел письмо спокойно.
Нароттам же сложил руки, склонился к ногам [друга].
- 483 Сказал он Банараси: «Ты — родной мне, ты — отец мой.
Его [отца] — ты знаешь, говорит он глупости».
- 484 Дружба их укрепилась, были они, точно одно целое.
С этого дня Банараси [постоянно] стал расхваливать друга.
- 485 Из любви к Нароттаму, сочинил он стихи,
Читал их постоянно, точно бард, в доме и на базаре.
- 486 Восхваление Нароттама¹⁴⁰.
НАбожный, искренний, преданный господу, мудрый,
почтительный, знающий.
РОд свой украсивший, ликом пленительный, прочно вступивший
на путь добродетели.
ТАйны постигший, украшенный щедростью, земли и деньги
дарующий бедному,
МАнящий сердца добротой, он жизни милей для Банараси.
Кто эти строки прочтет, имя узнает его.
- 487 Думал Банараси: в этом мире лучшего друга не сыщешь.
Тем временем оба компаньона были заняты делом, помогая друг
другу.

- 488 Тяжко заболел Кхарагсен. Дни его были сочтены.
Банараси и Нароттам раздали дары ¹⁴¹.
- 489 Седьмого числа светлой половины байсакха 1673 г.
Компаньоны составили документ о разделе своего имущества.
- 490 Каждый получил копию с описи имущества, составившего его долю.
Отправился Нароттам в Агру, Банараси остался.
- 491 Остался в Джаунпуре с умирающим отцом.
В пятую ночь темной половины джэштха ¹⁴²
- 492 Отправился в рай Кхарагсен, как сказали мудрые.
Куда он сокрылся, знает лишь Кевалин ¹⁴³.
- 493 Охваченный горем, день и ночь плакал Банараси.
Потом скрепил свое сердце: никто не живет вечно.
- 494 Лишь через месяц Банараси взялся за дела.
Занял под вексель пятьсот рупий, собрал товары.
- 495 Много закупил тканей. Вновь пришло письмо.
Звал Немидас в Агру, чтобы уладить дела: «Без тебя нельзя провести расчеты».
- 496 Писал он, просил немедленно приехать.
Решил Банараси, прочитав письмо, оставить ткани и ехать верхом.
- 497 Доверил он свои ткани одному брахману по имени Шиварам.
В благоприятный день месяца ашарх двинулся в Агру.
- 498 Ехал он верхом в сопровождении девяти слуг.
В первый день остановился в деревне Гхесуа.
- 499 Приехал туда еще один всадник.
Был это ростовщик Махешвари ¹⁴⁴, живший близ Агры.
- 500 С ним — шестеро слуг и два брахмана из Матхуры.
Так собралось их вместе девятнадцать человек
- 501 Решили они ехать вместе, останавливаться вместе и не расходиться.
Отправились в путь на рассвете, ехали весело, со смехом и шутками.
- 502 Миновали немало городов и деревень.
Добрались до местечка Корара близ города Гхатампура.
- 503 Остановились в караван-сараях поесть и отдохнуть.
Оба матхурских брахмана отправились [развлекаться] в дом некоей женщины из касты ахиров ¹⁴⁵.
- 504 Один из них зашел на базар,
Разменял там рупию на три мелкие монеты,
- 505 Купил еды и сластей, понес в дом к той женщине.
Вскоре явился туда меняла и заявил, что эту рупию
- 506 Фальшивую дали ему разменять. «Это не мое!» — сказал брахман.
«Твое, твое!» — настаивал меняла, вспыхнула меж ними ссора.
- 507 Начал матхурский брахман колотить менялу,
Собрались люди, но тщетно пытались они разнять дерущихся.
- 508 Явился туда и брат менялы.
Вел он сладкие речи, а на уме держал худое.
- 509 Разгневанный, обыскал он одежду брахмана.
Нашел в кошельке деньги, сосчитал, всего двадцать пять рупий.

- 510 Сказал всем собравшимся людям: «Деньги эти фальшивые!
Пойду и покажу их котвалу¹⁴⁶».
- 511 Брахман лежал замертво со страху.
Брат же менялы сделал вид, что идет к котвалу, а сам пошел к себе
домой.
- 512 Дома спрятал деньги брахмана, заменил их фальшивыми.
Сложил их в кошелек и крепко завязал.
- 513 С этим кошельком явился он к котвалу.
Показал ему фальшивые деньги и сказал:
- 514 «Господин, появилась у нас разбойничья банда, разошлись они
повсюду,
Вечером собрались в одном месте. Скорее на коня и туда!»
- 515 Услышав это, котвал донес хакиму¹⁴⁷.
Тот отправил вместе с котвалом своего дивана.
- 516 Вот оба они явились, точно злые духи в ночи,
С ними — толпа горожан. Словно наводнение залило
каранан-сарай.
- 517 Уселись оба [чиновника] на хат¹⁴⁸, вызвали брахманов.
Спросили их, кто они. — «Мы брахманы, живем в Матхуре».
- 518 Затем допросили Махешвари, кто он и откуда.
Сказал он, что едет из Джаунпура в Агру домой.
- 519 Потом ответ держал Банараси: «Я торгую драгоценностями.
Была моя лавка в Бенаресе. Теперь возвращаюсь в Агру.
- 520 Я — компаньон Неми Саху, дом мой в Джаунпуре.
Известен в торговом мире, к разбойникам отношения не имею!»
- 521 Когда умолк Банараси, заговорили оба на фарси.
Один говорил: «Это разбойники!», другой: «Нет, это купцы!»
- 522 Велел котвал: «Взять их и связать!»
Сказал диван: «Котвал — олух и глупец!
- 523 Ночью не разберешь ничего, не отличишь купца от разбойника.
Оставим их, а утром разберем, кто они такие».
- 524 Сказал котвал [купцам]: «Ищите сами тех, кто опознает вас.
Корара, Гхатампур и Бари — над этими тремя местами моя власть.
- 525 [Свидетелям] из других мест не верю. Думайте, а мы пошли!»
Ушли оба могола, расставили стражу со всех четырех сторон.
- 526 Шримал Банараси и купец Махешвари
Вели разговоры [о случившемся], и ночь казалась бесконечной.
- 527 Когда ночь близилась к концу, сказал вдруг Махешвари:
«Хари, мой брат, взял жену из Бари.
- 528 Приходили мы сюда за невестой. Хорошо, что я вспомнил об этом».
«Дурень! — воскликнул Банараси. — Что ж ты молчал об этом?»
- 529 Так отвечал Махешвари: «Забыл со страху.
Теперь вспомнил, ты не беспокойся».
- 530 Обрадовался Банараси, но одна мысль то оставляла его,
то приходила.
То успокаивался, то думал: «Может быть, соврал [Махешвари]».

- 531 Вновь беспокоился утром, когда пришел отряд солдат.
С ними слуги ташили на голове сули ¹⁴⁹. Всех их послал котвал.
- 532 Войдя в сарай, объявили солдаты:
«Вас — девятнадцать человек, вот девятнадцать сули для нас!»
- 533 Прошел еще час, явились котвал и диван,
А с ними — горожане, посмотреть, чем кончится дело.
- 534 Тогда Банараси сказал: «В Бари есть люди, которые опознают нас».
Диван на это: «Отлично! Вот сказал ты то, что нужно!
- 535 Отправляйся со мной в Бари, там разберем дело».
Сел на коня Махешвари, следом за ним — диван.
- 536 Оба прибыли в Бари, и там все прояснилось.
Купец остался с родичами, а могол вернулся к Банараси.
- 537 Приехал и сказал: «Ты и вправду купец. Извини, случился грех».
Ответил мягко Банараси: «Почтенный господин эмир,
- 538 Случилось то, что было предписано кармой.
Не избежать predetermined. Вы ни в чем не виноваты».
- 539 Оба могола ушли. Вздыхнул с облегчением Банараси.
Тут оба брахмана очнулись и завопили: «Пропали наши деньги!»
- 540 В первую стражу ночи отправился Банараси,
Взяв с собой 6–7 серов цветочного масла ¹⁵⁰, к этим моголам.
- 541 Пришел он к хакиму, дивану и котвалу,
Каждому, согласно его рангу, вручил подарок.
- 542 Затем сказал Банараси: «Украл меняля деньги.
Он — виновник всего, пусть вернет украденное!».
- 543 Ответил могол: «Тебе не говоря, мы его искали.
Но он сбежал в тот же день, забрав с собой деньги.
- 544 Нигде его не нашли. А ты ступай к себе,
Забудь об этих деньгах, а лучше раздай сладости за свое спасение!».
- 545 Подумал Банараси: «Деньги [эти] лобудешь лишь силой.
Здесь у меня никого нет». Подумав, пошел обратно
[в караван-сарай].
- 546 Подумав, вознес молитву. Сказал: «Что должно было случиться —
случилось».
- Сказал, вернувшись, брахманам: «Пропали деньги».
- 547 Поели они все вместе, настал вечер.
Вернулся тут Махешвари, весело провели ночь.
- 548 Наутро отправились в путь, вырвавшись из пасти смерти.
На второй день пути получили весть о смерти Нароттама.
- 549 Сообщил об этом в письме его отец Бенилас.
Услышав страшную новость, лишился чувств Банараси.
- 550 Весь остаток пути Банараси был неутешен.
Не слушал он увещаний, [хотя] утешали его многие люди.
- 551 Жадность — корень греха, любовь — корень печали,
Несваренье желудка — корень болезни, корень смерти — наше
тело ¹⁵¹.

- 552 [Так] объясняли [спутники Банараси], ехали верхом,
Вот и до Агры добрались, пришли на берег реки.
- 553 Тут оба брахмана легли поперек дороги.
Говорили: «Без наших денег не жить нам!»
- 554 Вновь и вновь твердили они, что покончат с собой.
Подумал Банараси: «Нужно вернуть им деньги».
- 555 Дал им двенадцать [рупий] Махешвари, тринадцать — Банараси.
Благословив их, ушли брахманы, купцы избежали греха¹⁵².
- 556 Разошлись все по домам, вошел к себе Банараси
И залился слезами: «О друг! О друг [мой]!»
- 557 Долго плакал он, потом взялся за дела.
Поел и в сумерки отправился в дом Сабал Сингха.
- 558 Пришел в дом, но там было не до счетов и бумаг.
Сидел хозяин, опьяненный наслаждениями, певцы услаждали [его]
песнями.
- 559 Гремели барабаны, играла музыка, точно на пиру у принца.
Ежедневно раздавал он множество даров, поэты прославляли его
в стихах.
- 560 Не описать такую роскошь. Видя все это, дивились люди.
Сказал себе Банараси: «Тут не добиться толку!»
- 561 Ходил и месяц, и другой, дела не сдвинул.
Стоит заговорить о расчетах, хозяин отвечает: «Завтра!»
- 562 Месяц тянулся, точно полгода, день как проходил — богу известно.
Утро сменял вечер, хозяин был погружен в веселье.
- 563 Много дней прошло, но вот однажды
Пришел Анга Саху, дядя Бенидаса [отца Нароттама].
- 564 Это был добрый, порядочный и умный человек.
Муж сестры Сабал Сингха, друг Банараси.
- 565 Поведал ему Банараси о своем деле,
[Сказал]: «Братец, я и отец Нароттама попали в беду.
- 566 Объясни ему [Сабал Сингху], что пока не будет оформлен документ
о расторжении партнерства,
Будут висеть над нами старые обязательства.
- 567 В этот же день Анга Саху пошел к Сабал Сингху,
Заставил его взяться за дела. Все документы были оформлены.
- 568 Подписали бумагу оба партнера [Банараси] об отказе, от претензий
[к нему],
Каждый скрепил документ подписью и печатью.
- 569 Все были свободны, вернулся каждый к себе домой.
Было это в темную половину агхана 1673 г.
- 570 Снял Банараси отдельную лавку, добрая карма [его] была
на подъеме.
Ткань, оставленная им брахману, была прислана в Агру.
- 571 Составил Банараси опись полученного товара.
Каждое утро ходил на базар, капитал его стал расти.

- 572 В это время в Агре начался мор.
Вспыхнула эпидемия бубонной чумы. Люди бежали кто куда.
- 573 Бубон появлялся — [наступала] мгновенная смерть, ничего не помогало.
Лекари сами гибли, как крысы. Люди боялись есть хлеб, чтобы не заразиться.
- 574 Вблизи города, в брахманском селении Азизпур,
Поселился Банараси рядом с домом [одного] купца.
- 575 Жил там один в палатке. Тайное дело, об этом умолчим:
Совершил [он] там по глупости плохой поступок, [плод] дурной кармы.
- 576 Эпидемия кончилась сама собой, вернулись люди домой.
Банараси съездил в Амарсар ¹⁵³ на свадьбу Нихалчанда.
- 577 После свадьбы Нихалчанда вернулся обратно,
Приехал в Агру, стал бывать в доме Сабал Сингха.
- 578 Мать Банараси, жившая в Джаунпуре, приехала к сыну.
Банараси поехал жениться в Хайрабад ¹⁵⁴.
- 579 После свадьбы вернулся домой, решил сходить к святым местам.
Собрались паломники под водительством маклера Вардхамана Кунварджи.
- 580 Держали путь в святые места Ахичхатра ¹⁵⁵ и Хастинапур ¹⁵⁶.
С женой и матерью отправился Банараси в путь, взяв повозку.
- 581 В благоприятный день месяца пауш 1673 г. совершили поклонение
в Ахичхатре,
Затем в Хастинапуре молились у святынь тиртханкаров Санти,
Кунтху и Ара ¹⁵⁷.
- 582 В честь тиртханкаров сочинил гимн Банараси,
Каждый день пел его, с душой, исполненной бхакти ¹⁵⁸:
- 583 [Рожденные от] царей Вишвасены, Суры и Сударшаны,
От цариц Ачиры, Сриканты и Девы, радующих богов,
[Имеющие] своими символами антилопу, козла и рыбу,
[Те, чьи] золотые тела из золота, высотой в сорок, тридцать пять
и тридцать луков,
В Хастинапуре, известном как Гаджапур и Нагпур,
Счастливый Банараси Дас лицезреет вас с восторгом в душе.
- 584 Паломничество принесло благодать. Обратно ехали через Дели.
Миновали Мирут, откуда был родом дед Банараси по матери.
- 585 Там остановились близ крепости. Банараси повидал родню.
Затем прибыли в Каул ¹⁵⁹, поклонились святым местам.
- 586 В Агре паломники разошлись по домам.
Стал Банараси посещать обитель, оказывать почет монахам,
- 587 Сочинил поэму о двенадцати врата ¹⁶⁰, которые поклялся
выполнять.
Следовал четырнадцати священным правилам, каялся в своих проступках.

- 588 Каждое угро совершал парикраману, выполнял все обряды.
Укрепился в джайнизме, отринул ложные верования. Тем временем
родился сын.
- 589 Было это в ашархе 1676 г. Сын родился, возрос религиозный пыл.
Прошел год, скончалась мать Банараси.
- 590 Совершил он положенные обряды, роздал поминальные сладости.
В 1679 г. умерли жена и сын Банараси. В том же году состоялась
помолвка
- 591 С дочерью Бега Саху из готры Кукри, жившего в Хайрабаде.
В 1680 г. женился и вновь зажил как домохозяин.
- 592 В Хайрабаде встретил Банараси Аратхмала Дхора, который вел
разговоры об учении адхьятмы.
Сделал он доброе дело, дал Банараси книгу «Самаясара-натака» ¹⁶¹.
- 593 Комментарий к ней написал Раджамалла. Дал ему книгу,
Сказал: «Прочти, и ты познаешь истину».
- 594 Стал Банараси читать ежедневно, размышляя над смыслом [книги].
Но не постиг сути адхьятмы. Понял лишь, что внешняя [форма]
религии — ерунда.
- 595 Форму религии ложной счел, а духа не постиг.
Оказался Банараси в таком положении, точно верблюжья нога ¹⁶².
- 596 Потом чудо свершилось в сознании, постигшем вайрагью ¹⁶³,
Сочинил Банараси «Гъян-пачиси» и «Дхъян-баттиси» ¹⁶⁴,
- 597 Написал «Песни адхьятмы», много рассказов о делах минувшего,
«Храм Шивы», другие стихотворения.
- 598 Бросил чтение мантр, обряды, посты, покаяние.
Отказался от обета не есть зелень. Отверг все, но совершенства
не достиг.
- 599 Таково было состояние. Больше говорить не стоит.
Отверг традицию, стал вести себя низко. Меж тем съездил
в Санганер,
- 600 Там участвовал в свадебной процессии Трипурдаса ¹⁶⁵.
До того опустился, что съедал жертвенную пищу ¹⁶⁶.
- 601 Сошелся с тремя скверными людьми, проводил время в дурных
забавах.
Сорвав с головы тюрбан, шлепали им друг друга.
- 602 Чандрабхан, Банараси, Удайкаран и Тхан
Развлекались вчетвером, [были] последователями адхьятмы.
- 603 Разденшись донага, бегали по дому взад и вперед,
Заявляя: «Мы — святые аскеты, отвергнувшие мир!» ¹⁶⁷
- 604 Шлепая друг друга по голове, говорили:
«Так достанется каждому туплей по голове ¹⁶⁸, кто заносится перед
нами!»
- 605 Сочиняли пародии на [священные] гимны и поучения.
Толковали их в духе адхьятмы, погружаясь в обман.
- 606 По воле кармы выпала [им] плохая доля.
Лишившись разума, не слушали никого.

- 607 Пока действуют плоды дурной кармы, кто противостоит этому?
Когда же кончилось действие злой кармы, пришло освобождение.
- 608 Говорили люди, аскеты и миряне: «Банараси сошел с ума!
О друзьях его что и говорить, но он-то был образованным
человеком!» 169
- 609 Стоит кому-то совершить дурное, об этом все говорят.
Горожане не могут не болтать. Что видят, о том и сплетничают.
- 610 Говорят о том, что слышат и видят, а то и присочинят.
Тянет людей к дурному, от этого не спасешься.
- 611 Стих этот шум, потом пришло иное.
Презирал [Банараси] джайнских идолон, говорил то, что не следует.
- 612 Давал обеты гуру, чтобы дома их тут же нарушать.
Ел днем и ночью, точно зверь. Был одинок, погруженный в обман.
- 613 Таково было состояние Банараси, что ни день, то хуже.
Наступил месяц ашарх 1684 г.
- 614 У третьей жены Банараси родился сын.
Прожил он недолго и младенцем покинул мир.
- 615 Император Джахангир правил в Дели 22 года,
Умер он в одночасье на пути в Кашмир 170.
- 616 Через четыре месяца Шах Джахан
Взошел на трон, приняв знаки власти. Сообщили об этом повсюду.
- 617 Была коронация в 1684 г.
Принял [Шах Джахан] тронное имя Сахиб Шах Киран 171.
- 618 Потом наступил 1685 г. и снова
Родился сын в доме Банараси.
- 619 Умер он через год или два, кончилась его история.
Пришел и ушел младенцем. Наступил 1687 г.
- 620 У Банараси родился третий сын.
В 1689 г. — дочь, тоже прожившая недолго.
- 621 Все сыновья и дочери умерли. Один сын прожил дольше.
Но и он умер через несколько лет, будучи еще маленьким.
- 622 Прошел 1691 г., настал 1692 г.
Оставался Банараси все в том же положении.
- 623 Вот и все о событиях между 1680 и 1692 г.
Осталось еще поведать немного.
- 624 Отправился Банараси в деревню Чатсу на свадьбу сына Баччхи 172.
Потом вернулся к себе домой.
- 625 В это время много занимался поэзией,
Сочинил «Суктимуктавали» в ста стихах,
- 626 «Тридцать два стиха об адхьятме», «Пайди», «Пхагу дхамал»,
«Синдху — сорок строф», множество разрозненных стихов.
- 627 «Двадцать пять строф о Шиве», «Сахаса атхоттара нам»,
«Тридцать шесть строф о карме», «Джхулна» о различии между
Рамой и Раваной,
- 628 «Два видения», написал две вачаники,
Множество восьмистиший и песен 173.

- 629 Все это было написано в 1692 г.
Вся поэзия была в духе съядвада ¹⁷⁴.
- 630 Вдруг в это самое время в город Агру
Приехал добродетельный пандит Рупачанд.
- 631 Поселился он в храме, [построенном] купцом Тихуной.
Все адхьятмики попросили его объяснить им текст
«Гомматасары» ¹⁷⁵.
- 632 Говорится в нем о гунастханах ¹⁷⁶, познании и праведном
поведении.
[О том, что] ход вещей и поступки зависят от сочетания гунастхан.
- 633 Говорилось подробно, что суть вещей неизменна, формы же
меняются,
А также о разных взглядах на вещи. Слушали все, затаив дыхание.
- 634 Так постиг Банараси доктрину съядвада
Близ гуру Рупачанда, послушав книгу, облегчил свою душу.
- 635 Спустя два года Рупачанд скончался.
Слушая его, стал Банараси истинным джайном.
- 636 Снова занялся творчеством в духе адхьятмы.
Нет противоречия между тем, что писал раньше, и что теперь.
- 637 Было в душе темное пятно, теперь оно исчезло.
Стало все едино: высокое и низкое.
- 638 Так приобрел [Банараси] истинное видение, бог свидетель.
В 1693 г. с радостью вернулся к [чтению] «Самаясара-натаки».
- 639 Изложил ее на хинди в 727 строках.
Укрепился в своих познаниях. Наступил год 1696.
- 640 Умер в этом году третий сын Банараси.
Глубоко скорбел он, сердце было полно отчаяньем.
- 641 В этом мире велика сила любви. В ней равны мудрый и незнающий.
Прошло два года [со смерти сына], но не ослабла скорбь и любовь.
- 642 Повествует свою историю Банараси в возрасте 55 лет.
Трижды был он женат, имел двух дочерей и семь сыновей.
- 643 Все дети умерли, остались [Банараси] и жена вдвоем,
Точно деревья в листопад, без листьев и ветвей.
- 644 С точки зрения абсолютной истины можно сказать,
Чем больше приобретаешь, тем больше теряешь.
- 645 Но истина эта недоступна людям, живущим в миру.
Счастливы они, приобретая, теряя же — страдают.
- 646 Теперь расскажем о достоинствах и пороках Банараси,
Живущего в довольстве и покое в городе Агре.
- 647 Не знает он равных как поэт, пишущий в духе адхьятмы.
Милосердный, добрый, простодушный, искусен в декламации
стихов.
- 648 Хорошо знает санскрит, пракрит, местные языки.
Понимает значение слов, не желает людям зла.
- 649 Сладкоречивый, доброжелательный, тверд в джайнской вере.
Терпеливый, избегающий грубых слов, здравомыслящий,

- 650 Дающий всем добрые советы, чистосердечный, лишенный дурных привычек,
Не склонный к прелюбодейству и другим порокам.
- 651 Благородный, хладнокровный. Есть и еще достоинства.
Ни одно из качеств не идеально, ни одно не лишено слабостей.
- 652 Поведан о достоинствах Банараси, расскажем и о недостатках.
Ему мало присущи злоба, гордость, рсчанство. Зато любит он богатство.
- 653 Ленив, не любит выходить из дома,
Не выполняет обрядов, не занимается медитацией
и благотворительностью.
- 654 Малый доход [его] сильно радует, малая потеря — печалит.
Не стыдится говорить неприличные слова, научился шутить.
- 655 Говорит то, что не следует. Дома у себя танцует.
Любит сочинять небылицы и рассказывать в компании непристойности.
- 656 Любит смеяться и высмеивать [других], не может не приврать.
Внезапно бывает охвачен страхом. Таков его характер.
- 657 Перемежаются в нем дурное и хорошее.
Вот и все о Банараси. Поведан то, что открыто.
- 658 То же, что скрыто, ведомо лишь господа.
Что пришло на память, о том и поведал.
- 659 Пришлось и умолчать о некоторых поступках.
Никто не поведаст даже о мелких своих проступках. Лишь святые способны на это.
- 660 И в течение одного дня меняется состояние человека,
Даже Кевалин не может знать все до конца.
- 661 Самым мудрым открыта лишь часть мира.
Где уж такой маленькой личинке, как я, познать все?
- 662 Жизнь безгранична и всеохватна, — говорит Банараси.
Поэтому поведал [он] лишь внешнюю, осязаемую ее часть.
- 663 Рассказал о своей жизни в течение 55 лет.
А что суждено в будущем, ведаст лишь Кевалин.
- 664 Пятьдесят пять лет прошло, пятьдесят пять осталось
До идеального возраста человека.
- 665 Люди, достигшие совершенства, жили по сто десять лет.
Эта повесть завершена в 1698 г.
- 666 Все люди мира разделяются на три вида:
Лучший, средний и худший.
- 667 Тот, кто видит в других хорошее, не видит дурного,
А в себе замечает лишь недостатки — тот лучший.
- 668 Кто отмечает в себе и других как хорошее, так и дурное — средний.
Средний — к таким относиться и я.
- 669 Кто в других замечает лишь дурное, а в себе — только хорошее,
Скрывает недостатки, хвалит себя — тот относится к худшим.

- 670 Сегодня понедельник, пятое число светлой половины
Месяца агхан 1698 г.
- 671 [Я], житель Агры, джайн-шримал,
Банараси Бихолиа, последователь адхьятмы,
- 672 Решил поведать историю своей жизни.
В возрасте 55 лет, рассказал о том, что случилось [за эти годы].
- 673 Что будет далее — посмотрим.
Идеальная продолжительность жизни человека — сто десять лет.
- 674 Поэтому жизнеописание Банараси названо «Половина рассказа».
Злые люди, услышав, посмеются, друзья будут читать и слушать.
- 675 Всего [в поэме] 675 доха и чаупаи.
Кто слушает, читает, рассказывает ее, тем желаю счастья!
На этом кончается «Ардхакатханака». Да будет благо!

Комментарии и примечания

Превратности судьбы

¹ *Брахма* — в индуизме бог-творец.

² *Шастры* — традиционная брахманская ученость во всей ее совокупности; ученые сочинения.

³ *Индра* — царь богов в древнеиндийской мифологии.

⁴ *Судьба* — в иерархии индусских философско-этических понятий сила, объективно определяющая жизненный путь человека.

⁵ *Карма* — совокупность добрых и дурных дел, совершенных в прежних рождениях, определявшая статус человека и вообще любого существа в данном рождении.

⁶ *Кривуля* — авторски введенный мифологический персонаж, вторгающийся в человеческую жизнь и коверкающий ее. Она встречается после Бхартрихари и у некоторых других поэтов.

⁷ *Сари* — традиционная женская одежда, состоящая из цельного куска ткани.

⁸ *Ганга* — Ганг, священная река индусов, берущая начало в небесах, старшая дочь Хималая, спускающаяся на землю. Ее небесная часть соответствует Млечному пути.

⁹ *веды* — священные книги древних индийцев. Смысл ведийских текстов уже в глубокой древности стал предметом споров, усиливавшихся в связи с тем, что они были известны во многих редакциях: «Ригведа» — в двадцати одной, «Яджурведа» — ста, «Самаведа» — в тысяче и «Атхарваведа» — девяти.

¹⁰ *Парибрахма* — наивысшая философско-этическая категория, означающая совокупность всех явлений феноменального мира; Бог-абсолют.

И. Д. Серебряков

Властители

¹ *Капилар* — один из крупнейших поэтов эпохи Сангама, брахман по происхождению, автор многих стихов, вошедших в различные антологии, и поэмы «Куринджипатту» («Песнь о любви»).

² *Кари* — имя царя, властителя горной части страны тамилы.

³ *Перум Читтиранар* — поэт, стихи которого вошли в антологию «Пуранануру» («Четыреста стихотворений о делах мирских»).

⁴ *Веллман* — правитель, сведений о котором нет.

⁵ *Куманан* — один из тамильских князей, славившийся своей щедростью. О нем известно, что некоторое время этот царь жил как бедняк, поскольку трон его был захвачен младшим братом.

⁶ *Пананы* — певцы, музыканты.

⁷ *Кижар из Алаттура* — поэт, по касте торговец. Даты жизни неизвестны.

⁸ *Килли Валаван* — («валаван» — букв. «владыка плодородной страны») — царь из династии Чола (см. предисловие).

⁹ *Яж* (на севере Индии — вина) — музыкальный инструмент типа люти.

¹⁰ *Его жилище* — *полотняный дом* — т. е. палатка. Имеется в виду то, что царь большую часть жизни проводит в военных походах.

¹¹ *Каньян Пунгундран* — (букв. «Певец с цветочной горы»), поэт и астролог.

¹² *Куданулавийанар* — (букв. «Наставник из края Куд»), поэт, его стихи вошли в антологию «Пуранануру».

¹³ *Сежийан* — один из царей династии Пандья, прославившийся победой над царями-соперниками из династий Чола и Чера.

¹⁴ *Араль, вераль, шпагины* — виды рыб.

¹⁵ *Ююба* — кустарник из семейства крушинных.

¹⁶ *Наханар из Веллейкуди* — поэт. Даты и обстоятельства жизни неизвестны.

¹⁷ *Три могучих властелина* — поэт имеет в виду правителей трех тамильских царств — Пандья, Чола и Чера.

¹⁸ *Велли* — Венера. Ее отклонение на юг считалось предвестником беды.

¹⁹ *Царский зонт* — в Индии зонт был одним из символов царской власти.

²⁰ *Кижар из Ковура* — поэт, по касте — торговец.

²¹ *Девять знаков* — по средневековым поверьям — девять примет, предвестников несчастья.

²² *Спас голубя...* — имеется в виду миф о царе Шиби, который спас голубя от ястреба. Ястреб потребовал от царя отдать добычу, поскольку ястребам предписано свыше питаться голубями. Не желая отдавать на гибель живое существо, пытавшееся найти защиту в складках царской одежды, Шиби предложил ястребу куски собственной плоти. Шиби в средневековой литературе — идеал царя-заступника.

²³ *Пала* — хлебное дерево.

²⁴ *Аваней Кажейдин Йанейар* — псевдоним, означающий «Хозяин слона, жующего сахарный тростник». Подлинное имя поэта неизвестно.

²⁵ *Ори* — правитель одного из княжеств Малабарского побережья.

²⁶ *Тайам из Ерукаттура* — поэт, происхождение и даты жизни неизвестны.

²⁷ *Анданары* — брахманы. Шесть их занятий: изучать веды, учить других, совершать религиозные обряды и управлять их совершением, давать и принимать приношения.

Занедужило сердце мое, хоть кричи...

¹ *Дубянский А. М.* Стихи на пальмовых листьях. М., 1979; Его же. Некоторые особенности построения образов древнетамильской поэзии. На материале сборника «Паттуппатту» — «Вопросы индийской филологии». М., 1974.

² *Типпу Теллар* — поэт, стихи которого вошли в антологию «Курунтохей» («Сборник коротких стихотворений»). Сведений о жизни нет.

³ *Курунджи* — растение лавзония.

⁴ ...*чы меткие стрелы в крови...* — имеется в виду бог войны Муруган, известный также в общеиндийской традиции как Сканда или Карттикея.

⁵ *Дева Куляттар* — (букв. «Принадлежащий к роду богов») — поэт, видимо, из знатного брахманского рода.

⁶ *Камаджер Куляттар* — псевдоним, буквально означающий «Принадлежащий к роду тех, кто льет слезы, томимый любовным недугом». Возможно, скрывает женщину.

⁷ *Нариверу ут-Талейар* — поэт, стихи которого вошли в антологии «Курунтохей» и «Пуранануру».

⁸ *Красолист* — растение, александрийский лавр.

⁹ *Перумпадуманар* — поэт, автор стихов, вошедших в антологию «Курунтохей».

¹⁰ *Одаландейяр* — (букв. «Многоученый Андейяр») — автор трех стихотворений в антологии «Курунтохей».

¹¹ *Паранар* — поэт из касты пананов — певцов и музыкантов.

¹² *Ним* — дерево маргоза.

¹³ *Капилар* — поэт, по касте брахман.

¹⁴ *Велливилийяр* — одна из известнейших тамильских поэтесс. Имя (или псевдоним) означает «Та, что живет на Серебряной улице».

¹⁵ *Аувейяр* — прославленная поэтесса эпохи Сангама (см. предисловие). Принадлежала к касте пананов — певцов и музыкантов, занимала видное положение при царском дворе. Такой же псевдоним брали себе и позднейшие тамильские поэтессы.

¹⁶ *Адимандийяр* — имя поэтессы.

¹⁷ *Перунгадунго* — поэт, царь их династии Чера.

¹⁸ *Сембула Пейанирар* — псевдоним, означающий букв. «Тот, кто написал о слиянии дождя и земли».

¹⁹ *Анцляду Мундриляр* — псевдоним, означающий букв. «Тот, кто написал о дворе, где играют белки». Видимо, это стихотворение принесло поэту славу. Подлинное имя неизвестно.

²⁰ *Андейяр из Сирейкуди* — поэт, стихи которого вошли в антологии «Курунтохей» и «Наттриней».

²¹ *Кадапиллей из Карувура* — поэт, стихи которого вошли в антологии «Курунтохей» и «Пуранануру».

²² *Малланар* — поэт, родом из Мадур.

- ²³ *Витта Кудирейар* — псевдоним, образованный начальными словами приведенного стихотворения.
- ²⁴ *Наккирар* — один из виднейших поэтов эпохи Сангама.
- ²⁵ *Кадуван Маллан* — поэт, предположительно был воином.
- ²⁶ *Вайилян Деван* — поэт, родом из Вайила.
- ²⁷ *Масатти из Оккура* — поэтесса, жившая в царстве Пандья.
- ²⁸ *Коперунджожан* — поэт, автор стихов, вошедших в антологию «Курунтохей».
- ²⁹ *Милейперун Гандан* — поэт, автор нескольких стихотворений в антологии «Курунтохей».
- ³⁰ *Анангу* — сакральная энергия, накапливающаяся в живой и неживой природе, а также человеку; часто воспринималась как женская сексуальная энергия, способная приносить, в зависимости от обстоятельств, добро или зло.
- ³¹ *Кишар из Мадалура* — поэт, по касте — торговец.
- ³² *Кураваны* — горцы.
- ³³ *Варумулейаритти* — поэтесса, автор стихотворения в антологии «Курунтохей».
- ³⁴ *Моданасар* — поэт, автор одного стихотворения в антологии «Курунтохей».
- ³⁵ *Нанмуллей из Аллур* — поэтесса, имя означает «Прекрасный жасмин».
- ³⁶ *Каннан* — автор стихотворения в антологии «Курунтохей».
- ³⁷ *походкой слоновьей...* — для индийцев с походкой слона ассоциируется не тяжесть и неуклюжесть шага, а плавность.
- ³⁸ *Калладанар* — поэт, уроженец Калладама.
- ³⁹ *Кальпору Сиру Нурейя* — псевдоним, означающий «Тот, кто написал о пене, расползающейся по скале».
- ⁴⁰ *Перунганнан* — автор двух стихотворений в антологии «Курунтохей».
- ⁴¹ *Кундрийан* — псевдоним, означающий «Живущий на горе».
- ⁴² *Пальмира* — вееролистная пальма.
- ⁴³ *Канаккайан Таттан* — поэт, первая часть имени означает «учитель».
- ⁴⁴ *Чаллийан Кумаран из Урейура* — имя или псевдоним означает «сын заклинателя».
- ⁴⁵ *Велядаттан из Мадур* — поэт, автор стихотворения в антологии «Курунтохей».
- ⁴⁶ *Тайанганнан* — поэт, автор стихотворения в антологии «Курунтохей».
- ⁴⁷ *Патади Вайкалар* — псевдоним, означающий «Тот, кто написал о том, что бесполезно».
- ⁴⁸ «*О горы могучие*» — начало старинной тамильской песни или мелодии.
- ⁴⁹ *Будан Деван из Ланки* — поэт, уроженец о. Цейлон (Ланка).
- ⁵⁰ *Крылоплод* — кустарник.
- ⁵¹ *Мирудан Иляханар из Мадур* — поэт, стихи которого вошли в несколько антологий.
- ⁵² *Виляха Виралинар* — псевдоним, составленный из строфы приведенного стихотворения, букв. «Тот, кто написал о пальцах, возложенных на тетиву».

- 53 *Моси Коттран* — поэт из касты каменщиков.
- 54 *Подиям* — мифическая гора, обитель богов и божественных мудрецов.
- 55 *Милейкандан* — поэт, родом из Милея (юг страны тамиллов).
- 56 *Тай* — месяц тамильского календаря (январь-февраль).
- 57 *Оданьяни* — поэт, вероятно, уроженец Северной Индии.
- 58 *На площадке, где жгут чужаков...* — имеется в виду место, где кремировали трупы людей, не принадлежавших к общине данной деревни.
- 59 *Коллан Ажиси* — поэт, по касте — кузнец.
- 60 *Чераман Саттан из Карувура* — поэт, возможно, принадлежал к царскому роду.
- 61 *Пандийан Паннаду Тандан* — поэт, видимо, правитель царства Пандья (псевдоним означает «Завоевавший много земель и раздвинувший пределы царства Пандья»).
- 62 *Нахам Поттан* — поэт, стихи которого вошли в антологию «Курунтохей».
- 63 *Аммуванар* — поэт, судя по имени, уроженец Юго-Западной Индии.
- 64 *Не в этом рождение, так в том...* — подразумевается учение о перерождениях — важнейший догмат индуизма и других индийских религий.
- 65 *Мулли* — терновник.
- 66 *Вадам Ваннакан Дамодаран* — поэт, был ювелиром.
- 67 *Дамодаран* — поэт, стихи которого вошли в антологию «Курунтохей».
- 68 *Кадамба* — высокое дерево с множеством желто-розовых цветов.
- 69 *Саттинаданар* — поэт, автор стихотворения в антологии «Курунтохей».
- 70 *Пунганутирейар* — поэтесса. В ее имени или псевдониме слово «пунган» означает «цветоокая». Автор стихов в антологиях «Курунтохей» и «Пуранануру».
- 71 *Кайя* — карликовое дерево с синими цветами.
- 72 *Кондрей* — дерево кассия («золотой дождь») с ярко-желтыми цветами.

А. Ш. Ибрагимов

Венок шуток

¹ *Вишну* — один из основных богов индуизма: согласно легендам он, ради спасения мира, обретал земной облик в десяти аватарах (ипостасях): рыбы, черепахи, вепря, человекольва, карлика, Парашурамы, Рамы, Кришны, Будды, Калки. С каждой из них связан обширный цикл легенд.

² *Ананта* — царь Кашмира, правил с 1028 по 1081 год.

³ *Лес колонн...* — То есть мемориальные колонны, возводившиеся с целью собственно мемориальной, в ознаменование какого-либо события, либо с целью проповеднической, как некоторые колонны с эдиктами царя Ашоки.

⁴ *...поглотившим яд смертельный калакуту* — имеется в виду легенда о том, что во время пахтанья оксана богами и асурами с целью добыть

амриту, напиток бессмертия, вместе с другими тринадцатью сокровищами, океан, не желая их отдавать, изверг сначала смертельный яд калакута, угрожающий гибелью всему живому, и тогда Шива и змей Васуки поглотили этот яд. Пахтанье было продолжено, но океан изверг тогда злобную старуху Джьештху, породительницу ссор и распрей, и лишь после этого, наконец, изверг скрывавшиеся в нем сокровища, из-за дележа которых и разгорелся спор между богами и их соперниками асурами, данавами и дайтьями, приведший в конечном счете к победе богов.

⁵ *Дайтхи* — демоны, соперники богов.

⁶ *Вайрагья* — аскеза, *Вайтарани* — река в аду.

⁷ *Кали* — сын Гнева и Насилия, потомок Адхармы (т. е. Беззакония), родившегося из зала Брахмы.

⁸ *калам* — тростниковое перо.

⁹ *дивира* — термин, обозначающий чиновника или государственного служащего вообще. Кшемendra часто употребляет его как синоним слова «каястха».

¹⁰ *Как пожар последний мира...* — т. е. пралай, день конца света, когда весь мир, пришедший в социальный упадок истребляется огнем и водой, на небе восходят двенадцать солнц, оно закрывается тучами, мечущими огонь, и все приходит в состояние первоначального хаоса.

¹¹ *И в бересту нарядившись....* — в средневековом Кашмире береста служила материалом для письма, в том числе и для документов.

¹² *пишача* — название одной из древних народностей, населявших Кашмир; род демонов, пожирающих мясо.

¹³ *Асуры* — демоны, соперники богов.

¹⁴ *Дхарма* — сын Брахмы, обожествленная справедливость.

¹⁵ *за три шага мир измерил* — имеется в виду легенда, повествующая о том, как некогда Вишну, обернувшись карликом-брахманом, пришел к асуру Махабали, славившемуся своей щедростью, и попросил у него столько земли, сколько он может пройти за три шага. Щедрый Махабали, не подозревая обмана, согласился на такой дар, и тогда Вишну обрел свой подлинный облик, первым шагом пересек всю землю, вторым — все небо, а на третьем шаге поставил ногу на голову Махабали и низверг его в подземный мир.

¹⁶ *Каястханатха* — так же, как в самом начале, Кшемendra уподобил каястху самому Шиве, так и здесь он обыгрывает часто присоединявшееся к имени богов и святых слов «натха», означающее «покровитель», «защитник».

¹⁷ *На вершину горы Виджаешвары....* — одно из наиболее священных мест паломничества в Кашмире связано с этой горой; название ее означает «Бог победы». Кшемendra сплетает здесь воедино одну из обычных молитв Шиве с собственными рассуждениями министра, демонстрируя тем самым ханжество, лицемерие и своекорыстие высших сановников государства.

¹⁸ *гуггулу* — ароматическая смола дерева того же названия.

19 *И с богиней Кривулей...* — персонажем, отсутствующим в официальной мифологии, но используемым некоторыми поэтами как персонафикация обмана, надувательства, всяких жульнических махинаций. См. также комментарий 6 к лирике Бхартрихари.

20 *Шивы, Варахи, Мартанды...* — правители Кашмира неоднократно прибегали к экспроприации громадных богатств, собиравшихся в храмах. *Варахи* — вепрь, одно из воплощений Вишну. *Мирманда* — воплощение Шивы.

21 *Снова дайтья Златоглазый...* — имеется в виду одна из вишнуитских легенд, согласно которой дайтья Хираньякша, т. е. Златоглазый, в споре с сыном, обратившимся в вишнуизм, пытаясь доказать бессмысленность веры в Вишну, сказал, что нет его, например, в каменной колонне и при этом ударил по ней ногой, из нее вышел Вишну в ипостаси Нарасимхи, т. е. Человекольва и разорвал Хираньякшу. Дело в том, что Брахма некогда обещал Хираньякше, что его не сможет убить ни человек, ни зверь — именно поэтому Вишну избрал образ Человекольва — ни зверя, ни человека.

22 *Змеям воздух служит пищей...* — по индийским поверьям змеи питаются воздухом.

23 *Ганеша* — бог-устранитель препятствий, сын Шивы и Парвати.

24 *Стотра* — гимн, восхваляющий бога.

25 *Он коров обходит слева...* — всякое священное изображение или существо, обладающее святостью, следует обходить слева направо.

26 *Мантра* — священная формула.

27 *Билва* — род дикой яблони, древесина которой может быть использована в качестве топлива только брахманами. Листья и плоды билвы используются во время жертвоприношений.

28 *Так журавль садится мудрый...* — здесь Кшемendra воспользовался одним из широко распространенных фольклорных сюжетов.

29 *Кубера* — бог богатства, как правило, изображается с денежным мешком в руках.

30 *Тот лишенный пальцев правой...* — т. е. был осужден за неоднократное воровство, за что ему и отрубили пальцы правой руки.

31 *Чармакарагуру, Гуручарма* — в данном случае обыгрываются имена: Чармакарагуру — наставник кожевников, Гуручарма — кожа наставника.

32 *Вити* — тип городской «золотой молодежи», любителя изяшных искусств и развлечений, женского угодника.

33 *Читрагупта* — писец Ямы, бога смерти, заносящий в книгу судеб и добрые, и дурные дела живущих.

34 *Рышет мерзкий каламукха* — каламукха, т. е. «имеющий лицо подобно лицу смерти», последователь одной из шиваитских сект, целью которой было достижение всего желаемого в мире с помощью принятия пищи из чаши, сделанной из человеческого черепа, натирания тела пеплом от сожженных трупов, поедания этого пепла, постоянного ношения дубины, принесения жертвенных возлияний богам вином из специаль-

ного сосуда, а также совершения ряда обрядов, имевших оргиастический характер.

³⁵ *Арундхати* — супруга мудреца Васиштхи, олицетворение супружеской верности.

³⁶ *Тилак* — налобный знак, ставится различными красителями, сандаловой пастой или пеплом. Обозначает принадлежность к определенной касте или религиозной общности.

³⁷ *У кого на стяге рыба...* — т. е. Кама, бог любви, стяг которого украшен изображением рыбы.

³⁸ *Ом (аум)* — у индусов священный слог, символизирующий три веды, три мира (небо, поднебесье, землю), трех главных богов индуизма Брахму, Вишну и Шиву. Произносится в начале и конце какого-либо деяния (молитвы, размышления, работы).

³⁹ *Да спасут нас Стопы Вишну* — намек на весьма распространенное у индусов почитание стоп главного божества. Не исключено, что в данном случае Кшемendra имел в виду и одно из сочинений философа Шанкары, близкое по названию к сотре.

⁴⁰ *Кумбхакарна* — брат властителя ракшасов Раваны, великан, воплощение обжорства. Брахма спросил его однажды, чего бы он пожелал, и тот захотел попросить положения Индры (индрапада), но язык плохо повиновался ему, и он произнес «нидрапада» (т. е. вечный сон). В результате такого пожалования Кумбхакарна спал, просыпаясь лишь на один день каждые шесть месяцев. В «Рамаяне» рассказывается, что, когда Рама одержал победу над Раваной, тот велел позвать на помощь Кумбхакарну. Его удалось разбудить лишь благодаря тому, что тысячи людей и зверей подняли страшный шум, слоны топтались на его теле и трубили прямо в уши, воины кололи его копьями. Наконец, когда Кумбхакарна проснулся, он проглотил множество обезьян, свиней, оленей, людей и запил все двумя тысячами громадных горшков вина.

⁴¹ *Ветала* — дух, вселявшийся в трупы и заставляющий их проделывать все то, что могут действительно живые люди; вампир, упырь.

⁴² *Чертит на доске воцаной...* — кроме бересты в качестве материала для письма использовались дощечки, натертые воском.

⁴³ *В час, когда вступает Шукра в Лунный дом...* — т. е. когда Венера приблизится к Луне. Яростная инвектива Кшемendra в адрес астрологов, кончающаяся словами «Чтоб родной страны пределам не нанес бы ты ущерба!», отражает весьма важную роль, которую они играли при дворах правителей. Да и в новое время известно немало случаев, когда видные государственные деятели прибегали к помощи астрологов.

⁴⁴ *От копытки коровы...* — послание, полученное чиновником, отразило многочисленные конфискации в пользу казны, на которых наживались чиновники всех рангов.

⁴⁵ *Бритоголовые* — здесь: аскеты, монахи.

⁴⁶ *Вайшнава* — последователь вишнуизма.

⁴⁷ *Махавараха* — великий вепрь, третья ипостась Вишну, в которой он после гибели мира спасает Землю, извлекая ее из недр океана.

⁴⁸ *Чанди* — одно из имен Парвати, супруги бога Шивы.

⁴⁹ *Каджал* — притирание для глаз, сделанное из ламповой сажи и применяемое либо в косметических, либо в лечебных целях.

⁵⁰ *Брахмаракшасы* — род демонов, в которых обращаются брахманы, недостойно ведшие себя во время своей жизни, увидевшие чужих жен, похитившие имущество других брахманов и т. д. -

⁵¹ *Синдур* — киноварь, используется для нанесения кастовых знаков, а также в косметических целях.

⁵² *Дарбха* — трава с длинными острыми листьями, используется при жертвоприношениях и подвижничестве.

⁵³ *Карри* — род приправы, в которую входят чилли (индийский перец), лук, маринованный манго, ямс и т. п.

⁵⁴ *Мандала* — диаграмма особой формы, имеющая магическое значение.

⁵⁵ *Дигамбара* — представитель одной из двух основных сект джайнов; согласно канону дигамбаров, они во избежание даже совершенно случайного и невольного для верующего причинения вреда какому-либо живому существу, в т. ч. и насекомому, должны ходить «одетыми в страны света», т. е. абсолютно нагими.

⁵⁶ *Меру* — мифическая гора, центр вселенной.

⁵⁷ *Брахмачарин* — аскет или ученик, давший обет безбрачия.

⁵⁸ *Лингам* — изображение фаллоса Шивы, объект поклонения.

⁵⁹ *Коччиха* — местный музыкальный инструмент. *Вина* — музыкальный инструмент типа лютни.

И. Д. Серебряков

Кто, коль не глуп...

¹ *Махакала, Троекий, Шанкара, Шамбху, Хара, Шарва, Бхава, Бхайрава* — имена-эпитеты Шивы, одного из трех главных богов индусского пантеона.

² *Нанди* — имя быка, ездового животного Шивы.

³ *Сурья* — бог Солнца.

⁴ *Вишну* — один из трех главных богов индуизма, олицетворение солнца и света, охранитель мира.

⁵ *Праджапати* — термин, означающий собственно «повелитель рожденных». Часто отождествляется с Брахмой, как верховным божеством, творцом земли и неба.

⁶ *Ракшасы* — демоны, олицетворение сил зла; враждебны людям.

⁷ *Даса* — обобщенное название племен, враждебных ведийским ариям.

⁸ *Слоналикий* — эпитет Ганеши, сына Шивы и его супруги Парвати; покровителя мудрости, учености, наук, искусств, ремесел, устранителя препятствий. По одному из преданий, он под диктовку мудреца Вьясы записал текст великой индийской эпопеи «Махабхарата».

⁹ *Пралая* — день конца света, завершение космического периода калъпа (4 320 000 000 лет), когда весь мир истребляется огнем и водой, на небе восходят двенадцать солнц, оно закрывается тучами, мечущими огонь, и все приходит в состояние первичного хаоса.

¹⁰ *Дайтхи* — сыновья праматери Дити и мудреца Кашьяпы, одного из семи отцов всего сущего; вместе с данавами представляют асуров, титанов индийской мифологии, врагов девов (богов).

¹¹ *Парвати* — супруга Шивы; имя букв. означает «горянка», так как она — дочь Хималая, обожествленного горного хребта.

¹² *Махиша* — асур, известный тем, что неустанно вел многовековую войну с богами, одолел их и разорил небесное царство. Его не мог сразить ни мужчина, ни зверь, и поэтому лишь Парвати в ипостаси Дурги, т. е. не мужчина и не зверь, смогла сразить его. Махиша изображается либо в виде буйвола, либо в виде богатыря с буйволиной головой.

¹³ *Чандика* — букв. «яростная», ипостась Парвати, жены Шивы. Поклонение ей было связано с кровавыми жертвоприношениями, характерными вообще для всего культа Шивы.

¹⁴ *Упаманью* — ведийский мудрец, поклонявшийся Шиве, за что получил от бога в награду океан молока.

¹⁵ *Куша* — жесткая трава, на подстилке из которой обычно спали аскеты.

И. Д. Серебряков

Душа — моя мера, язык — мои ножницы.

¹ *Камень переплыл...* — имеется в виду эпизод «Рамаяны», повествующий о сооружении моста на Шри Ланку из камней, которые держались на плаву, так как на них было написано «Рама».

² *Ганика* — гетера, научившая своего попугая произносить «Рама» и попавшая в рай благодаря этому.

³ *Кубиджа* — горбатая рабыня царя Кансы, дяди Кришны. Она с любовью относилась к Кришне, и он, победив Кансу, взял Кубиджу к себе.

⁴ *Адджамал (Адджамил)* — брахман-грешник, прощенный богом Вишну.

⁵ *Бидара (Видура)* — букв. «Знающий», мудрый советник братьев Пандавов.

⁶ *Судаман* — бедняк, друг Кришны.

⁷ *Уграсена* — отец Кансы.

⁸ *Сотни тысяч* — (*sat samhas*) — комментарий к «Ади Грантх» дает такое толкование (I, с. 485), словарь Кахан Сингха — «семь сотен» (с. 146), Э. Трумпп (с. 665) — «семь тысяч».

⁹ *Другим не станет...* (*vicarat ān na hoi*) — Э. Трумпп переводит: «Играя, другим не станет». М. Маколифф дает несколько иное толкование: «Поразмыслив, не найдешь различий» (с. 41).

¹⁰ *В каждом сердце...* (*ghaṭ ghaṭ antari*) — многозначность слова *ghaṭ* позволяет перевести и «каждое мгновение в душе...»

¹¹ *Тхакур* — господин, здесь: бог, всевышний.

¹² *Битхал* — Виттхал (*bīṭhalu bhaila kau karau*) — возможен перевод: «Битхал — брат, что поделаю?» Комментаторы «Ади Грантх» (I, с. 485), М. Маколифф и Э. Трумпп переводят слово *bhailā* как существительное «брат». Словарь Кахан Сингха (с. 925) как глагол в форме прошедшего времени, 3 лица, единственного числа, имеющий значение «встречаться, соединяться». Лакх — сто тысяч.

¹³ *Пуджа* — богослужение.

¹⁴ *Кхир* — рисовая каша на молоке.

¹⁵ *Яма* — бог смерти. Считалось, что он захватывает петлей тела умерших.

¹⁶ *Гхари* — 24 минуты.

¹⁷ *Человек, который познал пищу льва...* (*singhac bhojani jo naru jānai aise hī ṭhag deu bakhānai*) — возможны другие варианты перевода: если М. Маколифф переводит следующим образом: «Человек, который ест пищу льва (который живет насилием), называется богом воров», то Э. Трумпп эту строфу передает так: «Подобно льву, которому человек служит пищей, обманщик толкует о божестве».

¹⁸ *Парабрахма* — бог, всевышний.

¹⁹ *Чхипа* — *шимпи*, каста портных.

²⁰ *Сант* — святой.

²¹ *...достигнешь нирваны* (*padu nirabānu*) — комментарий к «Ади Грантх» толкует это сочетание как «путь (либо ступень), не затронутый майей» (I, с. 525).

²² *Ри* (*рэ*) — аппеллятивная частица («эй», «послушай-ка», «о»).

²³ *Так к господину Намы...* (*nāte se suāmī bīṭhalo jini tīnai jariā*) — возможен перевод: «Намы господин, который три [мира] укрепил».

²⁴ *Дхрува* — сын раджи Уттанпада. Ребенком, притесняемый мачехой, ушел из дому и стал отшельником, за что был награжден Вишну, превратившим Дхруву (букв. вечность, твердость, непоколебимость — на санскрите) в Полярную звезду.

²⁵ *Сита* — супруга Рамы.

²⁶ *Бхабхикхан* — Вибхишана, младший брат Раваны, перешедший на сторону Рамы и ставший правителем Ланки после победы Рамы над Раваной.

²⁷ *Саван* — месяц сезона дождей.

²⁸ *Водой наполненному кувшину подобно...* (*jal bhītarī kumbhu samāniā*) — возможен перевод: «Кувшин погрузился в воду».

²⁹ *Храм* — (в оригинале *maṇḍar* — павильон, навес, временная легкая постройка, купол храма). В «Ади Грантх» (I, с. 692) толкуется как «дворец».

³⁰ *Маркандея* — легендарный риши (мудрец), наложивший на себя покаяние. Прожил тысячи лет. Ему посвящен храм.

³¹ *Кауравы* — братья, соперники братьев-пандавов, главных героев «Махабхараты». *Дурийодхана* — старший из кауравов.

³² *Зонт* — символ царской власти. *Йоджана* — мера длины, равная в разных районах 2–8 косам. Кос — ок. 3200 м.

³³ *Дурбаша*, *Дурваса* — мудрец, прославившийся своей гневливостью.

³⁴ *Десять отшельниц...* — пад пронизан символикой натхов. 10 отшельниц — органы чувств. *Пять ненавистных* — страсти (кама — любовь, кродх — гнев и т. д.) *Амрита* — напиток богов, эликсир бессмертия. *Майя, возвращающая плод в лоно* — намек на циклы перерождений.

³⁵ *Марвар* — пустынная область в Раджпутане, современный штат Раджастан.

³⁶ *Рамаи* — (*rāmāī*) — ласкательная форма от имени Рама.

³⁷ *Индра* — царь богов в ведийском пантеоне.

³⁸ *Кокил* — индийская кукушка.

³⁹ *Чаква* — дикий красноватый гусь.

⁴⁰ *Сидх* — подвижник, аскет.

⁴¹ *Муни* — святой, мудрец, аскет, отшельник.

⁴² *Лотос* — (*puṇḍarāk*) — белый лотос, символ красоты и непорочности.

⁴³ *Гусь* — В тексте *haṇṣā* — от санскр. *hamsa* — гусь, лебедь, душа, познавшая высшую истину, жизнь, духовный наставник, бог. Помимо этой многозначности следует иметь в виду, что Брахма — бог-творец — описывается сидящим на гусе.

⁴⁴ *Пуруша* — человек, мужчина. Божество, рожденное Брахмой и олицетворяющее мужское начало.

⁴⁵ *Гопи* — пастушки.

⁴⁶ *Низких очищающий* — (*patit pāvan*) — «Исправляющий грешников» — эпитет Брахмы.

⁴⁷ *Прабху* — господин.

⁴⁸ *Пандит* — ученый брахман.

⁴⁹ *Экадаши* — 11-е число светлой или темной половины лунного месяца, когда обычно индусы постятся.

⁵⁰ *Тиртха* — место паломничества.

⁵¹ *Чханд* — стихотворение, стихотворный размер.

⁵² *Го* — типа «эге», обращение-междометие.

⁵³ *Гокул* — место к юго-востоку от Матхуры, где пастух Нанда и его жена Яшода воспитали Кришну и Балараму.

⁵⁴ *Шьям* — буквально «черный» — Кришна.

⁵⁵ *Дварака* — столица Кришны, находилась в западной части современного Гуджарата.

⁵⁶ *Могол* — здесь: мусульманин, выходец из Средней Азии.

⁵⁷ *Ашвамедха* — принесение в жертву коня, совершаемое могущественным правителем после покорения всех соседних государств.

⁵⁸ *Праяг* — соврем. Аллахабад. Священный город на месте слияния Ганга и Джамны (и мифической реки Сарасвати), место паломничества, где проводится праздник *кумбхамела*.

⁵⁹ *Пинд* (*пинда*) — шарик из вареного риса для приношения в жертву предкам.

⁶⁰ *Бенарес* (*Варанаси*) — город на берегу Ганга, один из древнейших центров индуизма, традиционное место паломничеств.

⁶¹ *Дхарма* — очень многозначное слово, включающее в себя комплекс понятий, связанных с религией, верой, моральным и нравственным долгом, религиозными предписаниями, добродетелью и т. п.

⁶² *Каури* — мелкие ракушки (служили и в качестве разменной монеты), в данном случае — игральные кости.

⁶³ *Нарада* — божественный мудрец, посредник между богами и людьми, сообщающий о том, что происходит на небесах и земле.

⁶⁴ *Мурари* — враг Муры (демона) — эпитет Кришны.

⁶⁵ *Хари* — возможен перевод: «исчезли».

⁶⁶ *Харанакашас*, или *Хираньякаша* — демон (младший брат Хираньякашипу — см ниже, комм. к *Прахлада*), убитый Вишну.

⁶⁷ *Путна* — демоница, посланная Кансой под видом кормилицы к Кришне, чтобы та отравила его молоком, но младенец Кришна высосал из нее и жизнь, освободив тем самым от круговорота перерождений.

⁶⁸ *Дочь Дропада* — *Драупади* — супруга 5 братьев-пандавов.

⁶⁹ *Ахалья* — жена риши Гаутамы, была соблазнена Индрой, за что оба были прокляты гневливым отшельником.

⁷⁰ *Кеши* — демон, убитый Кришной.

⁷¹ *Бхайрава* — «ужасный» — эпитет Шивы.

⁷² *Ситла* — богиня оспы.

⁷³ Перечисляются атрибуты Шивы — его вахана (средство передвижения) и музыкальный инструмент.

⁷⁴ *Изначальная* — *Ади Бхавани* — одно из имен богини Дурги (Парвати)

⁷⁵ *Гаятри* — супруга Брахмы.

⁷⁶ Намек на миф о Ганеше.

⁷⁷ Имеется в виду похищение Ситы Раваной.

⁷⁸ *Кос* — мера длины, равная приблизительно 3200 м.

⁷⁹ *Трилочан* считается учеником Намдева. Родился в 1268 г. в Солапуре.

⁸⁰ *Ниранкар*, или *Ниракар* — бесформенный, отвлеченный, абстрактный, безупречный.

⁸¹ Возможен перевод: «Став аскетом, Раму воспою».

⁸² *Индрия*, *пингала*, *сукхмани* — термины йоги.

⁸³ *Самадхи* — глубокое сосредоточение, религиозное покаяние или подвижничество, благоговение. Одно из значений — уход из жизни.

⁸⁴ *Мудра* — здесь: поза — *кхечар бхучар*. Маколлиф переводит как «Йоги задерживают дыхание и сосредотачивают внимание на переносице.» (с. 60)

⁸⁵ *Тулси* — растение *базилик священный*, употребляется при совершении обрядов, посвященных Вишну, используется и в аюрведе.

⁸⁶ *Кумбхамела* — религиозный праздник, отмечаемый раз в 12 лет поочередно в Аллахабаде, Хардваре и других священных местах.

⁸⁷ *Кедарнатх* — место паломничества в Гималаях, недалеко от истока Ганги.

⁸⁸ *Гомати* — букв. «изобилующая коровами», название реки, впадающей в Инд.

⁸⁹ Вероятно, намек на чудо, описанное в житиях, согласно которому Намдеву была дарована золотая кровать. Упоминается и в паде 48.

⁹⁰ *Деваки* — мать Кришны, сестра Кансы.

⁹¹ *Слон* — упоминается эпизод из Бхагаватапураны, согласно которому один из гандхарвов был превращен проклятием риши в слона и спасся от гибели в одном из 7 подземных миров благодаря во время пришедшему на память имени Рамы.

⁹² *Мукти* — спасение от перерождений.

⁹³ *Абрик* — раджа Айодхьи, один из предков Рамы. Славился своей святостью.

⁹⁴ *Бали* — демон, царь дайтьев (внук *Прахлады*).

⁹⁵ *Нарахари* — имя Вишну, принявшего облик человеко-льва.

⁹⁶ *Катора* — металлическая чашка.

⁹⁷ Или «Нама даршан Хари узрел».

⁹⁸ *Гопал* — эпитет Кришны, букв. пастух

⁹⁹ *Шри Ранг* — эпитет Вишну.

¹⁰⁰ *Кхир* — сладкая рисовая каша на молоке. *Кхад* — коричневый сахар.

¹⁰¹ *Санда Марака* — учитель Прахлада, благочестивого сына царя асуров Хираньякашипу.

¹⁰² *Хари-джи* — джи — почтенный, многоуважаемый (ставится после титула, имени, звания.)

¹⁰³ *Продлим его жизнь* (*karasah audh ghanerī*) — комментаторы видят в этой фразе потаенный смысл, изобличающий хитрость противников Прахлада, и толкуют эту строку как «Мы убьем его» (Ади Грантх, с. 1165, Маколифф, с. 67)

¹⁰⁴ *Дарует спасение* (*abhai pad*) — возможен перевод «ступень бесстрашия», что соответствует встречающейся в других падах Намдева характеристике бога, дарующего бесстрашие.

¹⁰⁵ *Кхудаи* — (перс.) Всевышний, Бог

¹⁰⁶ *О Намдеве все узнали* — (*nāmdēu sabh rahiā samāi*) — возможен перевод: [Говорит] Нама: во всем пребывает [бог].

¹⁰⁷ *Каландар* — (перс.) дервиш, нищенствующий монах.

¹⁰⁸ *Абдали* — (*abadāli*) — Абад'Али. Слово, написанное в графике гурумукхи, может толковаться и как «раб Али» (Али Ибн Аби Талиб — четвертый и последний из праведных халифов, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада), и как «Вечный Али». Пад примечателен равноправным сочетанием индусских и мусульманских эпитетов-обращений к Богу.

¹⁰⁹ *Сансара* — мир перерождений

¹¹⁰ *Прачка* — *дхоби* — (dhobī) — каста прачек, в Индии стирают, как правило, мужчины. Строфа построена на аллитерации и игре слов (dhobī dhovai birah birātā). Обыгрываются также традиционные мотивы чистоты и любовных страданий в разлуке.

¹¹¹ *Время — бедняга* (kauntaku kálu bariṇā) — возможен перевод: «шут — время бестелесное».

¹¹² *Дхармараджа* — Царь справедливости — эпитет Ямы и Юдхиштхиры.

¹¹³ *Половинки яйца* — (aṇḍ īk) — комментаторы видят в этом аллегорию Земли и Неба.

¹¹⁴ *Длиннорукий* (atī bhuj) — в переносном смысле — покровитель, помощник, приятель. «Длинные руки» — устойчивый признак царя, описываемого в санскритской поэзии.

¹¹⁵ *Юга* — (мифолог.) — мировой период в 3000 небесных лет, небесный год равен 3 600 земным годам.

¹¹⁶ *Солнцу подобно* (ravi aisā rūpu bakhāniā) — комментаторы Ади Грантх толкуют это определение бога как «viapak» — распространенный, все-охватывающий (Ади Грантх, с. 1351).

Г. В. Стрелкова

Отправимся в страну, где милый...

¹ *Вриндаван* — лесистая местность, где находилась деревня Гокул, в которой прошли детские и юношеские годы Кришны.

² *Брадж* — область на севере Индии, к западу от г. Матхура, где расположен Вриндаван.

³ *Хари* — один из эпитетов бога Вишну, земным воплощением которого является Кришна.

⁴ *Прахлада* — сын демона Хираньякашипу, преданный бхакт бога Вишну, который сделал его царем.

⁵ *Дхрува* — сын раджи Уттанпада. Ребенком, притесняемый мачехой, ушел из дому и стал отшельником, за что был награжден Вишну, превратившим Дхруву в Полярную звезду.

⁶ *Кали Наг* — страшный черный змей, живший в одном из озер Бралжа. Кришна победил его в бою и станцевал на его спине.

⁷ *Гобардхан* — гора в Брадже. Когда бог Индра наслал на землю Браджа потоп, Кришна поднял гору Гобардхан, как зонтик, и защитил жителей Браджа от водяных потоков.

⁸ *Гиридхар Гопал, Гиридхар Нагар* — два из многочисленных прозвищ Кришны (буквально «Пастух, державший гору»). Мира употребляет и другие эпитеты из «пастушеского» ряда — Говинд, Гопал («Пастух»), Лал Гопал «Любимый пастух» и т. д.

⁹ *Садху* — странствующий аскет.

¹⁰ *Рана* — титул раджпутских князей. Здесь имеется в виду деверь и смертельный враг Миров.

¹¹ *Кришна Банке Бихари* — «Кришна, развлекающийся в лесу», эпитет Кришны.

¹² *Джи* — частица, означающая «почтенный», «уважаемый».

¹³ *Саньяси* — аскет, отшельник.

¹⁴ *Ре, ри* — частицы, означающие просторечное обращение («эй», «послушай-ка»), часто встречаются в народных песнях, в значении, близком к русскому «ой», «ох».

¹⁵ *Мохан* — «Обворожительный», эпитет Кришны.

¹⁶ *Шьям* — «Темный», эпитет Кришны.

¹⁷ *Тика* — кастовый знак.

¹⁸ *Амрита* — нектар бессмертия.

¹⁹ *Шалиграм* — черный камень, аммонит или речная галька, почитаются вишнуитами как символ бога Вишну.

²⁰ *Папиха* — птичка, часто встречающаяся в народных песнях и любовной лирике как олицетворение женщины, тоскующей в разлуке с любимым. По индийским поверьям, папиха в сезон дождей жалобно кличет супруга; ее крик «пиу-пиу» напоминает слово «милый» (на брадже *piu*, санскритское *priya*).

²¹ *Окутал одеждою дочь Драупады...* — имеется в виду эпизод из «Махабхараты». Один из кауравов, Духшасана, попытался опозорить Драупаду, дочь царя Драупады, общую жену братьев — пандавов, сорвать с нее одежды в собрании царей. Кришна спас Драупаду, сделав ее одежды бесконечными.

²² *Оказал милосердие жене риши...* — «Рамаяна» повествует о том, как Ахалья, жена мудреца, согрешила с богом Индрой и была проклятием мужа превращена в огромный камень. Проходя мимо, Рама коснулся этого камня ногой и вернул Ахалье прежний облик.

²³ *Гаруда* — мифическая птица, на которой летает бог Вишну.

²⁴ *Уддхав* — друг Кришны.

²⁵ *Канхейя* — «Любимчик», эпитет Кришны.

²⁶ *Акрур* — друг Кришны; по повелению царя Кансы увез Кришну из Гокула.

²⁷ *Тулси* — базилик, священное растение вишнуитов.

²⁸ *Холи* — весенний (февраль–март) праздник красок, особенно любимый Кришной и связанный с его именем. Во время холи люди обливают друг друга подкрашенной водой, осыпают порошковыми красками; сопровождается веселыми играми, танцами, представлениями в честь Кришны.

²⁹ *Саранги* — музыкальный инструмент, похожий на скрипку.

Берите бога задаром!

¹ Подробнее об исторических судьбах Пандхарипура см.: *G. D. Deleury. The Cult of Vithobā. Pune, 1960.*

² Подробнее о Витхобе см. *И. П. Глушкова* Махараштра: Виттхал // Древо индуизма. М., 1999; *И. П. Глушкова* Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М., 2000.

³ Скрупулезное воссоздание процесса смешения «санскритских» и автохтонных богов см.: *G.-D. Sontheimer. Bīrobā, Mhaskobā und Khandobā. Ursprung, Geschichte und Umwelt von Pastoralen Gottheiten in Mahārāṣṭra. Wiesbaden, 1976 / Pastoral Deities in Western India. New York, 1989.* См. также соответствующую рецензию: *И. П. Глушкова.* Восток. № 2. 1993.

⁴ *Экнатх* (1553–1599) — выдающийся поэт-проповедник «варкари пан-тха», восстановил первоначальный текст «Днянешвари» — поэтического комментария к «Бхагават-гите», созданного основоположником традиции варкари Днянешваром в XIII в.; зафиксировал биографии ранних поэтов традиции, включая Цокху Мелу — неприкасаемого из касты махаров; перевел с санскрита 11-ю скандху (главу) «Бхагават-пураны», известную на маратхи как «Экнатхи Бхагавата» и т. д. Среди огромного наследия Экнатха следует выделить «бхаруды» — драматические поэмы, обладающие двойным смыслом — секулярным и духовным, в которых выразителями идей бхакти являются птицы, собаки, махары, проститутки, нищие и т. д.

⁵ *госави* — странствующий аскет-шиваит.

⁶ Это мнение высказал известный индийский фольклорист и религиовед Р. Ч. Дхере, подробности изложены в его монографии: *R. C. Dhare. Viththal: ek mahāsamānvay. Pune, 1984.*

⁷ (2400) — нумерация абхангов соответствует изданию Н. Bh. P. S. K. Neurgāvkar (sāmpādak), *Śrīrūkārām mahārājāñcī sārtha gāthā. Pune, 1978.* Абханг 4029 цит. по изд. *Śrīrūkārāmbāvēñcyā abhangāñcī gāthā, bhāg dusrā. Mumbai, Gavharment central pres, 1950.* Абханг — букв. «неразрывный» — жанр поэтических «обращений» традиционной маратхской поэзии, содержащий от четырех строф и более, организованный с учетом количества и качества слогов и рифмы. Тукарам обычно помечал свои произведения сокращенным именем Тука.

⁸ ...мучительная аскеза — варкари отвергают такие пути постижения бога, как аскеза, книжное знание, строгое следование ритуалам, и отдают предпочтение бхакти — «сопричастности» божеству, выражаемому в безграничной вере, любви и почитании.

⁹ ...имя во рту [держателе] — как идиома это выражение означает постоянное произнесение различных имен бога, наделяемых особым сакральным могуществом и представляющих квинтэссенцию божественной сути; как метафора — желание получить вкусовое удовлетворение от присутствия во рту сладостного и сладкого имени.

¹⁰ ... [К богу] взор [обратившие] — т. е. медитирующие на каком-либо объекте, символизирующем бога.

¹¹ *Нараяна, Хари, Кришна* — вишнуитские имена-эпитеты Витхобы.

¹² *тулси* — базилик, священное растение вишнуитов, особенно любимое Витхобой; ожерелье из бусинок тулси — непрменный атрибут всех варкари, надеваемый на них гуру при инициации; во время паломничества в Пандхарпур многие женщины несут на головах горшки с растущим кустиком тулси.

¹³ *сокровище Кришны* (в оригинале «кауштубха») — в индийской мифологии драгоценность, добытая при пахтании океана богами и асурами.

¹⁴ *гарудпар* — букв. «место Гаруды» (Гаруда — мифическая птица, средство передвижения бога Вишну) — предположительно место в непосредственной близости от алтарного помещения в храме Витхобы в Пандхарпуре, возможно, ранее там находилось изображение Гаруды; более точно значение неизвестно.

¹⁵ Последовательность расположения стихотворного материала, разбитого на тематические блоки, не подразумевает воспроизведения достоверной хронологии, но воссоздает логически возможный ход событий.

¹⁶ *шудра* — низшая (после брахманов, кшатриев и вайшьев) варна в четырехварновой иерархической социальной структуре древне- и средневекового индийского общества.

¹⁷ *киртан* — дидактическое или морализаторское повествование, сопровождаемое религиозным песнопением.

¹⁸ ...*на одиннадцатый день* — одиннадцатый день светлой и темной половин индийского лунного месяца считается днем Вишну и, соответственно, Витхобы. В этот день вишнуиты придерживаются поста и особых форм богослужения.

¹⁹ *санты* — ключевое понятие традиции варкари — наиболее зрелые в духовном отношении приверженцы Витхобы, получившие откровение от любимого бога и собирающие вокруг себя последователей и учеников; все великие поэты-проповедники традиции (Днянешвар, Намдев, Экнатх, Тукарам и др.) — санты.

²⁰ *гуру* — духовный наставник.

²¹ ...*запрет [на стихи] разразился бедой* — брахманы запретили Тукараму излагать содержание священных книг и принудили утопить все записи в реке Индраяни. Тукарам повиновался, но на тринадцатый день его медитационного транса на берегу реки Витхоба вернул его тетради, не поврежденные водой; после этого чуда многие из преследовавших Тукарама брахманов стали его верными последователями.

²² *Пандуранга* — букв. «светлого цвета» — шиваитское имя-эпитет Витхобы.

²³ ...*я не доплыл* — общее для индийского мировоззрения представление о том, что жизнь человека от рождения до смерти является попыткой пересечения мирового океана, на другом берегу которого истинно верующего ожидает освобождение от круга перерождений.

²⁴ ...*Хвосты крутил* — таким способом подгоняют медленно бредущее стадо.

25 ...для омовения в Ганге — в Индии любую реку, подразумевая ее священный характер, называют Гангой: в данном случае — Индраяни; из абханга, однако, не вполне ясно, кто именно шел совершать омовение — наставник или Тукарам.

26 ...*Чуток топленого масла* — легенда повествует, что Джидзабаи, жена Тукарама, вечно раздраженная его неучастием в семейной жизни, ответила отказом и не дала ему масла.

27 ...*во сне я забыл об этом* — большинство явлений и откровений происходят, когда верующий находится в состоянии сна.

28 *Рагхава Чайтанья, Кешава Чайтанья, Бабаджи* — среди исследователей нет общего мнения относительно корней или истоков традиции, привидевшейся во сне Тукараму.

29 *мантра* — священная формула.

30 ...*светлой половины магха* — одиннадцатый месяц индуистского лунного календаря, соответствующий январю-февралю.

31 *Намдев* — о Намдеве см. соответствующий раздел.

32 *Витха* — форма женского рода при обращении к Витхобе как к «матушке».

33 *майя* — одно из ключевых понятий в религиозно-философской концепции индуизма, означающее иллюзорность окружающего мира.

34 *Бахинабаи* (1628–1700) — брахманка, поэтесса традиции варкари, считавшая себя ученицей Тукарама.

35 *Нилоба* Пимпалнекар (?–1753) — брахман, прослышав о славе Тукарама, приехал в Деху, получил «даршан» Тукарама (во сне) и, вдохновившись его поэзией, стал писать абханги.

36 *Махипати* Тахрабадкар (1715–1790) — брахман, составитель биографий маратхских поэтов-сантов.

37 *ракиас* — злобное существо демонической природы.

38 ...*нажитое кармой* — ложно — карма — закон причинно-следственной зависимости, обуславливающий качество новых перерождений.

39 *Гопала, Вишвамбхара, Говинда* — вишнуитские имена-эпитеты Витхобы.

40 *бхаджан* — религиозное песнопение во славу бога.

41 *Кешираджа, Ананта* — вишнуитские имена-эпитеты Витхобы.

42 ...*окропил бы водой*. — в этом абханге перечисляется вся утварь, необходимая для совершения ритуального богослужения.

43 *Брахма* — зд.: Витхоба.

44 *ОМ* — один из наиважнейших звуков-символов в религиозно-философской концепции индуизма, связан с представлением о вселенской целостности.

45 *Санчита, прарабдха, криямана* — функциональные и временные разновидности кармы.

46 *Парамананда* — «наивысшая благодать» — эпитет Всевышнего.

47 ...*увиджусь с Кешавой* — вишнуитское имя-эпитет Витхобы.

48 ...*левый глаз поддегивает, правая рука дрожит* — приметы, предвещающие встречу.

⁴⁹ *четырехрукий* — гиперболический эпитет, характеризующий Витхобу; часто встречается в произведениях поэтов-варкари.

⁵⁰ *...вращающий бхактов* — букв. идущих по пути бхакти; в текстах абхангов слово «бхакти» чаще переводится как «любовь [к Витхобе]».

⁵¹ *...драгоценность имени твоего* — варкари уделяют особое внимание практике повтора — мысленного или артикуляционно выраженного — имени бога.

⁵² *...зов передали с одеждой и сладостями* — по определенным датам, приуроченным к календарным праздникам, замужняя женщина посещает дом матери, иногда проводит в нем достаточно долгое время; обычно за ней отправляют провожатого, который, появляясь в доме ее мужа, передает ей подарки от родителей.

⁵³ *...все воедино слилось* — эта метафора связана с представлением о том, что бог находится повсюду.

⁵⁴ *...тень прохладная* — распространенный эпитет с положительным значением, связанный с климатической спецификой Индии.

⁵⁵ *...не нужен бог* — этот абханг создан в виде диалога между продавцом (Тукарамом) и покупателем.

⁵⁶ *...имя Рамы* — здесь — имя Витхобы.

⁵⁷ *...Хранилище Анантой заполнили* — Ананта — букв. — «бесконечный, бескрайний», т. е. хранилище заполнено тем, что не может кончиться.

⁵⁸ *...отмеряем словами* — т. е., исполнением киртанов, бхаджанов, повторением имени бога.

⁵⁹ *...по размеру цены заплаченной* — т. е., в зависимости от степени преданности богу.

⁶⁰ *мохра* — зд.: волшебный предмет (камень, монетка, ракушка), воспрепятствующая возгоранию привязанной к нему нити.

⁶¹ *...И руки, и ноги сандала* — сандал — т. е., аромат сандалового дерева пропитывает все части дерева.

⁶² *париса* — волшебный камень, превращающий железо в золото.

⁶³ *...девять видов любви* — девять различных проявлений бхакти: исполнение киртанов, омовение ног наиболее почитаемым бхактам и т. д.

⁶⁴ *...Он порядка не нарушает* — т. е., совершает паломничества, богослужения и т. д.

⁶⁵ *...какой бы он ни был касты* — в сакральном мире, т. е. мире бога, все люди равны независимо от кастовой принадлежности.

⁶⁶ *...он* — садху, зд.: сант.

⁶⁷ *У одного в руках тарелочки* — тарелочки и трешотки создают ритмический фон во время песнопений варкари.

⁶⁸ *...Утратили вкус к паломничеству* — подобные противоречия обычны в абхангах Тукарма. Несмотря на то, что паломничество к Витхобе в Пандхарпур является основным признаком принадлежности к «варкари пантху», не меньшее значение придается и совместным песнопениям в честь Витхобы. С учетом того, что бог находится повсюду, и прежде всего в каждом благочестивом варкари, концентрация божественного

в таких случаях является достаточной для того, чтобы испытать чувство благодати.

69 ... *К чему удаляться в лес* — варкари отрицают необходимость аскезы и отшельничества.

70 *Харихара* — симбиоз Вишну и Шивы в одном лице, что вполне соответствует двойственно-комплексному образу Витхобы.

71 ... *из касты моей* — т. е., из собратьев по «варкари пантху».

72 ... *успешным это рождение станет*, т. е. принесшим плоды.

73 ... *С тыквой в руках* — сосуд из выдолбленной тыквы и одеяло, сшитое из лоскутов, — неперменные атрибуты странствующего вишнуита.

74 *пурины* — древние и средневековые мифологические сказания.

75 *веды* — древнеиндийские сборники гимнов, жертвенных формул, заклинаний и т. д., священные книги индуизма.

76 ... *Пеплом отмечился* — пепел считается священной субстанцией и используется для нанесения отличительных знаков на лоб.

77 ... *не отрелкись от тела* — отречение от тела подразумевает неублажение его излишествами.

78 ... *что дхарма, что недхарма* — «дхарма» — основной религиозный закон.

79 ... *ноги [бога] обнимет* — т. е., способен достичь бога

80 ... *прочим восьми металлам* — золото, серебро, медь и другие металлы, которым приписывается божественное происхождение.

81 *пандит* — брахман, знаток священных текстов.

82 ... *книжники (в ориг. «читающие»), знатоки (в ориг. «знающие»)* — кроме пандитов, обучающих других, выделяются категории брахманов, читающих и знающих для себя, т. е., не передающих знание.

83 ... *людям дурным* — т. е. тем, кто не идет по пути бхакти.

84 *Ракхумай* — супруга Витхобы; ее храм располагается в непосредственной близости от храма Витхобы в Пандхарпуре.

85 ... *Погруженный [только] в молитву* — т. е., рассчитывающий на исполнение своих желаний.

86 ... *Нет смысла украшать вдову* — после смерти мужа индийская женщина не должна носить украшений, яркой одежды и т. д. Тукарам придерживался традиционных взглядов, что женщина может наряжаться только для мужа.

87 ... *намазать лоб свиньи шафраном* — шафрановый порошок наносится на лоб во время совершения различных религиозных ритуалов.

88 *Одежды богов* — ритуал одевания божественных скульптур является одним из важнейших в индуистских храмах.

89 ... *за коровой приглядеть* — корова — священное животное в индуизме; оказывающие ей покровительство приобретают особые заслуги.

90 ... *ноги омоем дваждырожденным* — ритуал омовения (чьих-либо) ног является одним из способов выражения наивысшего почтения в индуизме; под дваждырожденными подразумеваются представители трех высших варн — брахманы, кшатрии, вайшьи, а также санты.

91 *Яма* — бог смерти.

92 ...*ад Кумбхапака* — индусская мифология различает несколько разновидностей адов; Кумбхапака — один из них.

93 ...*охряного окраса собака* — подразумевается сходство по цвету с одеждой бродячих аскетов.

94 ...*Отрастив оселедец* — т. е., выбрив голову и оставив на макушке длинную прядь волос — так поступали представители высших каст и странствующие аскеты.

95 *Агастья* — в индусской мифологии мудрец, известный как «Выпивший океан»; Агастья выпил океан, поскольку был оскорблен последним, а также желал помочь богам обнаружить прятавшихся в океанских водах демонов.

96 ...*Пока не появится Тука* — в этом абханге Тукарам недвусмысленно дает понять, что знает себе цену.

97 ...*Корку из глины* — высушенный кизяк складывали кучей и сверху наносили слой мокрой глины, которая высыхала и превращалась в крепкий панцирь, предохраняющий кизяк от дождя; кизяк использовали в качестве топлива при приготовлении пищи, т. е., свекровь лишает невестку возможности разводиться огнем и готовить еду.

98 ...*Прикрытый наростом сосуд* — сосуд с кисломолочным продуктом закрывали специальной кисломолочной же массой, впоследствии затвердевавшей и предохранявшей содержимое сосуда от порчи.

99 ...*Скажешь, что я в Пандхарпуре* — т. е., использовать предлог, чтобы не подавать милостыни.

100 ...*Амруту сделал ты* — «амрута» («амрита») — божественный нектар, добытый при пахтании океана.

101 ...*Создатель элементов* — имеются в виду пять космических первоэлементов, лежащих в основе Вселенной, — вода, воздух, эфир, земля и огонь.

102 ...*Прошное сгинет./ Не будет усталости в будущем* — основной целью индуса является прекращение действия довлеющей над ним кармы; Витхоба, принимающий на себя ответственность за жизнь бхакта, освобождает его от воздействия кармы во всех ее проявлениях.

103 Подробнее о гипотезах о судьбе Тукарама см.: И. П. Глушкова. Современные страсти вокруг средневекового мистика // Восток. № 4. 2000.

104 ...*обнять любимые ноги* — до 1873 г. разрешалось обнимать ноги бога, после частичного разрушения скульптуры верующим позволяется совершать только «падаспаршу» — прикасаться лбом к стопам.

И. П. Глушкова

Половина рассказа

¹ Подробнее о джайнизме можно прочитать: Н. Р. Гусева. Джайнизм. М., 1960; В. В. Шохин, А. А. Терентьев и В. Г. Лысенко. Ранняя буддистская философия. Философия джайнизма. М., 1994.

² *Mukund Lath.* (ed., tr.) *Half a Tale.* Ardhakathanaka. Jaipur, 1981, p. 214–218.

³ *Хвала Шри Параматме...* — Начальная фраза-посвящение написана, как того требовал обычай, на санскрите. *Параматма* — буквально «изначальная душа», Бог-абсолют. *Шри* — здесь: «господин», «почтенный».

⁴ *Обряд возлияния* — (буквально «обрызгивание») — поклоняясь тиртханкарам, джайны обрызгивают статую водой.

⁵ *Паршва (Паршванатх) и Супаршва* — имена тиртханкаров.

⁶ *Бенарес* (классическая форма — Варанаси) или Каши — священный город индусов и джайнов.

⁷ *Джина* — буквально «победитель», эпитет Вардхаманы, основателя джайнизма.

⁸ *Шивпури* — буквально «город Шивы».

⁹ *Шримал* — подкаста купцов в Северной Индии. Большинство — джайны.

¹⁰ *Мадхьядеш* — буквально «срединная страна», название части Северной Индии от Гималаев до гор Виндхья и от Курукшетры до Праяга (Аллахабада), автор имеет в виду распространенный в этом регионе диалект хинди.

¹¹ *Бхарата* — древнее название части Северной Индии.

¹² *Рохтагпур (Рохтаг)* — город к северо-западу от Дели.

¹³ *Раджпуты* — члены военно-феодалного сословия Северной, Западной и частично Центральной Индии. Славилась отвагой и традициями воинской чести. Происхождение Банараси от раджпутов сомнительно, скорее всего — это обычное для торговых слоев средневековой Индии стремление повысить свой кастовый статус.

¹⁴ *Карма* — в индуизме совокупность добрых и злых деяний человека, определяющих его статус и поведение в следующем рождении. Джайны представляли карму в виде частиц материи, налипавших на душу человека и тянувших ее вниз, к земле, к новым перерождениям. Здесь Банараси имеет в виду, что его предки аскетическими подвигами очистили душу от прежней кармы.

¹⁵ *Мантра* — священная формула, произнесение которой приносит особые духовные результаты (например, призывает бога).

¹⁶ *...отсюда имя Шримал* — Банараси производит название подкасты от *mālā*, что на санскрите означает «гирлянда», «ожерелье».

¹⁷ *Готра* — первоначально родовое деление у брахманов. Впоследствии было принято и небрахманскими кастами для обозначения своих родовых или клановых подразделений.

¹⁸ *Могол* — искаженное «монгол», уроженец Средней Азии, часто общее название для всех феодалов-мусульман или мусульман вообще. См. также комментарии к гимнам Намдева.

¹⁹ *Малва* — историческая область в Центральной Индии.

²⁰ *Нарвар* — город на северной границе Малвы (современный штат Мадхья Прадеш).

²¹ *Джагир* — военный лен, предоставляемое государем феодалу на условиях военной службы право сбора налога с определенной территории.

²² *Хумаюн* — второй падишах династии Великих Моголов (1530–1555), был лишен трона афганскими феодалами и провел в изгнании в Иране 14 лет.

²³ *Это было в 1600 году...* — в тексте (и переводе) везде используется традиционная индийская система летоисчисления — эра Викамы (*samvat Vikrami*). Чтобы перевести дату в наше летоисчисление, нужно от даты, указанной в тексте, отнять 57. Таким образом, 1600 г. у Банараси соответствует 1543 г.

²⁴ *... В пятый день светлой половины савана...* — саван — месяц индийского календаря, соответствующий июлю — августу. Месяцы традиционно делились на «темную» половину, начинавшуюся на следующий день после полнолуния, и «светлую», начинавшуюся на следующий день после новолуния.

²⁵ *Скрылся Гханмал как облако...* — Банараси мастерски обыгрывает значение корня в имени: *ghan* означает «облако».

²⁶ *Велел дом опечатать...* — по закону, так поступали лишь с выморочным имуществом, которое никто не наследовал. Поскольку у Мулдаса остался сын, поступок могольского вельможи был ни чем иным, как беззаконием.

²⁷ *Гомти* — один из притоков Ганга.

²⁸ *Патханы* (патаны) — индийское название афганцев-пуштунов.

²⁹ *Прочли хутбу, подняли зонт* — хутба — мусульманская молитва от имени и во здравие правящего государя. Зонт у владык Индии был символом власти.

³⁰ *Пауни* — собирательное название низких каст, относившихся к шу-драм.

³¹ *Бетельщики* — изготовители бетеля, освежающей рот смеси из плодов арековой пальмы, извести, пряностей, завернутых в листья кустарника, собственно и называемого бетель. Обладает дезинфицирующим и слегка наркотическим воздействием, популярно в Индии с древности до наших дней.

³² *Бари* — каста, занимающаяся сшиванием листьев, используемых в качестве тарелок или для заворачивания пищи.

³³ *...на крышах — павильоны...* — плоские крыши индийских домов часто используются для отдыха. Богатые люди возводили на крышах матерчатые павильоны.

³⁴ *Паргана* — округ, обычно несколько деревень с центром в большом селении или маленьком городке; низшая административная единица в средневековых государствах Индии.

³⁵ *Манди* — оптовый рынок сельскохозяйственной продукции.

³⁶ *Первым был Джауна-шах...* — Банараси перечисляет имена мусульманских правителей Джаунпура до вхождения его в состав империи Моголов.

³⁷ *Итава* — город к югу от Агры.

- 38 *Виндхья* — горы в Центральной Индии.
- 39 *Гхагхра* — приток Ганга.
- 40 *Диван* — глава налогового ведомства (на уровне округа, области или страны).
- 41 *Потдар* — налоговый чиновник.
- 42 ...*Выдавал расписки* — речь идет о документах, подтверждающих получение налоговых поступлений.
- 43 *Парикрамана* — джайнский обряд, во время которого обходят статую тиртханкара и каются в грехах.
- 44 *Не строить нового дома...* — различного рода обеты считались обязательными у джайнов. Обет не строить нового дома для богача Раи Дхана означал самоограничение.
- 45 *Гора Симет* — священное место джайнов, около 200 км от современной Калькутты.
- 46 *Пять намокара* — пять священных формул джайнизма, обозначающих почитание артхатов (достигших высшей степени совершенства), сиддхов (духов), праведников, вероучителей и всех добрых людей.
- 47 ...*шел он тайными тропами* — из текста неясно, почему смерть Раи Дхана заставила Кхарагсена тайно бежать.
- 48 *Панч* — буквально «пять» — совет старшин касты, который, по обычаю, должен был составить опись наследства и засвидетельствовать отказ от него Кхарагсена в пользу двоюродной сестры.
- 49 ...*ничего себе не взяв...* — традиционное право не признавало за женщиной права наследования. Незамужняя дочь умершего могла претендовать лишь на свои украшения и приданое. Как ближайший родственник-мужчина и компаньон, Кхарагсен имел право унаследовать все имущество своего дяди. Отказавшись от наследства в пользу двоюродной сестры и устроив за свой счет ее брак, отец Банараси совершил, согласно моральным нормам того времени, благородный, богоугодный поступок.
- 50 *Агарвал* — одна из купеческих каст Северной Индии.
- 51 *Чунни* — блески, мелкие осколки драгоценных камней. Использовались для изготовления дешевых украшений или нашивались на ткань.
- 52 *Сати* — вдова, добровольно взошедшая на погребальный костер мужа. Таких женщин индусы почитают святыми, места их сожжения привлекают множество паломников, особенно желающих обрести погоство. Джайнизм осуждает самосожжение вдов, но под влиянием индуизма джайны также почитают сати.
- 53 *Майя* — иллюзия, философская категория, подразумевающая иллюзорность мира реального в противовес реальности мира духовного. Отринуть майю — уйти от мира, стать аскетом.
- 54 *Магх* — месяц, соответствующий январю — февралю.
- 55 ...*красавицы спели величальную* — по обычаю, родственницы, соседки и подруги матери, только что родившей ребенка, собираются в ее доме, приносят подарки и поют песни, прославляющие молодую мать и ее дитя.
- 56 *Якша* — дух, обитающий в лесах и горах.
- 57 *Пандит* — ученый брахман.

⁵⁸ *Явились с предложениями пурохит и цирюльник* — пурохит — домашний жрец. Обычай посылать пурохита и цирюльника (или одного цирюльника) с брачным предложением сохранился, особенно в деревнях, до наших дней.

⁵⁹ *Тилак* — знак, наносимый на лоб; означает принадлежность к определенной касте или секте; часто ставится во время религиозных обрядов или в знак благопожелания.

⁶⁰ *...через два года...* — в средневековой Индии, да и впоследствии, были распространены детские браки. Реальные супружеские отношения супруги начинали, достигнув половой зрелости.

⁶¹ *Увез он ее домой...* — после свадьбы дети-супруги продолжали жить в родительских домах до совершеннолетия. Когда новобрачная достигала зрелости, муж приезжал за ней и торжественно вводил в свой дом.

⁶² *Наваб Килич* — Чини Килич Хан — наместник Джаунпура и Бенареса во времена императора Акбара. Наваб — титул высшей мусульманской знати.

⁶³ *Кара-Маникпур* — район, находящийся по обеим сторонам Ганга, вблизи Аллахабада.

⁶⁴ *Тривени* — другое название «сангам», буквально «слияние», место, где сливаются Ганг, Джамна и мифическая подземная река Сарасвати, место паломничества у индуистов. Близ Тривени расположен город Аллахабад, древнее название которого — Праяг.

⁶⁵ *Каури* — раковина, служившая мельчайшей разменной монетой.

⁶⁶ *Танка* — медная монета (среднеазиатская таньга, ср. «деньга»).

⁶⁷ *...раздала сласти и печенье* — в Индии по сей день существует обычай в честь какого-либо счастливого события в семье раздавать сласти соседям и просто прохожим.

⁶⁸ *Питри* — духи предков.

⁶⁹ *Фатехпур* — город в современном штате Бихар, административно подчинялся Джаунпуру.

⁷⁰ *Адхьятма* — мистическое учение в джайнизме, отрицавшее обряды и внешнюю сторону культа.

⁷¹ *Даниял* — третий сын императора Акбара, был наместником Аллахабада.

⁷² *...Килич уехал в Агру* — т. е. был отозван императором.

⁷³ *Шах Салим* — старший сын и наследник Акбара, вззошел на трон в 1605 г. под именем Джахангир.

⁷⁴ *Падишах заподозрил [мятеж]...* — события, о которых повествует Банараси, совпали с реальным мятежом Салима против отца. Салим мог на самом деле под видом охоты собрать войска и попытаться захватить Джаунпур, но его подлинные планы не могли быть известны Банараси, который рисует весь эпизод как недоразумение.

⁷⁵ *...возложил на голову указ...* — знак покорности и повиновения.

⁷⁶ *Гхаты* — ступенчатые спуски к реке.

⁷⁷ *Чоудхри* — деревенский староста.

⁷⁸ *«Намамала»* — словарь, неясно, какой имеется в виду.

79 *«Анекартха»* — лингвистический трактат, посвященный многозначным словам.

80 *«Лагху Кока»* — облегченное переложение эротического трактата *«Ратирахасья»* Коки (XII в.).

81 *Шлока* — санскритское двустиишие особого размера.

82 *«Кхандаспхута»* — астрономический трактат.

83 *Суфий-факир* — суфии — последователи мистического учения в исламе (суфизма). Часто называли себя факирами — нищими, проповедовали аскетизм и любовь к богу. В суфийской поэзии, пользовавшейся в те времена огромной популярностью и у немусульман, бог представлен как возлюбленная, а суфий — как страстно влюбленный.

84 *Кхаратагачча* — мистическая секта в джайнизме. Основана в XI в.

85 *Муни* — букв. «просветленный», аскет, мудрец.

86 *Шравака* — джайнский аскет или монах.

87 *«Панчасандхи»* — грамматический трактат. *«Шрутабоддха»*, *«Чхандикоша»* — трактаты по метрике.

88 *«Восемь добродетелей»* джайнов — непрелюбодеяние, самоконтроль, вежливость, скромное поведение, избегание дурных поступков, нестяжательство, безгневность, правдивость.

89 *Доха* — двустиишие с цезурой в каждом полустиишии.

90 *Чаупаи* — род четверостишия.

91 *Раса* — букв. «вкус», «сок». В традиционной теории искусства — чувство, эмоция, переживание, воплощенное в художественном произведении. Всего раса насчитывали девять: любовь, отвага, отвращение, гнев, радость, страх, жалость, изумление, спокойствие, родительская нежность к ребенку.

92 *Пауш* — месяц, соответствующий декабрю—январю.

93 *Вата* — согласно древнеиндийской медицине (аюрведе), здоровье зависит от правильного сочетания в организме человека трех элементов — воды, огня и воздуха (вата). Нарушение баланса между ними приводило к заболеванию. Банараси полагает, что его болезнь была вызвана нарушением со стороны «вата», т. е. воздушной составляющей плоти. По мнению некоторых исследователей текста, Банараси был болен сифилисом.

94 *...жену с ним не отпустили* — родители жены Банараси не сочли его достаточно взрослым и ответственным, чтобы вести семейную жизнь. Такой отказ был позорным для Банараси и его семьи.

95 *Куринджи* — куропатка, жалобное пение которой часто сравнивают в поэзии с женским плачем.

96 *Дервиш* — суфий, бродячий аскет-мусульманин.

97 *Бхаты* — каста поэтов-бардов.

98 *Пури* — лепешка, жареная в кипящем масле.

99 *Сер* — мера веса, равная примерно одному килограмму.

100 *Раковина* — символ бога Шивы, объект почитания у шиваитов.

101 *Чайт* — месяц индийского календаря, соответствующий марту—апрелю.

102 *Муким* — маклер, торговый агент.

¹⁰³ *Карттик* — месяц, соответствующий октябрю–ноябрю.

¹⁰⁴ *Раковина* — образ бога *Шивы*... — смысл этого стиха не совсем ясен, особенно вторая часть «большой раковиной стал Банараси» (*saṃkharip śivadev, mahāsāṅkh bānārasi*) — Мукунд Латх переводит: «стал пустой раковиной», что соответствует последующим событиям, из которых явствует, что религиозное рвение Банараси на стезе шиваизма ничего не принесло, но в тексте слова «пустой» нет, к тому же следующая строка «слились оба воедино...» говорит о том, что Банараси достиг мистического слияния с Шивой.

¹⁰⁵ *Распалась связь*... — смысл стиха не совсем ясен. В оригинале *saṅgh phūṭi caḥū disi gayō, āp āpko hoi // nadi nāv sañjog jyō, bichure milai nahī koi*... Мукунд Латх переводит: «распрошались, как люди, ненадолго сошедшиеся на пароме». Перевод представляется неточным, скорее имеется в виду нечто, схожее с русским «разошлись как в море корабли».

¹⁰⁶ *Акбар Шах Джалал* — полное тронное имя императора — Джалал уд-дин Мухаммад Акбар.

¹⁰⁷ *Напрасно тревожились люди*... — на самом деле, смерть государя часто влекла за собой междоусобицы и борьбу за власть, следствием которых было разорение городов.

¹⁰⁸ ...не есть зелень и баклажаны... джайны и часть брахманов считают, что баклажаны и некоторые виды зелени обладают свойствами живых существ (например, сок баклажанов по цвету напоминает сукровицу), а потому употреблять их в пищу грех.

¹⁰⁹ *Пхалгун* — месяц, соответствующий февралю–марту.

¹¹⁰ *Гхи* — топленое масло. *Ман* — мера веса, равная около 40 кг.

¹¹¹ *Дхоти* — мужская одежда, набедренная повязка различной длины, один конец которой пропускают между ногами и закрепляют на талии.

¹¹² *Кос* — мера длины, равная примерно 3,2 км.

¹¹³ *Агхан* — месяц, соответствующий ноябрю–декабрю.

¹¹⁴ *Чампси* — имя собственное, в тексте не объяснено, кто это; видимо, некий известный горожанин.

¹¹⁵ *Котхи* — контора банкира или купца, помещение торговой фирмы.

¹¹⁶ «*Мадхумалати*» и «*Мригавати*» — суфийские любовные поэмы на хинди, созданные на рубеже XV и XVI вв.

¹¹⁷ *Качаури* — род пирожка.

¹¹⁸ *Сбивал океан, получил улитку* — пословица, пародирующая миф о пахтании океана богами и асурами (см. комментарии к «Венку шуток» Кшемендры). Близка по смыслу русской пословице «гора родила мышь».

¹¹⁹ *Точно в сказке*... — неясно, о какой сказке идет речь. *Хинг* — пряность асафетиды.

¹²⁰ *Чинтамани* — волшебный камень, исполняющий желания.

¹²¹ Эти произведения Банараси до нас не дошли.

¹²² ...*благоприятный день* — день, определенный астрологами как счастливый для начала путешествия.

¹²³ *Фирозабад* — крепость недалеко от Агры.

¹²⁴ *Шахзадпур* — местность близ Аллахабада.

125 ...*полторы стражи ночи*... — средневековые индийцы делили день и ночь на «стражи» (*rahar*), т. е. периоды, через которые сменялся городской караул. Продолжительность одной стражи составляла три часа; время определяли по солнечным, водяным или песочным часам.

126 *Разбойничья деревня* — имеются в виду либо профессиональные грабители, либо скрывающиеся в лесу и промысляющие разбоем беглые крестьяне.

127 ...*прочитал шлоку*... — услышав санскритское двустипие, атаман принимает Банараси и его спутников за брахманов. Убийство брахмана считалось самым страшным грехом, немыслимым даже для разбойника.

128 *Чаупари* — навес на четырех столбах, место деревенских сходов.

129 *Джанеу* — священный шнур, носимый через плечо брахманами, а также членами двух других высших варн — кшатриями и вайшьями.

130 *Тика* — здесь: кастовый знак.

131 *Байсах* — месяц, соответствующий апрелю–маю.

132 *Сиронао* — буквально «с головы до ног», комплект дорогой одежды, вручаемый государем или вельможей подчиненному в знак милости.

133 ...*мансаб в четыре тысячи* — в 1574 г. падишах Акбар ввел систему рангов-мансабов, согласно которой каждому чину на государственной службе соответствовало определенное количество воинов, которых феодалу надлежало вооружить на доходы с пожалованной за службу земли и выставить в случае войны. Мансабы в четыре тысячи жаловались высшим эмирам государства.

134 *Был эмир Ага Нур*... — видимо, этот эмир был послан падишахом с карательной миссией. Районы, о которых идет речь, были во времена Джахангира ареной феодальных мятежей, которые нередко поддерживались горожанами.

135 *Айодхья* — город в восточной части современного штата Уттар Прадеш, где родился и правил Рама; священное место индусов, джайны также почитают его.

136 *Раунахи* — населенный пункт, современное название неизвестно.

137 *Сурхурпур* — небольшая крепость к северу от Джаунпура.

138 *Масанд* — термин неясен. Масандами иногда называли представителей феодального властителя на местах. У сикхов, община которых к началу XVII в. превратилась в своеобразное государство в государстве, масандами называли представителей гуру — главы общины, которые собирали налог с рядовых сикхов. Ни о должности, занимаемой Сабал Сингхом, ни о его религии в тексте не упоминается.

139 ...*твой дядюшка* — в Индии до сих пор принято употреблять имена родства при обращении к родственникам близких друзей, которые как бы приравняются к братьям и сестрам. К друзьям близких родственников также обращаются по именам родства.

140 *Восхваление Нароттама* — этот акростих переведен лишь приблизительно, иначе невозможно было бы из начальных слогов каждой строки сложить имя адресата.

¹⁴¹ *раздали дары* — по обычаю, родственники тяжело больного или умирающего раздают дары соседям или родичам, а также милостынником, прося их молиться об исцелении страждущего.

¹⁴² *джъештх* — месяц, соответствующий маю–июню.

¹⁴³ *Кевалин* — у джайнов человек, достигший высшей степени духовного просветления.

¹⁴⁴ *Махешвари* — название одной из торговых подкаст; могло быть и собственным именем купца или входить в состав его имени.

¹⁴⁵ *Ахиры* — пастушеское племя, в средние века — земледельцы и мелкие феодалы.

¹⁴⁶ *Котвал* — начальник полиции.

¹⁴⁷ *Хаким* — наместник.

¹⁴⁸ *Кхат* — кровать или род кушетки.

¹⁴⁹ *Сули* — пика, а также кол, на который сажали преступников.

¹⁵⁰ *Цветочное масло* — (*phulel*) — косметическое средство, ароматизированное цветочной эссенцией.

¹⁵¹ *Жадность — корень греха...* в оригинале *lobh mūl sab pāp kau, dukh kau mūl sneh/ mūl ajīran vyādhikau, maran mūl yeh deh//*. Мукунд Латх перевел: «Жадность, говорят, есть причина всех грехов, источник болезней и несварения желудка, даже жизни и смерти, но любовь, именно любовь — источник всех наших печалей». Такой перевод представляется неточным.

¹⁵² *...купцы избегли греха...* — т. е. греха стать причиной, хотя бы и невольной, смерти брахмана.

¹⁵³ *Амарсар* — местоположение неизвестно. Из текста неясно также, кто такой Нихалчанд.

¹⁵⁴ *...жениться в Хайрабад* — после смерти жены Банараси был помолвлен с ее младшей сестрой; свадьба, согласно обычаю, состоялась спустя некоторое время.

¹⁵⁵ *Ахичхатра* — один из древнейших городов долины Ганга.

¹⁵⁶ *Хастинапур* — столица героев «Махабхараты» кауравов, недалеко от современного Дели.

¹⁵⁷ *Санги, Кунтху и Ара* — имена тиртханкаров.

¹⁵⁸ *...с душой, исполненной бхакти* — в этом фрагменте заметно влияние на джайнизм комплекса мистических учений в индуизме, известных под собирательным названием бхакти. В джайнизме боги не играют роли, поэтому мистическая преданность Банараси обращена к тиртханкарам. Гимн, сочиненный Банараси, передает факты их легендарной биографии. Там, где речь идет о высоте тел тиртханкаров, имеется в виду высота их скульптурных изображений.

¹⁵⁹ *Каул* — город близ Дели, ныне Алигарх.

¹⁶⁰ *...двенадцать врата* — *vrata* означает «обет». Имеются в виду двенадцать обетов, которые был обязан соблюдать добродетельный джайн-мирянин: сдержанность, ненасилие, умеренность в еде, одежде, украшениях, использовании косметики, избегание флиртовых бесед, сплетен, азартных игр, пирушек и т. д.

¹⁶¹ «Самаясара-натака» — трактат джайнского автора Кундакунды, посвященный мистическому учению адхьятмы.

¹⁶² ...*точно верблюжья нога*... имеется в виду, что верблюд, прежде чем сделать шаг, долго держит ногу на весу. Выражение близко по смыслу русскому «между небом и землей».

¹⁶³ *Вайрагья* — аскетизм, отречение от мирской суеты.

¹⁶⁴ «Гьян-пачиси» — «Двадцать пять (строф) о познании», «Дхьян-баттиси» — «Тридцать две (строфы) о сосредоточении» — сочинения Банараси, пока не исследованные учеными.

¹⁶⁵ *Трипурдас* — из текста неясно, кто это.

¹⁶⁶ ...*съедал жертвенную пищу* — т. е. пищу, подносимую статуям тиртханкаров. Это считалось таким же страшным грехом, как на Руси — «татьба церковная».

¹⁶⁷ *Раздевшись донага*... — Банараси и его друзья пародировали нагих аскетов-дигамбаров.

¹⁶⁸ ...*туфлей по голове*... — удар туфлей по голове считается у индийцев страшным оскорблением.

¹⁶⁹ *Говорили люди*... — в оригинале: *kahahi log śrāvakaḥ aru jātī / bānarasī khosrāmātī / tīni puruṣaḥ kī calai na bāt, yeh paṇḍit tātai vikhyāt /*. Смысл стиха не совсем ясен. У Мукунд Латха: «Банараси считался ученым человеком, потому что люди не знали о его беспутных друзьях». Такой перевод не кажется точным.

¹⁷⁰ *Умер он в одночасье*... — действительно, падишах Джахангир умер скоропостижно, но не на пути в Кашмир, а по дороге из Кашмира в Лахор.

¹⁷¹ *Шах Киран* — часть полного титула падишаха Шах Джахана (правильно — Сахиб-и Киран-и Сани, «Повелевающий Сближением Светил»).

¹⁷² *Баччха* — из текста неясно, кто это.

¹⁷³ *вачаника* — небольшое прозаическое сочинение. Все перечисленные здесь произведения Банараси исследователям неизвестны.

¹⁷⁴ *съядвад* — релятивизм, философская доктрина в джайнизме, утверждающая относительность всякого познания.

¹⁷⁵ «*Гомматасара*» — философский трактат известного джайнского ученого X в. Немичандры.

¹⁷⁶ *гунастхана* — буквально «обитель гун». Гунами (*guna*) в различных религиозно — философских системах Индии, в том числе и у джайнов, называются неизменные качества, присущие материальной или духовной субстанции. Гуны — неотъемлемая и извечная характеристика субстанции, в то время как сочетания гун могут быть различными.

Е. Ю. Ванина

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Индия: страна и ее регионы. Ред. *Ванина Е. Ю.*

Майданов А. С. Великие тайны «Ригведы».

Шах И. Мыслители Востока.

Шах И. Учиться как учиться. Психология и духовность на суфийском пути.

Шахматова Е. В. Искания европейской режиссуры и традиции Востока.

Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма.

Рерих Ю. Н. Тибетский язык.

Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного Китайского языка.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1, 2.

Анисимов А. В. Венеция. Архитектурный путеводитель.

Соколов В. В. Средневековая философия.

Штейн А. Л. Дон Кихот — вечный спутник человечества.

Штейн А. Л. История испанской литературы.

Бозций Дакийский. Сочинения. Вып. 1. Ред. *Апполонов А. В.*

Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.

Барт Р. S/Z. Бальзаковский текст (опыт прочтения).

Чердынцев В. В. Где, когда и как возникла былина.

Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX в. Вып. 2. Ред. *Иванов В. В.*

Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. В 3-х т.

Бобылева А. Л. Хозяин спектакля. Режиссерское искусство на рубеже XIX–XX веков.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. В 3-х книгах: 1. Литература «Оттепели» (1953–1968), 2. Семидесятые годы (1968–1986), 3. В конце века (1986–1990-е годы).

Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или электронной почтой urss@urss.ru.
Полный каталог изданий представлен
в Интернет-магазине: <http://urss.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература